

ОТ ПАКТА
МОЛОТОВА —
РИББЕНТРОПА
ДО ДОГОВОРА О БАЗАХ

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

**ОТ ПАКТА
МОЛОТОВА —
РИББЕНТРОПА
ДО ДОГОВОРА О БАЗАХ**

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ТАЛЛИНН · «ПЕРИОДИКА» · 1990

Титул оригинала:

Molotovi-Ribbentropi paktist baaside lepinguni.
Dokumente ja materjale.

Составители *Кюлло Арьякас, Тийт Арумяэ,*

Хейно Арумяэ, Рейн Хелме.

Редактор *А. Губергриц.*

Перевод с эстонского *М. Мурникова.*

Художник-оформитель *Х. Пузанов.*

В сборнике использованы материалы из Центрального государственного архива кино-, фото- и фонодокументов ЭССР, а также фотографии, воспроизведенные в прессе.

0 0503020500—023 1—90
904(15)—90

ISBN 5—7979—0258—3 (рус.)

ISBN 5—7979—0205—2 (эст.)

© Kirjastus «Periodika», 1989

Перевод на русский язык,

© Издательство «Периодика», 1990

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	11
Влияние обострения международной обстановки весной 1939 года на положение в Эстонии	14
1. Нота народного комиссара иностранных дел СССР посланнику Эстонии в СССР А. Рею. 28 марта 1939 г.	16
2. Отрывки из воспоминаний начальника первого отдела штаба вооруженных сил подполковника А. Лутса	17
3. Письмо К. Мегерле министру иностранных дел Германии. 31 августа 1938 г.	18
4. Телеграмма временного поверенного в делах Германии в Таллинне министру иностранных дел Германии. 15 апреля 1939 г.	21
5. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии. 2 мая 1939 г.	22
Проблема укрепления обороны государства	24
6. План модернизации обороны государства, представленный президенту главнокомандующим вооруженными силами. 14 декабря 1937 г.	25
7. Обсуждение возможностей приобретения вооружения на объединенном заседании комиссий при Государственном совете. 11 ноября 1938 г.	28
8. Пояснительная записка к общему мобилизационному плану № 2. [Май 1939]	31
9. Выступление военного министра генерал-лейтенанта П. Лилля на заседании Совета государственной обороны. 25 мая 1939 г.	36
Советско-англо-французские переговоры и вопрос гарантий Прибалтийским государствам	38
10. Предложение, врученное народным комиссаром иностранных дел СССР послу Англии в СССР. 17 апреля 1939 г.	41
11. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР послу Англии в СССР. 14 мая 1939 г.	41
12. Интервью министра иностранных дел Эстонии газете «Baltic Times». 25 мая 1939 г.	42
13. Письмо посланника Эстонии в Москве министру иностранных дел Эстонии. 5 июня 1939 г.	43
14. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с посланником Эстонии в СССР. 5 июня 1939 г.	45
15. Письмо посланника Эстонии в Париже в Министерство иностранных дел Эстонии. 7 июня 1939 г.	46
16. Телеграмма министра иностранных дел Польской республики в польское посольство в Великобритании. 9 июня 1939 г.	47
17. Нота правительства Латвии правительству Великобритании. 12 июня 1939 г.	47
18. Письмо министра иностранных дел Великобритании посланнику Великобритании в Риге. 17 июня 1939 г.	48
	5

19. Телеграмма поверенного в делах США в СССР Государственному секретарю США. 22 июня 1939 г.	49
20. Письмо министра иностранных дел Великобритании посланнику Великобритании в Хельсинки. 8 июля 1939 г.	50
21. Проект англо-франко-советского соглашения. 8 июля 1939 г.	52
22. Проект дополнительного письма к соглашению СССР, Англии и Франции. 9 июля 1939 г.	52
23. Письмо консула Великобритании в Таллине министру иностранных дел Великобритании. 11 июля 1939 г.	53
24. Письмо министра иностранных дел Великобритании посланнику Великобритании в Риге. 18 июля 1939 г.	56
25. Телеграмма посла Великобритании в СССР министру иностранных дел Великобритании. 28 июля 1939 г.	57
26. Запись заседания военных миссий СССР, Англии и Франции. 15 августа 1939 г.	58
27. Телеграмма военного атташе Франции в Польше в Военное министерство Франции. 19 августа 1939 г.	59
28. Телеграмма министра иностранных дел Великобритании послу Великобритании в Польше. 20 августа 1939 г.	59
29. Записи заседания военных миссий СССР, Англии и Франции. 21 августа 1939 г.	61
Эстонско-германские отношения. Заключение Договора о ненападении 62	
30. Письмо посланника Германии в Таллине в Министерство иностранных дел Германии. 5 июля 1939 г.	64
31. Запись беседы министра иностранных дел Эстонии с временным поверенным в делах Германии. 18 апреля 1939 г.	66
32. Телеграмма посланника Германии в Министерство иностранных дел Германии. 24 апреля 1939 г.	66
33. Обсуждение проекта эстонско-германского договора о ненападении на заседании Государственной думы. 25 мая 1939 г.	67
34. Договор о ненападении между Эстонией и Германией. 7 июня 1939 г.	71
35. Разъяснение правительства республики Государственной думе по поводу договора о ненападении. 15 июня 1939 г.	72
36. Письмо генерала Ф. Гальдера историку Г. фон Рауху	75
Советско-германские переговоры весной и летом 1939 года 77	
37. Меморандум статс-секретаря Министерства иностранных дел Германии. 17 апреля 1939 г.	79
38. Телеграмма поверенного в делах Германии в Москве в Министерство иностранных дел Германии. 4 мая 1939 г.	80
39. Сообщение газеты «Пяэвалехт». 4 мая 1939 г.	80
40. Памятная записка Министерства иностранных дел Германии. 17 мая 1939 г.	81
41. Телеграмма посла Германии в Москве в Министерство иностранных дел Германии. 20 мая 1939 г.	82
42. Телеграмма посла Германии в Москве в Министерство иностранных дел Германии. 29 июня 1939 г.	83
43. Меморандум Министерства иностранных дел Германии. 27 июля 1939 г.	84
44. Письмо заведующего восточноевропейским отделом Министерства иностранных дел Германии послу Германии в Москве. 2 августа 1939 г.	88
45. Телеграмма посла Германии в Москве министру иностранных дел Германии. 4 августа 1939 г.	88
46. Телеграмма министра иностранных дел Германии германскому послу в Москве. 14 августа 1939 г.	90
47. Телеграмма германского посла в Москве в Министерство иностранных дел Германии. 16 августа 1939 г.	92

48. Телеграмма германского посла в Москве в Министерство иностранных дел Германии. 19 августа 1939 г.	93
49. Текст проекта советско-германского пакта, переданного В. М. Молотовым Шуленбургу. 19 августа 1939 г.	94
50. Заключение торгово-кредитного соглашения между СССР и Германией. 19 августа 1939 г.	94
51. Телеграмма министра иностранных дел Германии германскому послу в Москве. 20 августа 1939 г.	95
52. Письмо И. В. Сталина А. Гитлеру. 21 августа 1939 г.	96
53. Запись выступления А. Гитлера перед руководством вооруженных сил Германии. 22 августа 1939 г.	96
54. Заметки генерала Ф. Гальдера о выступлении Гитлера перед руководством вооруженных сил Германии. 22 августа 1939 г.	97
От пакта Молотова—Риббентропа до советско-германского Договора о дружбе и границе	99
55. Письмо посланника Эстонии в Лондоне министру иностранных дел Эстонии. 22 августа 1939 г.	101
56. Телеграмма министра иностранных дел Германии в Министерство иностранных дел Германии. 23 августа 1939 г.	103
57. Телеграмма Министерства иностранных дел Германии министру иностранных дел Германии. 23 августа 1939 г.	103
58. Телеграмма Министерства иностранных дел Германии посольству Германии в Москве. 25 августа 1939 г.	103
59. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. 23 августа 1939 г.	104
60. Секретный дополнительный протокол к договору о ненападении между Германией и Советским Союзом. 23 августа 1939 г.	105
61. Посол Германии в Москве Министерству иностранных дел Германии. Телеграмма. 25 августа 1939 г.	106
62. Телеграмма министра иностранных дел Германии в германское посольство в Москве. 25 августа 1939 г.	106
63. Письмо министра иностранных дел Эстонии Штабу вооруженных сил Эстонии. Без даты	107
64. Письмо эстонской миссии в Париже министру иностранных дел Эстонии. 25 августа 1939 г.	107
65. Запись беседы министра иностранных дел Эстонии К. Сельтера с посланником Германии Х. Фровейном. 28 августа 1939 г.	108
66. Письмо Министерства иностранных дел Эстонии министру иностранных дел Эстонии. 31 августа 1939 г.	109
67. Письмо посланника Эстонии в Москве в Министерство иностранных дел Эстонии. 31 августа 1939 г.	109
68. Из выступления В. М. Молотова на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва. 31 августа 1939 г.	112
69. Телеграмма Министерства иностранных дел Германии посольству Германии в Москве. 1 сентября 1939 г.	114
70. Телеграмма посла Германии в Москве в Министерство иностранных дел Германии. 2 сентября 1939 г.	114
71. Нота правительства СССР, врученная польскому послу в Москве. 17 сентября 1939 г.	115
72. Телеграмма германского посла в Москве в Министерство иностранных дел Германии. 20 сентября 1939 г.	115
73. Германо-советское коммюнике. 22 сентября 1939 г.	116
74. Телеграмма министра иностранных дел Германии германскому послу в Москве. 23 сентября 1939 г.	116
75. Телеграмма германского посла в Москве в Министерство иностранных дел Германии. 25 сентября 1939 г.	117
76. Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. 28 сентября 1939 г.	117

77. Секретный дополнительный протокол к договору о дружбе и границе между СССР и Германией. 28 сентября 1939 г.	119
78. Секретный дополнительный протокол к договору о дружбе и границе между СССР и Германией. 28 сентября 1939 г.	119
79. Доверительный протокол к договору о дружбе и границе между СССР и Германией. 28 сентября 1939 г.	120
80. Заявление Советского и Германского правительств. 28 сентября 1939 г.	120
81. Телеграмма Министерства иностранных дел Германии миссиям в Таллинне, Риге и Каунасе. 3 октября 1939 г.	121
82. Заявление министра иностранных дел Германии г. фон Риббентропа. 30 сентября 1939 г.	121
83. Телеграмма министра иностранных дел Германии посланникам в Таллинне, Риге и Хельсинки. 7 октября 1939 г.	122
Начало второй мировой войны и Прибалтийские государства. Предложение Советского правительства о заключении Договора о взаимопомощи	123
84. Телеграмма военного атташе Эстонии в Латвии в Штаб вооруженных сил Эстонии. 1 сентября 1939 г.	125
85. Поверенный в делах США в Эстонии Государственному секретарю США. 5 сентября 1939 г.	125
86. Телеграмма посланника Германии в Таллинне в Министерство иностранных дел Германии. 19 сентября 1939 г.	126
87. Отрывки из воспоминаний первого помощника начальника Штаба вооруженных сил полковника Р. Маазинга	126
88. Отрывки из воспоминаний начальника первого отдела Штаба вооруженных сил подполковника А. Лутса. Сентябрь 1939 г.	128
89. Запись телефонного разговора эстонского посланника в Москве с Министерством иностранных дел Эстонии. 19 сентября 1939 г.	130
90. Телеграмма посланника Италии в Таллинне в Министерство иностранных дел Италии. 21 сентября 1939 г.	130
91. Телеграмма посла США в СССР Государственному секретарю США. 23 сентября 1939 г.	131
92. Письмо посланника Латвии в Таллинне в Министерство иностранных дел Латвии. 23 сентября 1939 г.	132
93. Письмо начальника Таллиннского отделения службы пограничной охраны начальнику пограничной охраны. 25 сентября 1939 г.	133
94. Переговоры В. Молотова с министром иностранных дел Эстонии К. Сельтером в Москве. 24—25 сентября 1939 г.	134
95. Телеграмма посла США в СССР Государственному секретарю США. 25 сентября 1939 г.	143
96. Телеграмма посланника Германии в Таллинне Министерству иностранных дел Германии. 25 сентября 1939 г.	144
Война или мир	145
97. Отрывки из воспоминаний первого помощника начальника Штаба вооруженных сил полковника Р. Маазинга	146
98. Отрывки из речи главнокомандующего вооруженными силами генерала Й. Лайдонера 1 января 1940 года	147
99. Телеграмма Штаба вооруженных сил штабу 1-ой дивизии. 26 сентября 1939 г.	148
100. Отрывки из воспоминаний начальника первого отдела Штаба вооруженных сил подполковника А. Лутса	148
101. Обсуждение предложения Советского правительства о заключении договора о ненападении на расширенном заседании Государственного совета. 26 сентября 1939 г.	151
102. Телеграмма главнокомандующего вооруженными силами начальникам дивизий, командующему морскими силами, начальнику воздушной обороны. 28 сентября 1939 г.	160

103. Письмо начальника штаба 1-ой дивизии начальнику Нарвского военного округа. 28 сентября 1939 г.	160
104. Телеграмма начальника штаба 1-ой дивизии начальнику Штаба вооруженных сил. 28 сентября 1939 г.	162
Заключение договора о взаимной помощи	
105. Объяснение Штаба морских сил Эстонии событий в районе Нарвской бухты 27 сентября 1939 г.	163
106. Справка Министерства иностранных дел Эстонии об обстоятельствах предполагаемого потопления парохода «Металлист»	164
107. Телеграмма Министерства иностранных дел Германии посольству Германии в Москве. 27 сентября 1939 г.	165
108. Телеграмма посланника Италии в Таллине Министерству иностранных дел Италии. 27 сентября 1939 г.	165
109. Переговоры И. Сталина и В. Молотова с делегацией Эстонии о заключении договора о взаимной помощи. 27 сентября 1939 г.	166
110. Телеграмма миссии Эстонии в Москве Министерству иностранных дел Эстонии. 27 сентября 1939 г.	167
111. Сопещение эстонской делегации в Москве по выработке текста пакта о взаимной помощи. 27—28 сентября 1939 г.	173
112. Телеграмма посланника США в Эстонии Государственному секретарю США. 28 сентября 1939 г.	173
113. Телеграмма Министерства иностранных дел Эстонии миссии Эстонии в Москве. 28 сентября 1939 г.	180
114. Переговоры И. Сталина и В. Молотова с делегацией Эстонии в связи с заключением пакта о взаимной помощи. 28 сентября 1939 г.	181
115. Пакт о взаимопомощи между СССР и Эстонской Республикой. 28 сентября 1939 г.	181
116. Конфиденциальный дополнительный протокол к пакту о взаимопомощи между СССР и Эстонской Республикой. 28 сентября 1939 г.	189
117. Соглашение о торговом обороте между Эстонской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик. 28 сентября 1939 г.	191
118. Письмо народного комиссара внешней торговли СССР министру иностранных дел Эстонии. 28 сентября 1939 г.	192
Отрывки на договор о базах. Ратификация пакта	
119. Выступление президента К. Пятса по радио. 29 сентября 1939 г. ...	194
120. Статья в «Пяэвалехт» «Навстречу Советской России». 29 сентября 1939 г.	197
121. Телеграмма посла США в СССР Государственному секретарю США. 29 сентября 1939 г.	199
122. Телеграмма посланника Германии в Таллине в Министерство иностранных дел Германии. 29 сентября 1939 г.	201
123. Обсуждение советско-эстонского пакта о взаимопомощи на расширенном заседании комиссий Государственного совета. 2 октября 1939 г.	202
124. Статья в «Рахвалехт» «Смысл договора. Разделение «Dominium pars Baltici». 2 октября 1939 г.	203
125. Отрывок из выступления главнокомандующего генерала Й. Лайдонера перед руководством вооруженных сил 1 января 1940 года	212
	213

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

В ночь на 24 августа 1939 года Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и народный комиссар иностранных дел В. Молотов и министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп подписали в Кремле советско-германский договор о ненападении с секретными дополнительными протоколами. Заключение договора, известного под названием пакта Молотова—Риббентропа, явилось заметным событием в предыстории второй мировой войны.

Данное соглашение вместе со своим логическим продолжением — договором о советско-германской дружбе и границах, также с секретными приложениями, подписанными 28 сентября 1939 года, — оказали определяющее влияние и на дальнейшие судьбы прибалтийских народов. На основе договоренности двух диктаторов — Гитлера и Сталина — суверенные государства Прибалтики были отнесены к сфере интересов Союза ССР. Именно это обстоятельство позволило Москве навязать Эстонии, Латвии и Литве пакт о взаимопомощи, предусматривающий создание военных баз на территории этих государств.

Целью настоящего сборника является воссоздание истории подготовки и заключения пакта Молотова — Риббентропа, а также документальное отображение обстоятельств, связанных с подписанием договора о ненападении между Союзом ССР и Эстонской Республикой. Тем самым сделана попытка рассмотрения этой исключительно важной с точки зрения истории Эстонии тематики на фоне происходивших в 1939 году процессов во взаимоотношениях между великими державами, а также факторов, оказавших влияние на международное положение Эстонии. К сожалению, ввиду ограниченности объема сборника, оказалось все же невозможным освещение относящегося к этой проблеме всего комплекса вопросов.

Сборник составлен по т. н. хрестоматийному признаку, т. е. документы и материалы расположены в подразделах по темам в основном в хронологическом порядке.

В сборник включены как архивные документы, так и ранее публиковавшиеся материалы. Архивные документы представляют собой оригинальные документы государственных учреждений Эстонской Республики (Государственной думы, Минис-

терства иностранных дел, Штаба армии, Совета обороны и т. д.), которые в настоящее время хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской Революции и социалистического строительства ЭССР¹.

Из опубликованных материалов использованы внешнеполитические документы Союза ССР, Германии, Великобритании, США и Италии.

Основным документальным изданием, и по сей день отражающим внешнюю политику Союза ССР в 1939 году, является изданный в 1971 году сборник «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны»². К сожалению, однако, подбор материалов в нем является крайне односторонним. Освещение советско-германских отношений настолько поверхностно, что в нем не опубликован даже заключенный 23 августа 1939 года договор о ненападении, не говоря уже о его секретных дополнительных протоколах. Все же, однако, указанный сборник дает возможность использовать документы, которые отражают позиции Союза ССР, Великобритании и Франции по вопросам гарантии безопасности Прибалтийских государств весной и летом 1939 года.

Отдельные документы заимствованы также из других опубликованных советских источников³.

Существенным источником при составлении настоящего издания стали внешнеполитические документы Германии, опубликованные как на английском⁴, так и на немецком⁵ языках.

Политику правительства Великобритании в вопросах, затрагивающих Прибалтийские государства, характеризуют материалы сборников внешнеполитических документов Англии⁶.

В сборник включены также некоторые дипломатические документы США⁷ и Италии⁸. Хотя у Вашингтона и Рима отсутствовали особые интересы в Прибалтике, дипломаты Америки и

¹ В дальнейшем: ЦГАОР ЭССР.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сентябрь 1939 г. — август 1939 г.). — М., 1971. В дальнейшем: СССР в борьбе за мир...

³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. Т. 2. Январь—август 1939 г. — М., 1981. В дальнейшем: ДМКВМВ; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939—1943 гг. — М., 1973. В дальнейшем: ДМСПО.

⁴ Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Series D (1937—1945). Volume VI—VII. London, 1956. В дальнейшем: DGFP.

⁵ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Serie D: 1937—1945. Band VIII. Baden-Baden. Frankfurt/Main, 1961. В дальнейшем: ADAP.

⁶ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series. Volume V—VI. London, 1952—1953. В дальнейшем: DBFP.

⁷ Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933—1939. Washington, 1952; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. General. Washington, 1956. В дальнейшем: FRUS.

⁸ I documenti diplomatici italiani. Nona serie 1939—1943. Volume 1. Roma, 1957.

Италии внимательно следили за развитием событий в Эстонии, Латвии и Литве и передавали своим правительствам информацию, представляющую интерес и сегодня.

Для более подробного освещения описываемых событий в сборник включены некоторые газетные статьи и выдержки из мемуаров.

В целях экономии места многие документы публикуются с сокращениями. Опущены преимущественно наименее значительные части текста, при этом сокращения обозначены пунктиром, заключенным в скобки. Таким же образом обозначены дополненные составителями слова и части слов.

Как и любые исторические первоисточники, опубликованные в сборнике документы и материалы предполагают со стороны читателя критическое отношение. Документы подчас содержат различные неточности, не только неправильные или односторонние оценки, но и сознательные искажения с целью сокрытия истинных внешнеполитических целей и конкретной деятельности того или иного правительства, вплоть до прямой дезинформации и демагогии.

ВЛИЯНИЕ ОБОСТРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ ВЕСНОЙ 1939 ГОДА НА ПОЛОЖЕНИЕ В ЭСТОНИИ

К весне 1939 года агрессивная политика Германии вступила в новую фазу. В Берлине был взят прямой курс на развязывание войны и начата планомерная дестабилизация международной обстановки. В результате грубого давления германского правительства президент Чехословакии Э. Гаха был вынужден подписать 15 марта договор, по которому Чехословацкое государство перестало существовать. Германские войска захватили Чехию и часть Словакии, а на оставшейся ее территории было создано полностью зависимое от Германии Словацкое государство. 22 марта 1939 года литовское правительство было вынуждено подписать литовско-германский договор о воссоединении Клайпеды с Германией. Затем на прицел была взята Польша. 21 марта германское правительство представило Польше требование о присоединении Данцига к Германии и строительстве экстерриториальной железной дороги и шоссе через польский коридор. В Берлине уже 3-го апреля было принято решение о начале военных действий не позднее 1-го сентября.

Прибалтийские государства в Берлине также считались естественной составной частью будущей Великой Германии. В начале 1939 года германское правительство проводило в отношении Прибалтийских стран гибкую политику, однако затем эти государства стали объектом сделки на советско-германских переговорах.

Агрессивные действия германского правительства весной 1939 года вызвали во всем мире острую реакцию. В кругах заинтересованных в укреплении мира и безопасности, находили, что мюнхенская политика Чемберлена потерпела провал, и что надежды определенных политиков Запада укрепить мир с помощью уступок Гитлеру были безосновательны. Развитие событий вынудило государства, заинтересованные в сохранении мира, приступить к согласованию своей политики. В Париже и Лондоне росло значение тех кругов, которые требовали тесного сотрудничества с Москвой. Контакты между Францией и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой, участились.

В целях создания единого фронта противодействия агрессии,

между тремя великими державами начались переговоры о пакте взаимопомощи. Однако, поскольку в Лондоне и Париже, а также в Москве царило глубокое недоверие друг к другу, переговоры затягивались.

Рост дипломатической активности великих держав в результате агрессивных действий Германии весной 1939 года затронул также Эстонию.

Народный комиссар иностранных дел М. Литвинов в беседе с посланником Эстонии А. Реем 28 марта 1939 года обратил его внимание на происшедшие в последнее время изменения в Европе и подчеркнул, что опасность приближается к границам Советского Союза. Поэтому Советское правительство вынуждено считаться с возможным развитием событий и предусмотрительно предпринимать шаги в целях обеспечения своей безопасности. При этом М. Литвинов передал А. Рею советскую ноту. Аналогичная нота была представлена правительству Латвии. В ноте по существу декларировалось, что доминирование Германии в Эстонии и Латвии неприемлемо для Советского правительства, и что для предотвращения этого Советский Союз готов предпринять необходимые меры. Нота от 28 марта для государств Прибалтики представляла собой серьезное предупреждение. Из нее следовало, что в Москве считали и Эстонию и Латвию входящими в сферу интересов Советского Союза и, кроме того, в ней содержались определенные угрозы в адрес этих государств.

Правительство Эстонии отклонило упомянутую ноту. В министерстве иностранных дел ее рассматривали как заявление Советского правительства о намерениях объявить некоторым образом протекторат или опеку над государствами Прибалтики, оказать на них давление.

В то время в Эстонии ощущалась угроза как с Востока — со стороны СССР, так и со стороны Германии.

Захватнические планы гитлеровцев в отношении Прибалтики были довольно хорошо известны среди народа. Угрозу, исходящую со стороны Берлина, наиболее остро ощущали левые круги рабочих и интеллигенции.

Напротив, большинство политических деятелей, правительство, руководство вооруженными силами и др. в течение всего периода существования независимости были твердо убеждены, что угроза Эстонии идет прежде всего с Востока. В Таллине понимали, что в силу географического положения территория Эстонии представляет для Советского Союза большой интерес как в стратегическом отношении, так и в смысле внешних экономических связей и опасались, что в случае международных осложнений советские войска могут перейти границу Эстонии. Среди государственных деятелей и высшего военного руководства царило мнение, что если Красная Армия, неважно под каким предлогом, окажется в Эстонии, то она уже никогда

не уйдет с ее территории. Кроме того, считалось, что Москва еще не похоронила надежду на расширение сферы влияния социализма, а во внешней политике сталинского режима все отчетливее стали проявляться великодержавные амбиции. Царившее в Таллинне недоверие по отношению к восточному соседу еще более усилилось после военной демонстрации советских войск на границе в апреле 1939 года.

В связи с ростом международной напряженности в Европе и падения авторитета Лиги Наций ряд малых государств, и среди них Эстония, отказались от принципа коллективной безопасности и встали на путь политики нейтралитета.

Основой популярности политики коллективной безопасности в Европе после первой мировой войны являлась точка зрения, согласно которой нападение на одну страну означало агрессию и по отношению к другим государствам, связанным уставом Лиги Наций и другими ее документами. Статья 16 устава Лиги Наций предусматривала обязательства членов этой организации по оказанию помощи государству, ставшему жертвой агрессии, и применение санкций в отношении агрессора.

Министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер выступил 19 сентября 1939 года в Лиге Наций с заявлением — Эстония не считает для себя обязательным пункт 16 ее устава. В то же время пресса Эстонии постоянно подчеркивала нейтралитет Эстонии в международных вопросах.

1 **НОТА НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ПОСЛАННИКУ ЭСТОНИИ В СССР А. РЕЮ**

28 марта 1939 г.

Советско-эстонский мирный договор от 2 февраля 1920 года, а равно и договор о ненападении от 4 мая 1932 года, имели своей презумпцией получение эстонским народом и сохранение им полного самостоятельного и независимого государственного существования, как соответствующего воле эстонского народа. Из этой же презумпции Советское правительство исходило при досрочном введении в силу пакта Бриана-Келлога, при продлении на 10 лет договора о ненападении, а также при принятии на себя обязательств по уставу Лиги Наций.

Эстонскому правительству известно, какие усилия Советское правительство делало в течение последних 15 лет для обеспечения ненарушимости границ Эстонской Республики, причем оно опять-таки руководствовалось той же презумпцией. Из сказанного следует, какое огромное значение Советское правительство неизменно придавало и придает сохранению полной независимости Эстонской, как и других Прибалтийских респуб-

лик, отвечающему не только интересам народов этих республик, но и жизненным интересам Советского государства. Отсюда должно стать также ясно, что какие бы то ни было соглашения, «добровольные» или заключенные под внешним давлением, которые имели бы своим результатом хотя бы умаление или ограничение независимости и самостоятельности Эстонской Республики, допущение в ней политического, экономического или иного господства третьего государства, предоставление ему каких-либо исключительных прав и привилегий, как на территории Эстонии, так и в ее портах, признавались бы Советским правительством нетерпимыми и несовместимыми с предпосылками и духом названных договоров и соглашений, регулирующих в настоящее время его взаимоотношения с Эстонией, и даже нарушением этих соглашений, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Настоящее заявление делается в духе искренней благожелательности к эстонскому народу с целью укрепления в нем чувства безопасности и уверенности в готовности Советского Союза на деле доказать, в случае надобности, его заинтересованность в целостном сохранении Эстонской Республикой ее самостоятельного государственного существования и политической и экономической независимости, а также уверенности в невозможности для Советского Союза оставаться безучастным зрителем попыток открытого или замаскированного уничтожения этой самостоятельности и независимости.

ЦГАОР ЭССР, ф. 32, оп. 4, ед. хр. 326, л. 4—5.

2 ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НАЧАЛЬНИКА ПЕРВОГО ОТДЕЛА ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПОДПОЛКОВНИКА А. ЛУТСА

/.../ Во время Пасхи 1939 года в штаб вооруженных сил поступила телеграмма, в которой командир 2-ой дивизии сообщил, что одно крупное кавалерийское соединение Красной Армии, концентрация и передвижение которого были обнаружены несколькими днями ранее, осуществило демонстративную атаку в сторону нашей территории. По данным наблюдения, большие массы конницы в боевом порядке на фронте протяженностью в несколько километров, приблизились к нашей границе. Вблизи от границы кавалерия перешла в атаку, причем всадники, размахивая оружием и с криками «ура», мчались до границы. Там атакующие остановились, спешились и командиры начали рассматривать карты, наблюдая в подзорные трубы нашу территорию. Это была первая и наиболее крупная демон-

страция вооруженных сил Советского Союза на границе. У Советского Союза было много конницы и, очевидно, этой массовой демонстрацией предполагалось оставить у нас впечатление о размерах и мощи Красной Армии. Пограничный ландшафт, ровный и просматривающийся на многие километры вглубь и по фронту, всячески благоприятствовал подобной демонстрации. После этой кавалерийской демонстрации у границы Эстонии маневры Красной Армии продолжались, насколько это можно было наблюдать с нашей стороны, между границей Эстонии и Псковом еще несколько недель. /.../

Luts A. Heitluste keerises. — Lund, 1975. Lk. 72—73.
(Лутс А. В водовороте борьбы. — Лунд, 1975. С. 72—73.)

3 ПИСЬМО К. МЕГЕРЛЕ¹ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

31 августа 1938 г.

Нижеподписавшийся неоднократно срочно приглашался эстонским министром иностранных дел Сельтером посетить Ревель. К приглашению присоединялся и эстонский посланник. После консультации в Министерстве иностранных дел я отправился туда, предполагая, что ввиду необычной ситуации эстонцы могут выдвинуть мне определенные предложения. Я имел две продолжительные беседы с министром иностранных дел Эстонии: одну 29 августа в присутствии моего друга, министра финансов Лео Сеппа, а также руководителя сектора по печати; вторая беседа состоялась конфиденциально 30 августа. В действительности причиной приглашения меня в Ревель послужила просьба способствовать опубликованию в рейхе книги президента Эстонии Пятса, выдержанной в том же духе, что и недавно изданная книга о президенте Финляндии, а также написать предисловие и оказать иное содействие. Я пообещал использовать свое влияние для осуществления такой публикации, тем более, что эстонцы вполне определенно стремятся укрепить свои хорошие отношения с рейхом. Я был бы благодарен министру иностранных дел за моральную поддержку указанной публикации.

Во время конфиденциальной беседы мы обсуждали позицию Эстонии в случае серьезных осложнений обстановки. Сельтер заявил, что целью Эстонии является строгий нейтралитет. При этом, конечно, Эстония откажется пропустить русских через свою территорию и будет защищаться до последней возмож-

¹ Д-р Карл Мегерле — немецкий журналист, зять Г. Геринга. Был тесно связан с берлинскими внешнеполитическими и пропагандистскими ведомствами.

ности. Она также не намерена принимать участие в каких-либо военных санкциях Лиги Наций; что же касается статьи 16-ой, то как раз сейчас готовится публичное заявление в указанном духе. Это заявление, однако, не может быть сделано до октября и будет опубликовано в эстонском парламенте, а не в Женеве. Я спросил, почему Эстония не хочет присоединиться к ожидаемому в Женеве заявлению стран, подписавших соглашение в Осло¹, и указал на то, что в случае неожиданного возникновения критической ситуации Советская Россия, Франция и Англия могут использовать этот факт членства Эстонии в Лиге Наций в качестве предлога для втягивания ее в действия на их стороне. По моему мнению, более сильной гарантией для Эстонии была бы скорейшая декларация абсолютного нейтралитета с целью пресечь в самом начале всякие попытки давления на нее.

Эти мои воззрения, представляется, оказали влияние на Сельтера, судя по тому, что в день моего отлета из Ревеля он конфиденциально сообщил мне через своего руководителя прессы Таттара о своем обсуждении проблемы с другими министрами и их согласии предпринять соответствующие шаги в течение ближайших дней. Поэтому, если Сельтер будет придерживаться своего решения, Германия в ближайшем будущем может ожидать заявления Эстонии по этому вопросу, чего Латвия тоже не сможет избежать. У меня не было возможности сообщить в германскую миссию в Ревеле об этом результате.

Что касается остального, то Сельтер подчеркнул, что даже в случае конфликта Эстония будет зависеть от торговых отношений со всеми странами, особенно с Англией. В любом случае она нуждается в поставках хлопка, резины, шерсти, зерна и т. д. и надеется, что сообщение через Финляндию и Швецию будет открыто для Эстонии, даже если русские, как он предполагает, в первую очередь продвинулись по морю до Эзеля (Сааремаа) и Аландских островов, блокируя таким образом важнейшие части финского и эстонского побережий. На мой вопрос о том, будет ли Эстония искать помощи в случае нападения либо требования со стороны России пропуска русских войск через ее территорию, министр иностранных дел ответил, что помощь немедленно будет испрашена у союзной Латвии и, более того, у «врагов России». Он не думает, что русские будут наступать по суше.

Опасения эстонского правительства в отношении России пред-

¹ В группу стран, подписавших соглашение в Осло, входили Скандинавские страны и некоторые присоединившиеся к ним другие малые государства. В 1936 году указанные страны заявили, что оставляют за собой свободу действий в отношении статьи 16 Устава Лиги Наций, предусматривающей применение коллективных санкций, направленных против агрессора; в 1938 году — приняли закон о нейтралитете.

военных санкций Лиги Наций; что же касается статьи 16-ой, то как раз сейчас готовится публичное заявление в указанном духе. Это заявление, однако, не может быть сделано до октября и будет опубликовано в эстонском парламенте, а не в Женеве. Я спросил, почему Эстония не хочет присоединиться к ожидаемому в Женеве заявлению стран, подписавших соглашение в Осло¹, и указал на то, что в случае неожиданного возникновения критической ситуации Советская Россия, Франция и Англия могут использовать этот факт членства Эстонии в Лиге Наций в качестве предлога для втягивания ее в действия на их стороне. По моему мнению, более сильной гарантией для Эстонии была бы скорейшая декларация абсолютного нейтралитета с целью пресечь в самом начале всякие попытки давления на нее.

Эти мои воззрения, представляется, оказали влияние на Сельтера, судя по тому, что в день моего отлета из Ревеля он конфиденциально сообщил мне через своего руководителя прессы Таттара о своем обсуждении проблемы с другими министрами и их согласии предпринять соответствующие шаги в течение ближайших дней. Поэтому, если Сельтер будет придерживаться своего решения, Германия в ближайшем будущем может ожидать заявления Эстонии по этому вопросу, чего Латвия тоже не сможет избежать. У меня не было возможности сообщить в германскую миссию в Ревеле об этом результате.

Что касается остального, то Сельтер подчеркнул, что даже в случае конфликта Эстония будет зависеть от торговых отношений со всеми странами, особенно с Англией. В любом случае она нуждается в поставках хлопка, резины, шерсти, зерна и т. д. и надеется, что сообщение через Финляндию и Швецию будет открыто для Эстонии, даже если русские, как он предполагает, в первую очередь продвинутся по морю до Эзеля (Сааремаа) и Аландских островов, блокируя таким образом важнейшие части финского и эстонского побережий. На мой вопрос о том, будет ли Эстония искать помощи в случае нападения либо требования со стороны России пропуска русских войск через ее территорию, министр иностранных дел ответил, что помощь немедленно будет испрошена у союзной Латвии и, более того, у «врагов России». Он не думает, что русские будут наступать по суше.

Опасения эстонского правительства в отношении России пред-

¹ В группу стран, подписавших соглашение в Осло, входили Скандинавские страны и некоторые присоединившиеся к ним другие малые государства. В 1936 году указанные страны заявили, что оставляют за собой свободу действий в отношении статьи 16 Устава Лиги Наций, предусматривающей применение коллективных санкций, направленных против агрессора; в 1938 году — приняли закон о нейтралитете.

ставляются вполне реальными, т. к. они считают русских не только военной, но и коммунистической угрозой, способной в определенной ситуации довести эстонский народ, насчитывающий 1 миллион 200 тысяч человек, до физического уничтожения. В Ревеле также уверены, что Польша решительно воспротивится любым попыткам русских пройти через ее территорию. Советская Россия не заинтересована в скоротечной войне, она возлагает надежды на затяжную войну, на истощение, вне зависимости от того, кто в ней победит, лишь бы только иметь возможность установить большевистский режим в какой-либо из великих держав. В последнее время эстонско-германские отношения были очень хорошими, и Сельтер надеется на их дальнейшее улучшение и полон решимости осуществить это. Однако любые превентивные меры Германии вызовут в Эстонии большое беспокойство.

Что же касается Литвы, то недавно было заявлено и ее представителям, что для Эстонии — в противоположность Литве — вопрос о потере маленького участка приграничной территории, такой, как Мемель, не стоит; само существование Эстонии в случае русского наступления окажется под угрозой. При правильной германской поддержке, по моему мнению, лидерство во всей Прибалтийской антанте может перейти к Эстонии. Ввиду того, что Эстония одновременно поддерживает отличные отношения с Финляндией, она может также служить важным связующим звеном со странами, подписавшими соглашение в Осло.

Эстонский министр иностранных дел передал пожелания, исполненные чувства глубокого уважения, рейхсминистру иностранных дел и сказал, что был бы очень рад возможности посетить рейхсминистра иностранных дел в начале октября во время краткого пребывания в Берлине на обратном пути из Швейцарии. Поскольку Сельтер очень активен, властен и честолюбив, я рекомендовал бы принять его, невзирая на возможное предубеждение германской миссии по этому вопросу. К сожалению, краткость моего пребывания не позволила провести предложенные Сельтером приемы у президента и у «твердой руки» Эстонии — генерала Лайдонера. Они несомненно состоятся во время моей следующей поездки в Эстонию.

Д-р Карл Мегерле

4 ТЕЛЕГРАММА ВРЕМЕННОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ ГЕРМАНИИ В ТАЛЛИННЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

15 апреля 1939 г.

Заместитель министра иностранных дел Эстонии Эпик в беседе со мной категорически утверждал, что ни Министерство иностранных дел, ни миссия Эстонии в Лондоне не обращались с предложениями о получении британских гарантий. Со стороны других руководящих деятелей Эстонии подобных переговоров также не проводилось, т. к. в противном случае Министерство иностранных дел было бы об этом информировано.

Касаясь советских предложений о гарантиях, Эпик заявил, что Эстония рассматривает заявление России¹ как угрозу оккупации Эстонии и ее ответ, хотя и вежливый, но в подчеркнутой официальной форме, свидетельствует об этом. Эстонское правительство поэтому сочло советскую военную демонстрацию на эстонской границе, происшедшую в понедельник на Пасху и вызвавшую у приграничного населения большую тревогу, дальнейшей угрозой и опубликовало соответствующую информацию в печати для того, чтобы привлечь внимание к этому событию как в Эстонии, так и среди международной общественности. Эстония много раз ставила перед Москвой вопрос об опубликовании декларации. Однако, как вновь заявил Литвинов посланнику Эстонии Рею, он отказался дать соответствующее разрешение потому, что Латвия относится к этому отрицательно. Эстонское правительство теперь решило направить соседним государствам и великим державам переводы обоих заявлений без согласия Москвы. Действия по распоряжению вышестоящих инстанций, он вручил их мне для передачи в Берлин и при этом настоятельно просил, чтобы в настоящее время их держали в строгом секрете. На мой вопрос о позиции Латвии, Эпик сказал, что Эстония относится к ней с большим недоверием, поскольку дело затрагивает Советский Союз. Оригинальные переводы (документов) направляем сегодня.

Бок

DGFP. Ser. D. Vol. VI. P. 246. Перевод с английского.

¹ Имеется в виду нота правительства Союза ССР от 28 марта 1939 г.

5 ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ГЕРМАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА С СОВЕТНИКОМ БЮРО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

---

2 мая 1939 г.

Имел продолжительную беседу с доктором Клейстом, ближайшим сотрудником Риббентропа.

Клейст нарисовал следующую картину политического положения.

По собственным словам Гитлера, сказанным им несколько дней тому назад Риббентропу, Германия переживает в настоящий момент этап своего абсолютного военного закрепления на востоке, которое должно быть достигнуто с помощью жестоких средств и невзирая на идеологические оговорки. За беспощадным очищением востока последует «западный этап», который закончится поражением Франции и Англии, достигаемым политическим или военным путем. Лишь после этого станет возможным великое и решающее столкновение с Советским Союзом и будет осуществим разгром Советов.

В настоящее время мы находимся еще на этапе военного закрепления на востоке. На очереди стоит Польша. Уже действия Германии в марте 1939 г. — создание протектората в Богемии и Моравии, образование словацкого государства, присоединение Мемельской области — были не в последнюю очередь направлены против Польши и заранее рассматривались как антипольские акции. Гитлер понял примерно в феврале этого года, что прежним путем переговоров Польшу нельзя привлечь на свою сторону. Таким образом он решил, что необходимо силой поставить Польшу на колени. Узкому кругу доверенных лиц Гитлера было известно, что последнее германское предложение Польше было сделано в твердом убеждении, что оно будет ею отвергнуто. Гитлер и Риббентроп были убеждены в том, что по соображениям внутренней и внешней политики польское правительство не сможет согласиться с германскими требованиями. Только по этой причине в германское предложение ничтоже сумняшеся вставили пункт о немислимой самой по себе гарантии неприкосновенности границ Польши в течение 25 лет. Расчет немцев был правильным. В результате отказа Польши мы сможем фактически избавиться от германо-польского пакта о ненападении и получим по отношению к ней свободу рук.

Если развитие пойдет в соответствии с германскими планами и если Польша добровольно не капитулирует в ближайшие недели, что мы вряд ли можем предположить, то в июле — августе она подвергнется военному нападению. Польский генеральный штаб считается с возможностью военных действий

осенью, после уборки урожая. Действуя внезапно, мы надеемся смять Польшу и добиться быстрого успеха. Больших масштабов стратегическое сопротивление польской армии должно быть сломлено в течение 8—14 дней. /.../

Мы считаем, что конфликт с Польшей можно локализовать. Англия и Франция по-прежнему не готовы биться за Польшу. Если мы в кратчайший срок сломим в основном сопротивление Польши, то Англия устроит демонстрацию своего флота, Франция побряцает оружием за своей линией Мажино, на этом дело и кончится. Если же, вопреки ожиданиям, европейская война в связи с акцией против Польши окажется вероятным фактом, то тогда мы будем знать, что германский удар по Польше служит для западных государств лишь поводом для их войны против Германии, что превентивная война против Германии — дело решенное. В таком случае Гитлер готов отважиться на крупное столкновение. Во всяком случае, мы не дадим спровоцировать себя в невыгодное для нас время, а, напротив, выбор момента действия мы оставим за собой. В настоящее время мы не согласились бы на европейскую войну вследствие нашей недостаточной подготовленности и малоблагоприятной международной обстановки; однако мы надеемся, что через 3—4 месяца мы будем полностью подготовлены. Руководители Германии убеждены в своей победе. /.../

В Прибалтийских государствах мы хотим достичь такой же цели иным путем. Здесь не будет иметь места применение силы, оказание давления и угрозы (экономические переговоры с Литвой мы ведем, соблюдая в высшей степени лояльность и любезность). Таким способом мы достигнем нейтралитета Прибалтийских государств, то есть решительного отхода их от Советского Союза. В случае войны нейтралитет Прибалтийских стран для нас так же важен, как и нейтралитет Бельгии или Голландии; когда-то позже, если это нас устроит, мы нарушим этот нейтралитет, и тогда, в силу заключенных нами ранее пактов о ненападении, не будет иметь места механизм соглашений между Прибалтийскими государствами и Советским Союзом, который ведет к автоматическому вмешательству СССР. /.../

СССР в борьбе за мир... С. 362—365.

ПРОБЛЕМА УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНЫ ГОСУДАРСТВА

В Эстонии во второй половине 1930-х годов, в связи с общим ростом военной опасности, стали уделять большее внимание укреплению обороноспособности государства.

В военном строительстве и выработке оборонительных планов последовательно рассматривалась угроза с Востока. В конце 30-х годов на восточной границе, в первую очередь между Нарвой и Нарва-Йыэсуу были проведены некоторые оборонительные работы.

В плане модернизации обороны государства, составленном в 1937 году, предусматривалось приобретение новых видов оружия, в первую очередь танков и противотанкового вооружения, а также оружия сопровождения пехоты, модернизация артиллерии, моторизация вооруженных сил и т. п.

Новые виды вооружения с учетом ограниченных экономических возможностей Эстонии были слишком дороги для нее, а бюджетные ассигнования на оборону относительно скромны. Поэтому велись поиски других возможностей для финансирования закупок оружия. Для этого в 1939 году был образован специальный фонд обороны государства. Фирмам Германии, Франции и других стран в 1938—1939 годах были сделаны заказы на разнообразное вооружение, однако по причине напряженности международной обстановки в тот период большая часть его осталась неполученной.

Руководство вооруженных сил уделяло большое внимание повышению мобилизационной подготовки. Согласно детально разработанным мобилизационным планам большая часть военных частей должна быть укомплектована к концу второго дня мобилизации, а оставшиеся части и учреждения — к концу третьего дня мобилизации.

6 ПЛАН МОДЕРНИЗАЦИИ ОБОРОНЫ ГОСУДАРСТВА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ПРЕЗИДЕНТУ ГЛАВНОКОМАН- ДУЮЩИМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

14 декабря 1937 г.

/. . / Нынешнее состояние нашей обороны в отношении вооружений и боевых средств не отвечает требованиям современного боя, и в этой области у нас отсутствует боевая готовность, соответствующая требованиям времени. У нас также не было и нет возможности для надлежащего обучения по причине устаревшего и недостаточного вооружения и боевых средств.

Если уже в мирное время нет современного вооружения, то повышение боеготовности в военное время или в период, непосредственно предшествующий ему, особенно в случае конфликта с восточным соседом, неосуществимо. Потребуются годы для обучения подготовленного личного состава и военачальников, а также формирования необходимых понятий и убеждений. Использование современного оружия и боевых средств в случае военного конфликта эффективно лишь в том случае, если еще в мирное время в их использовании были приобретены надлежащие навыки и опыт.

В нашем распоряжении в случае войны крайне мало времени, поскольку военные действия по отношению к нам могут развиваться очень быстро. Уже в первые дни войны мы должны быть в боевой готовности и продемонстрировать мощь, поскольку мы не можем позволить потери нашей земли по причине малой глубины территории нашего государства и ограниченности человеческих и материальных ресурсов для оказания сопротивления; местность в приграничном районе также благоприятствует проведению боевых действий, образуя естественные, более легко обороняемые короткие позиции. Эти обстоятельства требуют от нас решительных шагов по обороне уже в мирное время.

Наличие армии, имеющей современное вооружение, обеспечение и боеготовность, имеет целью, помимо необходимости использования во время войны, воспрепятствовать возникновению войны одним своим существованием. Вероятный противник будет менее агрессивен, если он заблаговременно убедится в том, что он в случае нападения внезапным ударом либо малыми силами не достигнет целей.

Нашей своевременной и всесторонней боевой готовности требует со своей стороны также и то обстоятельство, что при защите независимости республики мы должны полагаться на свои силы. Внешняя помощь, неважно в каком виде, возможна лишь в том случае, если мы сами будем в состоянии защитить себя хотя бы в начальный период войны и не рухнем под первыми ударами.

Одновременная модернизация обороны в полном объеме непосильна для нашей экономики, т. к. по некоторым видам (танки, противотанковое вооружение и др. виды) требуется основательная перестройка, хотя в ряде видов можно ограничиться модернизацией и усовершенствованием. Модернизацию обороны своего государства мы должны проводить поэтапно, причем в первую очередь для этого необходимо создать прочную базу. На этой основе следовало бы развивать отдельные виды оборонительных сил в зависимости от наших возможностей и потребностей.

На основе этих соображений настоящий план модернизации обороны государства составлен в том объеме, который позволил бы приобрести для наших вооруженных сил лишь минимальную часть необходимого современного вооружения. При составлении плана предпочтение отдано тем видам, которые оказывают наиболее сильное влияние на боеспособность вооруженных сил.

Для реализации упомянутого плана модернизации по сделанной на основе современных цен калькуляции потребуется округленно 28 млн крон. Непредвиденные расходы, связанные с повышением цен, ни по одному виду не предусмотрены. Всю указанную сумму следовало бы выделить из фонда развития содействия поддержке народного хозяйства сверх основного и дополнительного бюджетов Министерства вооруженных сил. Расходы следовало бы распределить на 5—6 лет, причем в первые 5 лет по 5 млн крон и на шестой год 3 млн /.../.

В области модернизации наземного вооружения и боевых средств перед нами стоят четыре острые проблемы:

- 1) создание танковых сил и оружия противотанковой обороны;
- 2) модернизация артиллерии;
- 3) приобретение оружия сопровождения пехоты и
- 4) моторизация /.../

III. Авиация

/.../ Таким образом, наши минимальные потребности по боевым самолетам таковы:

— самолеты разведки и связи	24 шт.
— истребители	42 шт.
— бомбардировщики	18 шт.
— торпедоносцы-бомбардировщики	6 шт.

Всего нам потребовалось бы боевых самолетов 90 шт. /.../

IV. Противовоздушная артиллерия

/.../ Таким образом, наши минимальные потребности в артиллерии противовоздушной обороны таковы:

— батарей 75-миллиметровых зенитных орудий

— батарей 37-миллиметровых зенитных орудий	10
— батарей 20-миллиметровых зенитных орудий	7
— прожекторных батарей	4
.../	

V. Военно-морские силы

.../ Все же самой острой необходимостью для наших морских сил является приобретение быстроходных торпедных катеров. В первую очередь было бы необходимо закупить по меньшей мере три быстроходных торпедных катера с вооружением и снаряжением. .../

VI. Морские крепости

С сооружением 305-миллиметровой бронированной башни на Найссааре значительно укрепилась бы огневая система наших морских крепостей в районе между Найссааром и Суурупи и в центре, кроме того, после модернизации 305-миллиметровых орудий с целью увеличения дальности стрельбы они смогут перекрыть огнем весь Финский залив на общей линии Таллинн—Порккала. Тем самым стало бы возможным, например, в случае военного конфликта с восточным соседом, создать ощутимые препятствия для выхода его флота на линию Найссаар—Порккала с целью блокирования наших морских путей и действий против нашего архипелага. Вместе с тем, система огня морских крепостей переместилась бы больше к западу, что предотвратило бы угрозу обстрела Таллинна в районе между Найссааром и Суурупи. .../

VIII. Работа по укреплению границы

.../ Все вышеназванные четыре стратегически важные районы (сокращенно плацдарм Печоры—Изборск, плацдарм Нарва—Иыхви, район Таллинна и архипелаг) требуют долговременных фортификационных сооружений. Однако наиболее острая потребность в них — на восточной границе, поскольку защита Таллинна обеспечивается морскими крепостями, а архипелаг не находится под столь же большой угрозой, что и наземные границы, и действия против островов не повлияли бы на оборону нашего государства в такой решающей степени, как вторжение через сухопутные границы. .../

И. Лайдонер
Генерал-лейтенант

Н. Реэк
Генерал-майор
Начальник штаба вооруженных сил

ЦГАОР ЭССР, ф. 495, оп. 12, ед. хр. 85, л. 3—53.

7 ОБСУЖДЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРИОБРЕТЕНИЯ ВООРУЖЕНИЯ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ КОМИССИЙ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

11 ноября 1938 г.

./../ **Министр экономики Л. Селп:** Я хочу дать информацию относительно нашей внешней торговли ./../

Округленно задолженность Германии нам составляет 3,7 миллиона рейхсмарок, или в наших деньгах приблизительно 6 млн крон ./../

С тем, чтобы избежать убытков, правительство желает избавиться от упомянутого сальдо и в дальнейшем будет стараться избегать его возникновения. Правительство дало мне поручение разработать соответствующую программу. В составленной программе сальдо предлагается ликвидировать следующим образом: 1) внеочередными закупками железнодорожных материалов и 2) форсированными закупками военного снаряжения. ./../

В настоящее время в фонде государственной обороны имеются известные суммы, которые можно использовать для приобретения снаряжения. Имеется уже договоренность с военным министерством и немецкими учреждениями, известно также, что Германия согласна продавать военное снаряжение, если часть закупок будет оплачена за счет клиринга, а часть в валюте. В этом случае военное министерство не сделает ничего иного, как приобретет определенное снаряжение на год раньше, чем у них предусмотрено в плане. Тем самым у нас была бы возможность освободиться от клирингового сальдо. Платежи за счет фонда государственной обороны в первый год не представляют трудностей. Как в дальнейшем вести дела, я в настоящее время еще не знаю. Правительство республики было согласно с этим планом. ./../

И. Лайдонер: Железные дороги следует привести в порядок. Со времени образования республики на железные дороги не было сделано почти никаких затрат. Такое же положение и в области обороны государства, где мы располагаем ценностями, общая сумма которых превышает государственный бюджет. Однако все они остались еще со времен освободительной войны и большей частью захвачены у противника. Тем самым мы жили старыми запасами, сейчас уже исчерпанными. Военное снаряжение следует покупать у любой великой державы, потому что важна не система, а только то, что оружие должно быть самое современное. Малое государство может продавать военное снаряжение в мирное время и в кредит, однако в военное время, участвуя в войне, будет продавать его только за золото, поскольку вооружения может не хватить и самому. Великие же державы могут и в военное время продавать в кредит в зависи-

мости лишь от того, с кем ты в военное время. Наша авиация изготовлена в Англии и соответствующее снаряжение мы можем закупать только там, однако все это затруднительно, поскольку все заводы перегружены заказами министерства авиации Англии, и продадут нам лишь в случае разрешения со стороны министерства авиации. Согласно плану нам нужно купить пушки. Их можно купить везде, добротность примерно одинакова. Система не играет никакой роли, у нас и сейчас различные орудия, боеприпасы можно купить где угодно в соответствии с калибром. Во Франции сейчас купить нельзя, т. к. их заводы перегружены государственными заказами. Они скорее всего согласятся заплатить неустойку в случае принятия иностранного заказа вне очереди. Работающая на немецком капитале промышленность Швеции изготавливает оружие для Англии, однако она тоже перегружена заказами и выполнить заявки в состоянии лишь через 36 месяцев. Есть возможность купить в Германии. Немецкие пушки не самые лучшие, но все-таки очень хороши, т. к. орудийное дело у них и раньше было в хорошем состоянии. Там мы и сделали заказ на основе клиринговой марки. В нашем фонде имеются известные суммы, и сейчас мы лишь форсируем заказы. Соответствующие деньги лежат в Эстонском банке в иностранной валюте, полученной от продажи старого снаряжения. Трудности возникнут в дальнейшем при пополнении фонда ежегодными платежами, сейчас же никаких трудностей нет. Из общей суммы бюджета 21% тратим на нужды обороны. Мне известно, что Литва расходует примерно в два раза больше. Однако вооруженные силы Литвы не превышают наши в два раза.

Министр экономики заявил, что у него нет твердых планов в отношении финансирования фонда (обороны). Однако можно быть уверенным в том, что при осуществлении планов государственной обороны гражданам придется испытать определенные трудности. Пусть это будет в форме увеличения налогов или займа. Если и это нельзя осуществить, тогда придется уменьшить расходы там, где это еще больше нежелательно. Наши прежние расходы были невелики. Латвия, Литва, Польша и другие государства на оборону затратили больше. Я считаю, что если увеличить налоги и разъяснить, для чего деньги будут использованы, то это не должно вызвать ропота. Совершенно неважно, сделать ли заем, поднять ли налоги или где-то сократить расходы, но мы должны получить соответствующий капитал для удовлетворения нужд обороны, и программу необходимо осуществить.

Нам нужна артиллерия противовоздушной обороны и гаубицы определенных типов. Кроме того, следует приобрести соответствующие средства для моторизации частей, снабженных современным оружием. При приобретении современного оружия воз-

никают и побочные расходы — придется строить ангары и хранилища. Да и наши аэродромы малы, уже проведены переговоры с городским управлением Таллинна о возможностях их расширения. Тем самым становится ясно, что с приобретением современного оружия увеличатся и косвенные расходы.

Как я уже раньше говорил, они все-таки меньше при всех наших усилиях, чем у наших соседей, и должны быть осуществлены. /.../

А. Ойнас: Меня интересуют возможности развития нашей собственной военной промышленности. Арсенал работает хорошо. Нет ли возможности создать для трех Прибалтийских государств по меньшей мере один общий завод. Чем больше мы должны закупать за границей, тем тяжелее становится наше экономическое положение.

И. Лайдонер: Вопросы государственной обороны оглашать трудно. Ясно то, что за границей заказано только такое вооружение, которое дома изготовить нельзя. Мы не в состоянии производить самолеты и орудия противовоздушной обороны. Однако учебные и тренировочные самолеты мы строим на родине. Нам необходимо приобрести самое современное оружие, т. к. в случае войны у нас будет нехватка не людей, а оружия. Для того, чтобы использовать рационально свой человеческий материал, мы должны снабдить его самым современным оружием. Есть средства, которые мы не можем изготовить на родине. Частично мы определенные средства, как например, автомобили сил обороны, даже должны ремонтировать на родине, однако не в государственных мастерских, а в частных, оборудованных более современно.

Наш арсенал может изготавливать ружья, но в них нет потребности. Ремонт оружия осуществляется на родине. Изготовление боеприпасов также осуществляется на родине. Исходный же материал для этого мы получаем из-за границы. Даже великие державы не в состоянии изготавливать военное снаряжение из своего сырья. Частично это вызвано тем, что для изготовления военного снаряжения необходимы сталь и железо особых сортов. В случае возникновения войны малое государство продавать нам боеприпасы не сможет, потому что ему самому их будет не хватать.

Если вместе с Латвией основать исполу завод по производству боеприпасов, например таким образом, что мы будем производить гильзы, а Латвия пули, то ясно, что обе стороны в случае войны будут испытывать затруднения в производстве боеприпасов. Латвия не сможет дать нам пули, а мы им гильз, т. к. они будут нужны им самим. Однако великие державы и во время войны будут в состоянии снабжать нас боеприпасами, так как у них есть возможность перевести промышленность на военное производство. С боеприпасами еще и такая беда, что их в гото-

вом состоянии вообще невозможно держать. У нас есть в Мяннику завод, где боеприпасы приводят в состояние готовности к использованию. Склады же боеприпасов разбросаны по всей стране — в Тапа, Вильянди, Печорах, Тарту. В своих мастерских мы можем в известной степени модернизировать пушки — путем замены компрессоров на орудиях береговой обороны достигается увеличение дальности стрельбы. Вообще в программе предусмотрено делать все, что можно, на родине. Сотрудничество с другими государствами здесь немыслимо. Финляндия, Латвия, Литва и даже Польша не в состоянии обеспечить сами свои военные потребности в необходимых размерах. Только Франция, Германия, Англия и Соединенные Штаты Америки в состоянии в полной мере не только удовлетворить свои военные потребности, но и снабжать малые государства.

Мы сейчас не нуждаемся в стрелковом оружии. Пулеметами мы обеспечены в должной мере. Они не самых новых моделей, но все-таки очень хорошие. Если осуществлять их замену, то это будет стоить приблизительно 5 миллионов крон. Сейчас нам нужно было бы приобрести противовоздушную артиллерию и гаубицы определенных видов. /.../

И. Лайдонер: Вношу предложение — комиссии, заслушав информацию министра экономики, примут ее к сведению и одобряют программу. Я вношу это предложение потому, что мы должны быть или за эту программу, или против нее.

Л. Сепп, министр экономики: Я хочу знать, одобрена ли ликвидация клирингового сальдо частично путем форсирования оборонных заказов, и частично заказами на обновление подвижного состава железной дороги.

Предложение, внесенное И. Лайдонером, принято.

ЦГАОР ЭССР, ф. 84, оп. 1, ед. хр. 1539, л. 3—11.

8 ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ОБЩЕМУ МОБИЛИЗАЦИОННОМУ ПЛАНУ № 2

[Май 1939]

/.../

Глава III

Кадры проведения мобилизации

19.

Кадрами проведения мобилизации являются: части и учреждения вооруженных сил и военного министерства мирного времени.

20.

В составе вооруженных сил и военного министерства мирного времени предусматривается: 1786 офицеров, 3182 унтер-офицера и 11 753 солдата, всего 16 671 человек.

Фактически в вооруженных силах и при военном министерстве имеется 1508 офицеров, 2823 унтер-офицера и 11 334 солдата, всего 15 665 человек.

Глава IV

Мобилизация военнообязанных запаса

21.

Для укомплектования штатов военного времени необходимо в дополнение к указанным в предыдущей главе кадрам мобилизовать приведенное в настоящей главе количество военнообязанных запаса.

22.

При мобилизации для пополнения существующих частей и формирования новых частей требуется 3637 офицеров.

В запасе находится 6060 офицеров и других военнообязанных в возрасте до 60 лет, предназначенных на офицерские должности.

23.

Унтер-офицеров и солдат для пополнения существующих и формирования новых частей необходимо приблизительно 85 600 человек. В запасе находится приблизительно 155 000 унтер-офицеров и солдат в возрасте до 45 лет. За вычетом 15% неявившихся, больных и пр. остается приблизительно 131 800 человек годных.

24.

Для сбора необходимого количества военнообязанных запаса мобилизуются:

1) офицеры запаса и военнообязанные запаса, предназначенные на офицерские должности — согласно составленным штабом вооруженных сил спискам;

2) унтер-офицеры запаса и солдаты:

а) по всей республике, за исключением Харьюского военного округа, 15 младших возрастных групп, родившихся в 1904—1918 гг.

б) в Харьюском военном округе — 14 младших возрастных групп, родившихся в 1905—1918 гг.

25.

В мирное время офицерам и другим военнообязанным запаса, предназначаемым на офицерские должности и некоторым унтер-

офицерам и солдатам запаса определенных специальностей вручается в порядке персонального назначения предписание для явки в воинскую часть. Согласно упомянутому предписанию указанные категории запаса являются в соответствующую часть сразу после объявления мобилизации.

26.

Те военнообязанные запаса, которым не вручены предписания для явки в воинскую часть, собираются после объявления приказа о мобилизации в места, указанные в приказе о мобилизации.

Из отдаленных учетных подразделений воины запаса доставляются на подводах.

Для доставки воинов запаса в места сосредоточения используется также в меньшей степени железная дорога.

27.

Всего по республике насчитывается 22 пункта сбора. Прием воинов запаса в пунктах сбора начинается с часа «Ч» + 7 до часа «Ч» + 9 часов и заканчивается в час «Ч» + 21 вплоть до часа «Ч» + 36 часов. Тем самым прием воинов запаса производится примерно в течение 30 часов.

28.

В воинские части, формируемые в ближайших окрестностях пунктов сбора, воины запаса передаются сразу на месте группами по 20—30 человек.

В те части, которые получают воинов запаса из пунктов сбора, расположенных за пределами своего гарнизона, воины запаса направляются военным штабом соответствующего военного округа по железной дороге. В случае отсутствия железнодорожного сообщения, воинов запаса направляют в означенное место автомобильными частями по шоссе.

Последние команды доставляемых издалека по железной дороге воинов запаса прибывают в свои воинские части на второй день мобилизации около 20.00.

Всего в воинские части из пунктов сбора перевозится приблизительно 12 200 воинов запаса.

Глава V

Реквизиция транспортных средств

29.

Потребность в лошадях для пополнения и формирования новых частей при мобилизации следующая: кавалерийских —

4861, артиллерийских — 3025, тяжелых обозных — 4400, легких обозных — 8582, всего — 20 868 лошадей.

30.

Пригодных для вооруженных сил во всей республике лошадей: кавалерийских — 5492, артиллерийских — 12 248, тяжелых обозных — 3310, легких обозных — 41 244, всего — 62 294 лошади. Тем самым количество пригодных для вооруженных сил лошадей превышает потребность почти в три раза, причем недостаток возникает лишь тяжелых обозных лошадей, которых в случае мобилизации придется заменять легкими обозными и артиллерийскими лошадьми. Также придется заменить кавалерийских лошадей легкими обозными, т. к. их будет не хватать в некоторых пунктах при формировании ряда воинских частей.

31.

Других средств передвижения, таких как телеги, сани, а также упряжки, автомобили и мотоциклы, достаточно для удовлетворения нужд армии.

32.

Во избежание излишних перевозок средств передвижения из одного военного округа в другой, мобилизуемые части пополняются, за незначительным исключением, реквизируемыми в своем военном округе транспортными средствами. В связи с этим, наиболее тяжелая нагрузка по реквизированию транспорта ложится на военные округа, где формируется наибольшее количество воинских частей.

33.

Прием реквизируемых транспортных средств в местах сбора производят представители штабов военных округов или воинских частей. Передача транспортных средств, принятых представителями штабов военных округов, воинским частям производится прямо на месте после приема означенных средств и их распределения между воинскими частями.

34.

Всего по республике насчитывается 44 пункта приема государственных транспортных средств. Прием начинается с часа «Ч» + 7 до часа «Ч» + 11 часов и заканчивается с часа «Ч» + 15 до часа «Ч» + 37 часов. Тем самым прием транспортных средств осуществляется примерно за 30 часов.

В случае мобилизации помимо реквизируемых транспортных средств в принудительном порядке реквизируется также автотранспорт, ранее для воинских частей излишний. При управлении военного округа из используемых в принудительном порядке автомобилей создаются территориальные автомобильные подразделения.

Глава VI

Готовность мобилизованных вооруженных сил

36.

Штаты вооруженных сил и военного министерства военного времени составляют 5208 офицеров, 15 448 унтер-офицеров и 85 093 солдата, всего 105 749 человек, из которых образуются следующие воинские части и учреждения:

- 4 дивизионных и 6 бригадных командований;
- 16 пехотных полков, 4 запасных пехотных полка и 1 отдельный пехотный батальон;
- 5 рот противотанковой обороны;
- 12 групп легкой артиллерии, 6 групп тяжелой артиллерии и 1 резервная артиллерийская группа;
- 1 кавалерийский полк, 6 отдельных эскадронов и 1 резервный кавалерийский дивизион;
- 1 бронепоездный полк;
- 1 автотанковый полк;
- 2 батальона связи, 1 отдельная рота связи, 1 резервный батальон связи;
- 2 саперных батальона, 1 резервный саперный батальон;
- Командование воздушной обороны, 3 дивизиона военно-воздушных сил, 1 летная школа, 1 воздушная база и 1 группа артиллерии противовоздушной обороны;
- Командование морскими силами, морской флот, дивизион флота Чудского озера, морской экипаж и 3 комендатуры морских крепостей;
- 3 обозных батальона (для 1, 2 и 4 дивизий);
- 1 транспортный дивизион;
- 18 различных санитарных учреждений;
- 8 командований военных округов и, кроме того, различные тыловые учреждения.

37.

За основу расчета времени готовности мобилизованных частей берется время поступления в часть последнего крупного пополнения воинов запаса или транспортных средств. Ко времени последнего большого поступления согласно нормам добавляется

12 часов, в течение которых осуществляется организационное объединение части. По отношению к различным подразделениям этот срок может быть длиннее или короче, в зависимости от обстановки и колеблется от 3 до 24 часов.

38.

Сформированные в результате мобилизации и получившие пополнение боевые части в полном для военного времени составе готовы к действиям в следующие сроки:

а) За время «Ч» + 24 часа полностью готовы:

- 6 пехотных батальонов;
- 3 артиллерийские батареи;
- 3 противотанковые роты;
- 6 отдельных эскадронов;

б) К концу второго дня мобилизации окончательно готовы:

- 11 пехотных полков и 1 пехотный батальон;
- 8 групп легкой и 4 группы тяжелой артиллерии;
- 5 противотанковых рот;
- Кавалерийский полк и 6 отдельных эскадронов;
- Бронепоездный полк;
- Автотанковый полк;
- 1 батальон связи;
- 1 саперный батальон;
- 3 дивизиона военно-воздушных сил;
- Артиллерийская группа противовоздушной обороны;
- Морской флот;
- Комендатуры 3 морских крепостей.

К концу третьего мобилизационного дня в готовности все военные части и учреждения, за исключением V дивизиона — узкоколейного бронепоездного полка, готовность которого зависит от материальной части.

ЦГАОР ЭССР, ф. 495, оп. 12, ед. хр. 479, л. 4 об.—7 об.

9 ВЫСТУПЛЕНИЕ ВОЕННОГО МИНИСТРА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА П. ЛИЛЛЯ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ

25 мая 1939 г.

/.../ За счет государственного фонда обороны заключен ряд договоров для приобретения военного снаряжения, и частично оно уже получено, в том числе наиболее важное.

Артиллерийское снаряжение: 150-мм гаубицы — 9 шт., 75-мм зенитные орудия — 8 шт., 37-мм зенитных орудия — 16 шт., 20-мм зенитных орудия — 12 шт. и 37-мм противотанковых ору-

дия — 40 шт. Все пушки заказаны вместе с соответствующим количеством боеприпасов. Для моторизации противотанковых и зенитных орудий заказаны также вездеходные автомобили. Для 75-мм зенитных орудий заказаны аппараты управления артиллерийским огнем «Виког» — 2 шт.

Все вышеуказанное артиллерийское вооружение будет поставлено в 1939—1940 годах. К настоящему времени из этого количества получено 37-мм зенитных орудий — 4 шт. и 37-мм противотанковых орудий — 40 шт. Кроме противотанковых орудий Арсеналу заказано еще 20 противотанковых ружей.

В области пополнения стрелкового оружия следовало бы отметить в качестве наиболее значительных закупок приобретение 600 легких пулеметов «Мадсен» и ремонт 250 тяжелых пулеметов «Максим».

Из самолетов заказано 12 шт. истребителей и самолетов разведки и связи — 10 шт. Одновременно для них заказано различных радиостанций 13 шт. и пулеметов 116 шт. Два истребителя получим в августе этого года и 2 самолета-разведчика в ноябре. Поставки остальных самолетов будут осуществлены в первой половине 1940 года.

Для военно-морских сил предусмотрен заказ 3 торпедных катеров. Один катер уже заказан за счет сумм целевого капитала на строительство подводного флота, для оформления других заказов ведется подготовительная работа.

По морским крепостям сейчас ведется подготовительные работы к сооружению на Найссааре бронированной башни для установки 305-мм орудий.

В области строительства следовало бы отметить возведение в Изборске казарм и вспомогательных помещений на сумму 1 млн 420 тыс. крон. Проектная документация на эти объекты будет закончена к 15 июня, и строительство начнется 1-го сентября.

Для переоборудования Галлинского аэродрома и авиамастерских, а также строительства двух ангаров предусмотрено 2 млн 100 тыс. крон. Начаты подготовительные работы по осуществлению этих планов.

Кредиты в размере 1 млн 250 тыс. крон, выделенные для укрепления приграничного района, частично использованы. Работа в районе Нарвы находится в таком состоянии, что к строительству можно приступить в ближайшее время, в то время как в Изборске работы могут быть начаты осенью.

СОВЕТСКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ВОПРОС ГАРАНТИЙ ПРИ- БАЛТИЙСКИМ ГОСУДАРСТВАМ

К середине апреля 1939 года советско-англо-французские контакты вступили в новую фазу. Правительство Англии обратилось 14 апреля к Советскому правительству с запросом, согласно ли оно сделать заявление о том, что Советский Союз готов оказать помощь соседним государствам, ставшим жертвами агрессии, при условии, если они окажут сопротивление агрессору и посчитают желательной помощь Советского Союза. В тот же день министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ сделал предложение дополнить советско-французский договор о взаимопомощи от 2 мая 1935 года таким образом, что Советский Союз окажет помощь и в том случае, если Франция, выполняя договорные обязательства перед Польшей и Румынией, окажется в состоянии войны с Германией.

В ответ на эти заявления Советский Союз 17 апреля предложил заключить пакт о взаимопомощи между Англией, Францией и Союзом ССР, при этом предусматривалось бы оказание помощи пограничным с СССР Финляндии, Эстонии, Латвии, Польше и Румынии.

В ходе последовавших затем переговоров Франция утратила свою самостоятельную роль и переговоры велись преимущественно между Лондоном и Москвой. Обсуждался ряд проектов договора, которые отражали значительные различия целей и интересов сторон. Западные государственные деятели колебались и затягивали переговоры, пытаясь прежде всего поставить Советский Союз в неравное положение, добиваясь наибольших обязательств со стороны Советского Союза, по возможности уменьшая свои. Однако, в связи с постоянно обостряющейся международной обстановкой, Лондон и Париж вынуждены были идти на уступки. Это же относится и к вопросу о гарантиях Прибалтийским государствам. Первоначально Лондон и Париж ставили вопрос о гарантиях лишь для Польши и Румынии, но не для Прибалтийских государств.

Москва, со своей стороны, решительно требовала, чтобы всем государствам, находящимся на западных границах Советского Союза, были бы даны гарантии, в том числе также Финляндии, Эстонии и Латвии.

Существенным обстоятельством, осложнившим переговоры

трех великих держав, был тот факт, что восточноевропейские государства, которым предполагалось дать гарантии, не хотели военной помощи со стороны Советского Союза. Во всех находящихся на западных границах Советского Союза государствах, от Финляндии до Румынии, царило глубокое недоверие по отношению к внешнеполитическим целям СССР. В Хельсинки, Таллине, Риге и Варшаве преобладало мнение, что в ходе противодействия агрессии Германии Советский Союз может поставить под угрозу независимость соседних государств. Так, например, министр иностранных дел Польши Ю. Бек оценивал планы ввода Красной Армии на территорию Польши следующими словами: «Маршал Ворошилов пытается осуществить теперь мирным путем то, чего он добивался при помощи военной силы в 1920 году».

Правительство Эстонии также твердо стояло на позиции, что если вооруженные силы Советского Союза, в целях противодействия отпора нападению Германии, незванно вступят на территорию Эстонии, то это по существу будет означать агрессию по отношению к Эстонии.

Выступая против гарантий государствам Прибалтики, представители Эстонии подчеркивали и то, что принятие гарантий означало бы присоединение к советско-англо-французскому блоку, направленному против Германии, что противоречило бы принципам нейтралитета Эстонии. В интервью газете «Baltic Times» министр иностранных дел К. Сельтер решительно выступил против планов предоставления гарантий Прибалтийским государствам. Борьба против гарантий, представлявших опасность для страны, стала одной из важнейших проблем внешней политики Эстонии.

Однако, после напряженных переговоров три великие державы пришли к соглашению о том, что гарантии следует распространить и на Прибалтийские государства. Это принципиальное соглашение не означало того, что противоречия в вопросе предоставления гарантий Прибалтийским государствам преодолены. На повестку дня встал вопрос о т. н. косвенной агрессии. Вопрос заключался в том, что какое-либо государство, которому предоставлены гарантии, могло бы попасть под власть агрессора и помимо вооруженного нападения: либо в результате угрозы применения силы, как это имело место в Чехословакии, либо даже добровольного отказа от своего суверенитета. Советское правительство требовало гарантий Прибалтийским государствам также и по отношению к подобной «мирной» агрессии. В принципе с этим были согласны и в Лондоне и в Париже, однако в то же время возникли трудности с определением косвенной агрессии. Правительства западных стран понимали под косвенной агрессией события, подобные тем, что произошли в Чехословакии в марте 1939 года, когда правительство государ-

ства под угрозой применения силы было вынуждено подписать соглашение, приведшее к ликвидации его самостоятельности. Советское же правительство, наряду с этим, видело косвенную агрессию и в добровольном предоставлении каким-либо государством своей территории и ресурсов в распоряжение агрессора.

Эстонские дипломаты в ряде европейских столиц утверждали, что заключение соглашения на основе советских предложений развязало бы руки Советскому правительству в отношении Прибалтийских государств. В этом случае Советскому правительству была бы предоставлена возможность самому истолковывать состояние косвенной агрессии и по своему усмотрению предпринимать любые шаги в отношении Прибалтийских государств. Те же позиции занимала практически вся пресса Эстонии, которая много внимания уделяла вопросам гарантий Прибалтийским государствам и косвенной агрессии.

Военные проблемы, связанные с Прибалтийскими государствами, обсуждались в Москве в августе 1939 года на военных переговорах, проходивших с участием СССР, Англии и Франции. Согласно планам, представленным начальником Генерального штаба Красной Армии Б. Шапошниковым, англо-французскому объединенному флоту в случае возникновения войны надлежало войти в Балтийское море и создать базы на Аландских островах и в портах Эстонии и Латвии. Разумеется, подобный план был практически неосуществим.

В ходе военных переговоров главным камнем преткновения стал вопрос о том, каким образом Советский Союз может оказать помощь участникам договора и странам, которым предоставлена гарантия, если его западные соседи откажутся пропустить войска Красной Армии. Наибольшее значение в этом вопросе имела позиция Польши, которая, как известно, была категорически отрицательной. Лондон и Париж в августе беспрерывно бомбардировали правительство Польши и ее генеральный штаб пожеланиями, советами и предостережениями о том, что отказ Польши может вызвать серьезные последствия, однако это не поколебало позиции Польши. Министр иностранных дел Англии Галифакс 20-го августа обратил внимание польского правительства на фатальные последствия подобной позиции.

В действительности же жребий уже был брошен, и ни от Варшавы, ни от Лондона и Парижа не зависело дальнейшее сотрудничество трех великих держав. К этому времени начатые еще весной советско-германские переговоры получили дальнейшее развитие, и в принципе был решен вопрос о советско-германском договоре о ненападении.

Советское правительство прервало англо-франко-советские переговоры со ссылкой на то, что вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши остался нерешенным.

10 ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ВРУЧЕННОЕ НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ПОСЛУ АНГЛИИ В СССР

---

17 апреля 1939 г.

Считая предложение Франции принципиально приемлемым и продолжая мысль г. Боннэ, а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами, мы пытаемся объединить английское и французское предложения в следующих тезисах, которые мы предлагаем на рассмотрение британского и французского правительств:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2. /.../

СССР в борьбе за мир... С. 336—337.

11 ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА, ВРУЧЕННАЯ НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР ПОСЛУ АНГЛИИ В СССР

---

14 мая 1939 г.

Советское правительство внимательно рассмотрело последние предложения великобританского правительства, врученные Советскому правительству 8 мая, и пришло к заключению, что они не могут послужить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе.

Мотивы такого заключения:

1. Английские предложения не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, в то время как Англия,

Франция, равно как и Польша, имеют такую гарантию на основании существующей между ними взаимности.

2. Английские предложения распространяют гарантию восточноевропейских государств, граничащих с СССР, лишь на Польшу и Румынию, ввиду чего северо-западные границы СССР со стороны Финляндии, Эстонии, Латвии остаются неприкрытыми.

3. Отсутствие гарантий СССР со стороны Англии и Франции в случае прямого нападения агрессоров, с одной стороны, и неприкрытость северо-западных границ СССР, с другой стороны, могут послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза.

Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимы по крайней мере три условия:

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии;

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию;

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемой государствам, без чего (без такого соглашения) пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией.

СССР в борьбе за мир... С. 395.

12 ИНТЕРВЬЮ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ ГАЗЕТЕ «BALTIC TIMES»

25 мая 1939 г.

Господин Карл Сельтер, министр иностранных дел Эстонии, дал на этих днях специальное интервью газете «Baltic Times».

Мы читали в прессе о предложении Советского Союза представить группе стран, расположенных в Прибалтике, — Финляндии, Эстонии и Латвии, — гарантий от нападения.

Правительство Эстонии никогда не рассматривало возможность заключения договора о взаимопомощи ни с Советским Союзом, ни с какой-либо другой великой державой или группой великих держав в Прибалтике. Общественное мнение Эстонии, придерживающееся жесткого нейтралитета, единодушно высказало глубокое недоверие в отношении такой возможности. Здесь

придерживаются того мнения, что нейтральное государство не может заключать подобных договоров.

В случае возникновения опасности помощь может быть принята от той великой державы, которую нельзя обвинить в нарушении нейтралитета и в доброй воле которой не может возникнуть ни малейшего сомнения. Характер оказываемой помощи может быть установлен после нападения (нарушения нейтралитета). Если какая-либо великая держава, в качестве представителя определенной коллективной системы или для защиты своих жизненных интересов в Прибалтийских странах, приступила бы к оказанию помощи помимо нашей просьбы, то подобные действия рассматривались бы как агрессия, против которой Прибалтийские государства вступили бы в борьбу всеми своими силами.

Мы полностью доверяем Британскому правительству в его стремлении укрепить мир. Но при этом оно должно считаться не только с высшими идеалами. Ему необходимо найти такие средства для их осуществления, которые позволили бы особо учесть интересы нейтральных Прибалтийских государств. Никто (в Эстонии) не сомневается в намерениях Британского правительства оправдать надежды, которые возлагают на него миролюбивые государства. /.../

Как относится правительство Эстонии к предложению Гитлера заключить двусторонний договор от ненападения? /.../

В нынешней международной обстановке предложения Германии, несомненно, расцениваются в Прибалтийских государствах как шаг, пусть ограниченный, в направлении умиротворения. В любом случае это предложение найдет более положительный отклик в Прибалтийских государствах, чем намеки на противодействие агрессии Германии «необходимыми контрмерами, за которыми последовала бы оккупация части территории», что явилось бы, короче говоря, превентивным нападением. /.../

The Baltic Times. 1939. May 25. Перевод с английского.

13 ПИСЬМО ПОСЛАННИКА ЭСТОНИИ В МОСКВЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ

5 июня 1939 г.

Беседа с Молотовым 05. 06. 1939 г.

/.../ Прежде всего дал Молотову необходимые разъяснения о наших переговорах с Германией с целью подписания договора о ненападении. Вопросы и замечания М. при этом, а также во время всей последующей беседы имели тенденцию поставить

под сомнение нашу нейтральную политическую линию. Все время чувствовался человек, который привык полемизировать на всевозможных фракционных совещаниях и прижимать оппонента различными вопросами. Почему Финляндия, которая также проводит политику нейтралитета, посчитала все-таки возможным отказать от подписания договора с Германией? Почему мы требуем ограничения нормальных объемов торговли и транзита мирного времени, когда подобной статьи нет в эстонско-русском договоре о ненападении? Разве мы, желая торговать и с агрессором, тем самым не становимся на его сторону? Как мы относимся к стремлению добиться соглашения между Лондоном, Москвой и Парижем для предотвращения агрессии? Приветствуем ли мы этот факт или считаем его отрицательным, или нам совершенно безразлично и т. д.

В огне этого cross-examination¹ начал я понимать, почему сэръ Уильям Сидс² на этих днях как бы с горечью или беспокойством заметил, что с М-ым трудновато вести переговоры, поскольку его манера полностью отличается от той, к какой мы, дипломаты, привыкли. Вместе с тем мне представляется, что если Литвинов начал уже довольно хорошо понимать наши позиции в вопросе политики нейтралитета, то с М-вым в этом деле придется начинать более или менее с самого начала. Тенденция его беседы, хотя высказывалось это не столь наивно и прямолинейно, как пытался мне это разъяснить 9 февраля прошлого года старик Калинин, приблизительно такова же, а именно, что единственное спасение для малых государств в том, чтобы опереться на могучий Советский Союз.

Так мы снова и снова спорили об эстонско-германском пакте о ненападении, и в конце концов у меня осталось впечатление, что мне не удалось сделать ему более понятной и ясной идеологию нашего нейтралитета. Переходя к другому вопросу, я попросил разъяснения, почему, как это следует из его выступления и газетных материалов, важные переговоры между Лондоном, Парижем и Москвой в отношении Прибалтийских государств ведутся, так сказать, через голову этих государств. Ответ г-на М-ва вкратце был следующим. К нам обратились западные государства с предложением заключить определенное соглашение для предотвращения агрессии, при этом, в частности, была высказана просьба, чтобы мы со своей стороны дали бы гарантии Польше и Румынии, которые уже имеют гарантии западных государств. Вначале самым важным вопросом для нас было то, чтобы обязательства были равными и взаимными. Когда нам пошли навстречу в этом отношении, то при переходе к менее важным вопросам нам бросилось в глаза, что определенным

¹ перекрестный допрос (англ.)

² посол Англии в Москве.

государствам, через территорию которых также может произойти агрессия, как и через Польшу и Румынию, западные страны не дали гарантий. Мы хотим выяснить, готовы ли Лондон и Париж распространить свои гарантийные обязательства и на эти страны, и ведем переговоры для выяснения этого вопроса. До тех пор, пока мы в этом деле не достигнем ясности, было бы совершенно преждевременно обращаться к Прибалтийским государствам. Однако, как только мы ясности достигнем, мы, естественно, в ходе переговоров обратимся к вам, т. к. никак не думаем вас игнорировать. /.../

А. Рей,
посланник

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, ед. хр. 702, л. 51—54.

14 ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР С ПОСЛАНИКОМ ЭСТОНИИ В СССР

5 июня 1939 г.

Рей начал с разъяснения причин и характера пакта о ненападении, который должен быть подписан в ближайшее время между Эстонией и Германией. Рей сказал, что между Эстонией и Германией пакт о ненападении будет такого же характера, как только что подписанный пакт о ненападении между Германией и Данией. Я подчеркнул, что бросается в глаза тот факт, что Финляндия отказалась заключать пакт о ненападении с Германией, а Эстония и Латвия пошли на этот пакт. Я сказал также, что об этом пакте мы будем судить на основании того, какое значение он приобретет на деле.

Затем Рей поставил тот же вопрос, что и Коциньш, еще более подчеркивая, что переговоры о гарантировании прибалтов идут помимо самих прибалтов. Я дал ему те же разъяснения, что и Коциньшу. Я указал также на то, что о позиции Эстонии в вопросе о нейтралитете мы будем судить по тому, как Эстония отнесется к предложению о тройственном гарантировании нейтралитета Эстонии. Я сказал, что у нас есть сомнение в том, насколько Эстония действительно придерживается политики нейтралитета, потому что нельзя представить себе малую страну, как Эстония, которая бы, желая сохранить нейтралитет, относилась одинаково как к странам неагрессивным — СССР, Англия и Франция, так и к странам агрессивным, как Германия. Рей ответил на это, что Эстония только формально относится одинаково как к первой группе стран, так и ко второй, но что, по существу, в случае нападения агрессора они рассчитывают на

помощь неагрессивных стран, и в первую очередь на помощь со стороны СССР. На это мною было указано, что Эстония не может рассчитывать на то, что кто-нибудь ей будет оказывать помощь против агрессии по первому ее желанию и в том размере, как она этого захочет, если Эстония не предпримет заблаговременно соответствующих шагов.

СССР в борьбе за мир... С. 436.

15 ПИСЬМО ПОСЛАННИКА ЭСТОНИИ В ПАРИЖЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ

7 июня 1939 г.

В соответствии с телеграфным поручением министерства и телефонным указанием министра иностранных дел посетил сегодня генерального директора здешнего министерства иностранных дел г-на Шарвериа. Когда я объяснил ему причину посещения и спросил, в каком состоянии сейчас переговоры, то Шарвериа ответил, что еще ничего не решено, однако не отрицал, что русские могут сделать нам неприемлемые предложения, иначе говоря, ушел от ответа. /.../

Я разъяснил г-ну Шарвериа, что предложения русских в отношении нас крайне недружественны, и если подписываемый договор дал бы русским такие права, то тем самым наша независимость была бы поставлена под угрозу и поэтому мы надеемся, что французское правительство не поддержит подобных предложений. Я добавил, что у нас уже были переговоры с прежним комиссаром иностранных дел Литвиновым, показавшиеся нам чрезвычайно пугающими. /.../

Из заключительного разъяснения господина Шарвериа можно было понять, что когда франко-англо-русское соглашение будет подписываться, то Франция со своей стороны готова сделать все, чтобы жизненные интересы Эстонии не пострадали. /.../

О. Страндман

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, ед. хр. 701, л. 33—34.

16 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПОЛЬСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

9 июня 1939 г.

В связи с отъездом Стрэнга в Москву¹ прошу заявить в Foreign Office, что наша точка зрения остается прежней, а именно:

1. Мы не можем согласиться на упоминание Польши в договоре, заключенном между западными державами и СССР.
2. Принцип оказания Советским Союзом помощи государству, подвергнутому нападению, даже без согласия этого последнего, мы считаем в отношении Польши недопустимым, в отношении же прочих государств — опасным нарушением стабилизации и безопасности в Восточной Европе.

Установление объема помощи Советов, по нашему мнению, возможно единственно путем переговоров между государством, подвергшимся нападению, и СССР.

В качестве комментария прошу добавить, что, по нашей оценке, СССР конкретно не заинтересован в данной стадии переговоров, и придание переговорам слишком большой огласки будет поэтому всегда ставить партнеров России в неудобное положение.

Бек

ДМСПО, т. VII. С. 120—121.

17 НОТА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛАТВИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

12 июня 1939 г.

/.../ Трудно понять, почему формулу относительно нейтральных стран, предложенную Великобританией, Молотов считает неудовлетворительной.

/.../ В условиях политики нейтралитета становится невозможным для Латвии принятие гарантий того типа, который был дан некоторым другим европейским государствам. Следуя этой же политике, Латвийское правительство резко протестует против заблаговременных обязательств запрашивать помощь любых стран для защиты нейтралитета Латвии от нарушений. Следовательно, было бы непрактично в ответ на вопросы, поднятые

¹ У. Стрэнг вместе с английским послом в СССР У. Сидсом и французским послом в СССР П. Наджиром 16 и 21 июня вели переговоры в Москве с представителями НКВД СССР о совместном противодействии агрессии фашистской Германии.

Молотовым в выступлении, фрагмент которого цитировался выше, предлагать гарантии Латвии, также непрактично было бы и Латвии заблаговременно обязываться просить помощь определенной страны для отпора нарушению ее нейтралитета. Тем самым, даже и заложив базу для недвусмысленного обещания указанной страны оказать помощь, Латвия нарушила бы свой нейтралитет.

Латвийское правительство не осведомлено о ходе англо-советских переговоров, однако оно верит, что не будет достигнуто положение, которое могло бы без ведома Латвийского правительства поставить под сомнение свободу его действий по обеспечению суверенных прав, политической независимости и безопасности Латвии. Намек на такое положение вещей был сделан в сообщении британского министра (посланника) от 30 мая.

DBFP. Third ser. Vol. VI. P. 49. Перевод с английского.

18 ПИСЬМО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛАННИКУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В РИГЕ

17 июня 1939 г.

Сэр, 7-го июня посланник Эстонии посетил наш департамент и сообщил о полученном им поручении срочно передать правительству Его Величества меморандум, копия которого прилагается. Он сожалел о необходимости сделать это, несмотря на нашу вчерашнюю беседу за завтраком, в ходе которой я высказал обнадежившее его отношение правительства Его Величества по поводу англо-советских переговоров. Со своей стороны, он заверил, что его правительство не желает создавать трудностей для указанных переговоров. В действительности, однако, его правительство было встревожено сообщениями прессы и сочло себя обязанным официально изложить свою позицию без промедления, невзирая на то, что она и так хорошо осознается в Лондоне из его собственных докладов.

2. Г-н Шмидт получил заверения о том, что, насколько известно, еще не стоит вопрос о согласии правительства Великобритании на такие предложения, которые вызывают опасения его правительства. Очевидно, что Советское правительство желало бы защититься от возможности действий Германии на Балтике, которые могли бы создать угрозу жизненным интересам СССР без фактического либо прямого нападения на его границы. Формула для предоставления Советскому Союзу такой защиты должна была бы быть найдена без указания конкретных государств, на территории которых упомянутые действия Германии имели бы место, а также без предоставления Советскому

правительству исключительного права принятия решения об угрозе его интересам. Действительно, советские предложения в их нынешнем виде, хотя и не содержат в точности выражения «помощь Эстонии будет оказана автоматически в определенных условиях», тем не менее неудовлетворительны с нашей точки зрения ни по одному из вышеназванных пунктов. Однако предполагалось, что в случае достижения согласия по этим двум пунктам у правительства Эстонии не могло бы быть оснований возражать против положений, направленных против косвенной или прямой агрессии Германии против Советского Союза.

3. Посланник подтвердил такое понимание позиции своего правительства и добавил, что оно вполне могло бы приветствовать положение договора, выраженное в формулировке, подчеркивающей нейтралитет затронутых стран и решимость договаривающихся сторон, включая и Советский Союз, уважать этот нейтралитет и обеспечивать его уважение и со стороны других стран.

Остаюсь и пр. Галифакс

ПРИЛОЖЕНИЕ

7 июня 1939 г.

Меморандум

По сообщениям прессы, на проходящих ныне англо-франко-советских переговорах Советский Союз настаивает на автоматическом оказании помощи Эстонии в определенных обстоятельствах вопреки мнению Эстонского правительства. В случае правильности таких сообщений Эстонское правительство вынуждено было бы рассматривать указанные предложения в качестве недружественного акта, направленного против нейтралитета Эстонии. Эстонское правительство хотело бы верить, что правительство Великобритании найдет возможность не согласиться на такие предложения в части, касающейся Эстонии.

DBFP. Third ser. Vol. V. P. 95—96. Перевод с английского.

19 ТЕЛЕГРАММА ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ США В СССР ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ США

22 июня 1939 г.

Представители трех Прибалтийских государств в Москве, от которых Советский Союз потребовал гарантий, не пытаются скрыть свое недоверие по поводу намерений Советского правительства в отношении Прибалтики. Они также опасаются, что их страны будут «принесены в жертву» Великобританией и Францией, если они примут советские требования, которые рас-

смаstrиваются как намерение установить гегемонию СССР в Прибалтике.

Посланник Латвии сообщил мне доверительно о своей беседе с Молотовым 6 июня, который сказал ему, что гарантии Прибалтийским государствам рассматриваются лишь в принципе. О результатах рассмотрения этого вопроса Латвия будет информирована. Я предполагаю, что подобный ответ дан Молотовым посланнику Эстонии в Москве. Затем латвийский посланник заявил мне под строгим секретом о том доверии, с которым его правительство относится к усилиям Британского правительства, и что он удовлетворен тем пониманием значения требований России и позиций его правительства, которые проявили при обсуждении этих вопросов посол Великобритании¹ и Стрэнг. Меньше уверенности он чувствует в отношении правительства Франции, которое, как он опасается, может пожертвовать интересами Прибалтийских государств с тем, чтобы добиться включения Советов во фронт сопротивления агрессии.

Далее посланник добавил, что с тех пор, как Молотов стал комиссаром иностранных дел, в советской политике явно проявляется возрождение русского национализма. Он настойчиво подчеркивал намерение Латвии защищаться силой оружия, если потребуется, от любой попытки захватить ее территорию и нарушить ее независимость как со стороны Германии, так и Советского Союза. Один из сотрудников латвийской миссии высказал свое личное мнение, что поскольку основной причиной беспокойства его правительства является возможность предоставления Кремлю одностороннего права решать, что представляет угрозу независимости или нейтралитету Прибалтийских государств, то в этом случае формула, которая требовала бы согласия Англии и Франции в определении обоснованности этой угрозы, была бы более приемлема для заинтересованных стран.

FRUS. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933—1939. P. 937—938.
Перевод с английского.

20 ПИСЬМО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛАННИКУ ВЕЛИКО- БРИТАНИИ В ХЕЛЬСИНКИ

8 июля 1939 г.

Посланник Финляндии был приглашен в Foreign Office 27 июня в связи с англо-советскими переговорами. Хотя он и подчеркнул, что выступает, не имея инструкций своего правительства,

¹ Сэр Уильям Сидс.

все же высказал свое беспокойство по поводу сообщения в прессе о нашем решении капитулировать перед М. Молотовым. /.../

3. Финляндия, возразил финский посланник, ни в малейшей степени не будет возражать гарантиям со стороны Великобритании; их тревогу вызывают гарантии Советского Союза, поскольку они уверены, что целью Советов является проникновение в их страну.

4. Посланник получил ответ, что это мнение, возможно, может быть оправдано, однако даже при наиболее пессимистической точке зрения, Советскому правительству потребуется некоторое время для постепенного проникновения в Финляндию. Между тем — и Великобритания, и Финляндия, — равно как и многие другие государства — стоят перед значительно более реальной и непосредственной опасностью. Как выяснилось из последней речи д-ра Геббельса, если называть только один источник, Германия настаивает на безотлагательном решении проблемы Данцига и коридора. Таким образом, в течение нескольких недель мы можем оказаться перед серьезным кризисом. Если Германия осуществит свои амбиции и поставит Польшу в положение Чехословакии, то у Прибалтийских государств вскоре не будет иной альтернативы, как оказаться под протекторатом Германии; хотя для них это предпочтительнее, чем оказаться под протекторатом Советского Союза, мы предполагаем, что они предпочтут сохранить свою независимость, и та политика, которую мы будем проводить, более вероятно, чем какая-либо другая, в конце концов будет способствовать этой цели. Более того, мы должны принять во внимание опасность, которая состоит в том, что если наши переговоры с Советским Союзом потерпят неудачу, то усилия Германии, предпринимаемые сейчас для достижения понимания с Советским Союзом, могут достигнуть цели. Если это станет возможным, то положение Прибалтийских государств действительно станет безнадежным.

6. Финский посланник согласился, что с точки зрения его страны, нет ничего губительней, чем советско-германское соглашение. В ответ ему было указано, что хотя финны могут и злиться на нас в данный момент, они должны быть благодарны за любые шаги, мешающие русско-германскому сближению.

7. Далее посланник пустился в долгий рассказ о вреде, который мог бы быть нанесен англо-финским отношениям в случае, если мы уступим Советскому правительству. Политика последнего направлена на установление сферы влияния в Прибалтийских государствах, и наше согласие на советское предложение будет воспринято в Финляндии, как предоставление Советам свободы действий там. В результате финское правительство было бы вынуждено встать на сторону Германии. Ему было сказано, что мы полностью осведомлены о позиции финского правительства,

однако нам надо также принимать во внимание непосредственные угрозы, стоящие перед нами.

8. В завершение финский посланник выразил надежду, что в случае нашего согласия с советским предложением, которое, он считает, будет нами дано, мы будем очень активно противодействовать созданию в Финляндии впечатления, которое неизбежно возникнет, что Великобритания умыла руки и оставила Прибалтийские государства на милость большевиков.

Искренне Ваш, Галифакс

DBFP. Third ser. Vol. VI. P. 307—308. Перевод с английского.

21 ПРОЕКТ АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

8 июля 1939 г.

/.../ Протокол (параграф 1)

Три договаривающихся правительства условились, что статья 1 подписанного ими сегодня соглашения будет применяться к следующим европейским государствам, причем слово «агрессия» должно пониматься в том смысле, что оно распространяется на такие действия, на которые соответствующее государство дало свое согласие под угрозой применения силы со стороны другой державы и которые связаны с отказом этого государства от своей независимости или своего нейтралитета.

СССР в борьбе за мир... С. 486.

22 ПРОЕКТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПИСЬМА К СОГЛАШЕНИЮ СССР, АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

9 июля 1939 г.

Три договаривающихся правительства условились в том, что:

- 1) статья 1 договора, подписанного ими сегодня, должна будет применяться к следующим европейским государствам: Турция, Греция, Румыния, Польша, Бельгия, Эстония, Латвия, Финляндия, Швейцария, Голландия;

- 2) в отношении двух последних стран (Швейцария, Голландия) договор вступает в силу лишь в том случае и тогда, если и когда Польша и Турция заключат с СССР пакт взаимопомощи;

- 3) выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается

под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета.

По соглашению между тремя договаривающимися правительствами вышесприведенный перечень может быть подвергнут пересмотру.

Настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию.

СССР в борьбе за мир... С. 486—487.

23 ПИСЬМО КОНСУЛА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ТАЛЛИННЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

11 июля 1939 г.

Сэр! Вчера у меня была продолжительная беседа с министром иностранных дел Эстонии по вопросу англо-советских переговоров. Во время приема в американской миссии мистер Сельтер поинтересовался у хозяина о моем присутствии и пригласил меня сопровождать его, и увез на своей машине из Таллина на прогулку в лес. Прогулка затянулась до окончания приема; мой собеседник казался взволнованным и озабоченным.

2. Его превосходительство сказал, что эстонский посланник в Лондоне, мистер Шмидт, сообщил ему в тот же день по телефону, что вероятно последним британским предложением, по его данным, является вступление в силу англо-французско-советских гарантий Прибалтийским государствам только после консультаций между гарантами. (В конце беседы я высказал предположение о приемлемости этого предложения для Эстонии. В ответ мииистр Сельтер промолчал; тогда я добавил, что в любом случае они гораздо лучше советских предложений. С этим министр Сельтер согласился с готовностью).

3. Мистер Шмидт должен был в тот же день встретиться с мистером Батлером и попытаться объяснить эстонскую точку зрения. Сельтер сам довольно подробно мне ее изложил, не добавив, однако, много нового к тому, что уже известно. Первоначальные британские предложения были для Эстонии вполне приемлемы, сказал он, но невозможно было согласиться на предоставление помощи без соответствующего запроса. Советская Россия уже некоторое время проявляет агрессивные тенденции по отношению к Прибалтийским странам, например, в речи Жданова, в то время как Германия не показывает агрес-

сивных намерений. Из советской декларации он понял, что Россия вмешается в случае, например, «путча» в Эстонии, в результате которого к власти пришло бы правительство с прогерманскими стремлениями. Сельтер отметил, что это отношение к Эстонии отличается от отношений к другим приграничным государствам, среди которых есть недемократические, как и практически тоталитарные, например, Румыния, Греция и в некоторой степени Польша. Он заявил, что отношение Эстонии встречается в Англии непонимание, и многие ответственные лица считают, что эстонцы только являются помехой.

4. Если мистер Сельтер надеялся на утешительный ответ, то его постигло разочарование, т. к. он увидел возможность для ответной атаки. Я обвинил эстонцев в неблагодарности и глупости. Они обвиняют Великобританию в том, что «она продает» их большевикам в тот момент, когда мы еще ни в чем не поставили под угрозу их суверенитет, а наоборот, уже почти три месяца сражаемся за интересы Эстонии. Они открыто высказали свое недоверие и неприязнь к Советской России; упрекая нас в том, что мы бросаем их на произвол судьбы, они усложняют положение правительства Его Величества и подтверждают уверенность Советов в том, что Прибалтийские страны не запросят помощи до момента, когда будет уже слишком поздно. Как я уже докладывал своему правительству, последние несколько лет известные эстонские государственные деятели неоднократно заявляли мне, что приняли бы германскую помощь для отражения агрессии со стороны Советского Союза, но не приняли бы помощи от Советов в случае агрессии со стороны Германии. Я сказал, что это не является полным нейтралитетом и может дать Советскому правительству основания настаивать на том, что эстонское правительство не компетентно решать вопрос о запросе помощи. Более того, добавил я, имеют место не только нападки на Великобританию, но мне известно о склонностях Эстонии к прогерманской ориентации. Я не думаю, что эстонское правительство либо большинство эстонского народа настроено прогермански, однако деловые круги, богачи и военные явно склоняются к этому. Правительство Эстонии может способствовать прогерманским настроениям, принимая множество германских официальных лиц — Канариса, Бентевилла¹, фон Клейста, Беминга и т. д. — проговорил я недовольным тоном.

5. Сельтер был несколько ошеломлен. В первую очередь он ответил, что фон Клейст был принят, однако не предложил ничего, кроме создания в Эстонии торговой палаты Германии. Я предположил, что фон Клейст ведет более крупную игру, но м-р Сельтер ответил, что не рассматривает его как серьезную

¹ Бентевилл — фактически, очевидно, Бентевенью — полковник абвера. Фон Клейст и Беминг — близкие сотрудники Риббентропа.

фигуру. Мое упоминание Канариса осталось без ответа. Что касается армии (я имел в виду, конечно, генерала Резка, начальника генерального штаба, а не главнокомандующего генерала Лайдонера), Сельтер сказал, что солдаты склонны к крепким выражениям, однако не они решают вопросы внешней политики. Касаясь нападок в прессе, он сказал, что журналисты свободны выражать свои собственные мнения — довольно неудовлетворительное заявление, т. к. эстонская пресса находится под контролем властей, а полуофициальная «Уус Ээсти» находится в числе нападающих. Я заметил, что материалы «Внешнеполитических записок» — издание «Baltic Times», выпускаемых под личным руководством Сельтера, нельзя охарактеризовать как особенно приятные, и по моим данным они вызвали неблагоприятные отклики в Швеции и Финляндии.

М-р Сельтер заметил, что шведы очень боязливы и добавил, что хотя он был предельно осторожен в высказываниях во время интервью «Baltic Times» от 25 мая, тем не менее оно вызвало неблагоприятные отклики со стороны великих держав. Он отрицал прогерманские изменения в Эстонии и сказал, что если даже и наблюдаются некоторые антибританские настроения в данный момент, они скоро пройдут.

6. Его превосходительство заявил далее, что вне зависимости от того, будет ли достигнуто соглашение между Англией и Советским Союзом или нет, Эстония даже теоретически не может согласиться на гарантии со стороны СССР, т. к. тогда Эстония потеряла бы свой нейтралитет. Эстонская сторона не может также игнорировать возможность германо-советского соглашения и считает, в случае такого соглашения, возможной уступку Германией Прибалтийских государств России в обмен на уступки где-то в других местах.

7. М-р Сельтер завершил беседу заверением, что он пригласит меня для обсуждения доклада м-ра Шмидта, как только он поступит.

8. Я посылаю копии данного письма диппочтой непосредственно в Foreign Office.

Имею честь, В. Галльен

24 ПИСЬМО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛАННИКУ ВЕЛИКО- БРИТАНИИ В РИГЕ

18 июля 1939 г.

Сэр, Эстонский посол посетил Foreign Office 10 июля и передал меморандум, касающийся англо-советских переговоров, копия которого прилагается. Он заявил, что Эстонское правительство особое внимание уделяет параграфу 2 и подчеркнул слова, что «оно не может признать прав какой бы то ни было иностранной державы вмешиваться в ее внутренние дела».

2. Он поинтересовался ходом англо-советских переговоров. Ему было сообщено, что вопрос о «косвенной агрессии», как можно понять по сообщениям прессы, действительно является одним из пунктов обсуждения. Однако, вследствие того, что полный советский ответ только что поступил, невозможно изложить ему исчерпывающую картину переговоров; в этой связи Шмидту посоветовали обратиться к ответу премьер-министра на запрос в Палате общин парламента 10 июля.

3. Внимание Шмидта было привлечено к ответу, данному премьер-министром также 10 июля по вопросу государственного суверенитета, в особенности относительно желания Прибалтийских государств сохранить свою независимость. Ниже приложена копия вопроса и ответа на него.

4. Посланник Эстонии выразил удовлетворение в отношении ответа, но высказал сильную озабоченность и желание получить более детальную информацию о переговорах.

Остаюсь искренне Ваш,
Галифакс

Приложение

Эстонское правительство уже имело возможность изложить правительству Его Величества свои взгляды по вопросу об автоматическом предоставлении в определенных обстоятельствах помощи Эстонии, вопрос, явно еще представляющий собой предмет дискуссий на переговорах между Великобританией, Францией и Советским Союзом. Ввиду различных сообщений прессы о ходе переговоров, Эстонское правительство считает целесообразным еще раз изложить свою точку зрения:

1. Правительство Эстонии решило твердо следовать политике строгого нейтралитета; оно намерено защищать свой нейтралитет всеми имеющимися у него средствами. В таких условиях Эстонское правительство вынуждено рассматривать любую автоматическую помощь, предоставляемую Эстонии без ее запроса и согласия, несовместимой с нейтралитетом и суверенитетом республики.

2. По сообщениям прессы рассматривается вопрос о предоставлении автоматической помощи в случае «косвенной агрессии»; эта формулировка подразумевает совершенно недопустимое вмешательство во внутренние дела другой страны. Правительство Эстонии, полностью осознавая статус суверенитета Эстонии, не может допустить права какой бы то ни было иностранной державы вмешиваться в ее внутренние дела.

3. Эстонское правительство с радостью хранит в памяти то доверие и дружественные отношения, которые существуют между Великобританией и Эстонией. Оно глубоко признательно правительству Его Величества за желание понять и поддержать позицию Эстонии. Эстонское правительство искренне надеется, что правительство Его Величества все же найдет возможность не включать в текст подготавливаемого соглашения какие-либо пункты с указанным выше содержанием, которые, по мнению Эстонского правительства, вместо усиления стабильности в Балтийском регионе, создадут лишь беспокойство и неуверенность.

DBFP. Third ser. Vol. VI. P. 382—383. Перевод с английского.

25 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СССР МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКО- БРИТАНИИ

28 июля 1939 г.

./.../В ответ на мое высказывание относительно урегулирования нерешенных политических пунктов г-н Молотов сказал, что Советское правительство изучает вопрос о косвенной агрессии. ./.../

Г-н Молотов спросил, является ли позиция правительства Его Величества и французского правительства по этому вопросу непоколебимой. Откажутся ли они от всяких изменений в своем меморандуме. Если это так, то решения будет трудно достигнуть.

Я ответил, как уже это делал ранее, что мы готовы допустить изменения в формулировках, но суть должна быть сохранена. Основой нашего определения является: а) угроза применения силы; б) отказ от независимости и нейтралитета. Наша формула достаточно широка для того, чтобы покрыть любой законный случай, который может возникнуть. Если бы мы постарались сделать определение более широким, то оказалось бы, что мы одобряем вмешательство во внутренние дела третьих государств, а этого правительство Его Величества не хочет делать. Я надеялся, что до нашей следующей встречи он еще раз взглянет на нашу формулу и определит, нельзя ли предложить какой-нибудь альтернативы, которая хотя и изменит слова, но сохранит сущность.

Г-н Молотов сказал, что, как он думает, наша формула может быть улучшена. Она должна быть исправлена таким образом, чтобы имелись в виду случаи с президентом Гахой, а также случай с Данцигом, т. е. ситуация, связанная с внутренним развитием страны, которое изменило бы внешнее положение другого государства. Он надеется, что правительство Его Величества и французское правительство смогут, так же как и Советское правительство, представить альтернативные проекты. В таком случае он убежден, что будет найдена удовлетворительная формула. /.../

/У. Сидс/

ДМКВМВ, т. 11. С. 389.

26 ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННЫХ МИССИИ СССР, АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

---

15 августа 1939 г.

/.../ Командарм Б. М. Шапошников. /.../ Хотя конкретных планов по действию морских флотов Англии и Франции высказано не было, считаю необходимым привести соображения Генерального штаба Красной Армии, одобренные военной миссией СССР.

Действия объединенного англо-французского флота должны иметь целью:

1. Закрытие Ла-Манша и прорыв сильной эскадры в Балтийское море для действий против флота главного агрессора в Балтике и против его берегов.

2. Англия и Франция должны добиться от Балтийских стран согласия на временное занятие англо-французским флотом Аландских островов, Моонзундского архипелага с его островами (Эзель, Даго, Вормс)¹, портов Ганге, Пернов, Гапсаль, Гайнаш и Либава² в целях охраны нейтралитета и независимости этих стран от нападения со стороны Германии. /.../

Что же касается нашего Балтийского флота, то он, в случае благоприятного разрешения вопроса о временном занятии вышеуказанных островов и портов, будет базироваться совместно с объединенным флотом Англии и Франции на Ганге, Аландском и Моонзундском архипелагах, Гапсаль, Пернов, Гайнаш и Либаве, в целях охраны независимых Балтийских стран.

При этих условиях Балтийский флот СССР может развить свои крейсерские операции, действия подводных лодок и осуществить установку мин у берегов Восточной Пруссии и Поме-

¹ Сааремаа, Хийумаа, Вормси.

² Хапко, Пярну, Хаапсалу, Айнажи, Лиепая.

рани. Подводные лодки Балтийского флота СССР помешают подвозу промышленного сырья из Швеции для главного агрессора. /.../

СССР в борьбе за мир... С. 575—576.

27 ТЕЛЕГРАММА ВОЕННОГО АТТАШЕ ФРАНЦИИ В ПОЛЬШЕ В ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО ФРАНЦИИ

19 августа 1939 г.

Сегодня в течение трех часов вместе с британским военным атташе мы беседовали с генералом Стахевичем¹ и тщетно искали формулу для компромисса.

Завещанная Пилсудским догма, основанная на соображениях исторического и географического порядка, запрещает даже рассматривать вопрос о вступлении иностранных войск на польскую территорию. Только во время военных действий это правило может подвергаться смягчению.

Начальник штаба напоминает, что польская доктрина по этому вопросу хорошо известна и всегда оставалась неизменной.

Наконец, по согласованию с Бекем было признано, что наша делегация в Москве может маневрировать так, как если бы перед поляками не ставилось никакого вопроса. /.../

СССР в борьбе за мир С. 621.

28 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПОЛЬШЕ

20 августа 1939 г.

[1] Если окончательный ответ польского правительства будет неблагоприятным, создастся очень серьезное положение. Советское правительство считает, что бесполезно продолжать военные переговоры, пока не будет получен ответ, и совещание в Москве соответственно отложено на несколько дней. Если ответ будет отрицательный, переговоры, по всей вероятности, совсем сорвутся, а попытка Великобритании и Франции достичь соглашения с Советским Союзом окончится неудачей. Я убежден, что такая неудача воодушевит г-на Гитлера начать войну, в которой Польша будет нести главную тяжесть первого нападения.

¹ Генерал В. Стахевич — начальник Генерального штаба Польши в 1935—1939 гг., начальник штаба главнокомандующего в 1939 г.

С другой стороны, я полностью убежден, что заключение военно-политического соглашения с Советским Союзом будет иметь цель удержать его от войны.

2. Г-н Бек, видимо, не согласен с этим мнением и считает, что согласие Польши на советское предложение привело бы к немедленному объявлению войны Германией. Я смотрю на создавшееся положение в несколько ином свете. Мы, возможно, находимся на грани войны, в которой в течение ближайших нескольких недель или даже в течение ближайших нескольких дней Польша может стать жертвой сокрушительного нападения. Если г-н Бек думает, что он может предотвратить или уменьшить вероятность такого нападения просто тем, что он воздержится от согласия принять помощь от Советского Союза, я думаю, что он заблуждается. А когда он говорит, что если война в самом деле начнется, то положение, возможно, будет другим, и польская позиция, возможно, изменится, я думаю, что он противоречит сам себе. Если Польша сможет позволить себе принять советскую помощь, если начнется война, то неясно, почему она не может согласиться подумать о принятии такой помощи, когда война близка.

3. Я полностью понимаю все отрицательные стороны и риск разрешения советским войскам вступить на польскую землю; но, казалось бы, что такой риск можно предпочесть риску уничтожения польской независимости при отсутствии их помощи, как бы нежелательна она ни была; и лучший путь избежать необходимости принять такую помощь по существу заключается в том, чтобы содействовать заключению англо-франко-советского союза, согласившись на выработку планов такой помощи, которая будет оказываться в случае необходимости.

4. За последние несколько дней польское правительство настаивало на желательности скорейшего заключения формального англо-польского договора на основании того, что это повело бы к укреплению доверия в Европе; но правительство Его Величества считает, что положительный эффект заключения англо-польского договора вряд ли явится противовесом отрицательному эффекту, действительно катастрофическому, окончательного провала англо-франко-советских переговоров в Москве. Правительство Его Величества приложило самые серьезные усилия во время недавних критических месяцев по созданию так называемого мирного фронта, одной из целей которого является сохранение польской независимости. Эти усилия будут поставлены под угрозу и вполне могут быть сведены к нулю, если Польша на сегодняшнем весьма важном этапе не внесет свой полный вклад, несмотря на все трудности, которые я полностью понимаю; для того, чтобы сохранить независимость Польши, она должна сделать все, что может, чтобы облегчить и сделать полностью эффективной ту помощь, которая ей предлагается.

5. Я буду рад, если Вы с полной серьезностью изложите эти соображения г-ну Беку. Мы переживаем очень критический момент, когда его решение может быть решающим фактором.

Повторено в Париж и Москву.

/Галифакс/

ДМСПО, т. VII. С. 163—164.

29 ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННЫХ МИССИЙ СССР, АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

---

21 августа 1939 г.

/.../ **Маршал К. Е. Ворошилов.** В ответ на сделанное заявление я зачитаю наше заявление.

/.../ Советская миссия считает, что СССР, не имеющий общей границы с Германией, может оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии лишь при условии пропуска его войск через польскую и румынскую территории, ибо не существует других путей для того, чтобы войти в соприкосновение с войсками агрессора.

/.../ Таково твердое убеждение советской военной миссии.

Английская и французская миссии, к нашему удивлению, не согласны в этом с советской миссией. В этом наше разногласие.

Советская военная миссия не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Англии и Франции, посылая в СССР свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу, как пропуск и действия советских вооруженных сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии, с которыми Англия и Франция имеют соответствующие политические и военные отношения.

Если, однако, этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР.

Ввиду изложенного, ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны». /.../

СССР в борьбе за мир... С. 626—627.

ЭСТОНСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ

Изменения в соотношении сил великих держав и общей международной обстановке во второй половине 30-х годов повлекли за собой также существенные сдвиги и во внешнеполитической ориентации Эстонии.

Со времени своего возникновения Эстонская Республика ориентировалась на страны, входившие в то время в Антанту, в первую очередь — Великобританию. Однако, в середине 1930-х годов, в условиях непрерывного усиления Германии, отношения Таллинн—Берлин стали более тесными. В развитии эстонско-германского сотрудничества большую роль играло руководство армии. В Таллинне исходили из того, что Англия отказалась брать на себя какие-либо обязательства в поддержку Прибалтийских государств и что в случае конфликта с Советским Союзом Эстония может надеяться лишь на помощь Германии. К тому же в случае войны в Европе у Лондона отсутствовали бы реальные возможности для оказания существенного влияния на развитие событий в Балтийском регионе. Начавшееся в 1935 году сотрудничество военных Эстонии и Германии выражалось в обмене разведывательной информацией, стажировке эстонских офицеров в Германии и т. п.

В связи с событиями 1938 года эстонско-германские отношения еще более укрепились. К. Сельтер, ставший в мае министром иностранных дел, в своей политике старался опереться преимущественно на Берлин. В то же время часть политических деятелей во главе с Я. Тыниссоном, А. Пийпом и другими считала берлинский курс опасным и требовала возможно более тесного сотрудничества с Лондоном и Парижем. Некоторые включенные в сборник документы характеризуют те соображения, которыми руководствовались в Таллинне при развитии отношений с Берлином.

Летом и весной 1939 года контакты Таллинн—Берлин стали особенно интенсивными. Президент США Ф. Д. Рузвельт обратился 15 апреля к А. Гитлеру и Б. Муссолини с посланием, в котором просил оказать содействие укреплению мира в Европе. Ф. Д. Рузвельт поставил вопрос о том, готов ли Гитлер подтвердить, что вооруженные силы Германии не наладут на

страны Европы и Ближнего Востока, включая и Прибалтийские государства. В послании было высказано пожелание, чтобы подобное подтверждение касалось не только настоящего времени, но и предстоящих 10—25 лет. Президент тем самым намекал на необходимость заключения договора о ненападении между Германией и упомянутыми странами.

В связи с заявлением президента США правительство Германии обратилось к этим государствам с вопросом, был ли президент США уполномочен выступить с подобным заявлением и видят ли они для себя угрозу со стороны Германии. Все государства, включая Эстонию, ответили, конечно, отрицательно.

Германское правительство использовало послание Ф. Д. Рузвельта для того, чтобы предложить некоторым странам, включая Финляндию, Эстонию и Латвию, подписать пакт о ненападении. В Таллинне предложение Берлина приветствовали еще и потому, что видели в заключении пакта средство, которое помогло бы бороться против требования Советского Союза о гарантиях. Заслуживает внимание то, что именно Министерство иностранных дел Эстонии было инициатором обмена мнениями о принципах ненападения, содержащихся в немецко-эстонской декларации. Включенные в сборник документы говорят о ходе последовавших затем переговоров и заключении договора о ненападении. Ни Москва, ни Лондон не возражали против заключения пакта, однако некоторые антифашистские и антигерманские круги дали ему негативную оценку.

Летом 1939 года внимание международной общественности привлекли визит в Эстонию начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера и пребывание германского военного корабля «Адмирал Хиппер» в Таллинне. Информированным кругам Западной Европы стало также известно о визите в Эстонию начальника военной разведки Германии (абвер) адмирала Канариса и других офицеров германской разведки.

Не исключено, что Берлин намеренно демонстрировал высокий уровень немецко-эстонских связей для того, чтобы поднять значение Прибалтийских государств как разменной монеты в большой дипломатической игре того времени. Дело в том, что уже тогда между Берлином и Москвой были начаты секретные переговоры об урегулировании взаимоотношений между Германией и Советским Союзом, а также разграничении сфер интересов, включая и Прибалтийские государства.

В то же время широко распространявшиеся слухи в значительной степени преувеличивали содержание и объем контактов Таллинн—Берлин. Это относится и к некоторым иностранным дипломатам, которые предоставляли своим правительствам информацию о каких-то переговорах, касающихся возможного прибытия германских войск в Эстонию, сооружения баз на

островах Сааремаа и Хийумаа и т. д. Безосновательность подобных слухов обнаруживается из письма Гальдера историку Г. фон Рауху. Берлин не давал правительству Эстонии никаких конкретных обещаний помощи.

30 ПИСЬМО ПОСЛАННИКА ГЕРМАНИИ В ТАЛЛИНЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

5 июля 1939 г.

После обеда в миссии /.../ я имел возможность доверительно обсудить немецко-эстонские военные отношения с начальником штаба Эстонии генерал-майором Реэком. Во время беседы генерал высказывался очень откровенно. Он заявил, что Эстония твердо решила оказать вооруженное сопротивление любым попыткам вступления советских войск в страну. В этом случае Эстония боролась бы до последнего, т. к. здесь хорошо известно, что оккупация страны с целью создания базы для войск Советской России равноценна потере Эстонией независимости, поскольку русские никогда не уйдут из страны. Рассматривая военные перспективы обороны от войск Советской России, генерал заявил, что в случае конфликта на Востоке, все 200 000 человек в конце концов явятся настолько значительным фактором для Советской Армии, что Россия дважды должна подумать, прежде чем направить такие вооруженные силы, которые были бы необходимы для того, чтобы нанести поражение нейтральной Эстонии. Эстония была бы сама в состоянии обороняться какое-то время; затем, конечно, она надеется получить поддержку Германии. Генерал имел в виду, говоря о военной поддержке, как я осторожно выяснил, вопрос о военном снаряжении, что имеет для Эстонии решающую важность; Эстония нуждается «не в людях, а в машинах».

/.../

Но в любом случае несомненно, что та поддержка, которую он имел в виду, может быть предоставлена через Балтийское море. Касаясь этого вопроса, я заявил, что в этом случае Эстония, в конце концов, реально заинтересована в том, чтобы контроль над коммуникациями в Балтийском море и особенно в мерах по предотвращению нарушения Россией этой коммуникационной линии, осуществлялся бы флотом Германии. Генерал Реэк подтвердил это и заявил, что Эстония могла бы тоже внести свой вклад в этом отношении. Например, имеется возможность довольно легко заминировать Финский залив, не привлекая внимания русского флота; имеются также другие возможности. По этой причине Эстонии крайне желательно улучшить и расширить

свои береговые военные укрепления; особенно она нуждается в тяжелой береговой артиллерии.

Я посчитал нежелательным более глубоко вникать в военные проблемы особенно потому, что точка зрения Германии по этому вопросу мне не известна. По этой причине я вернул беседу к политическому аспекту проблемы, заявив, что весьма удовлетворен ясным и недвусмысленным отказом разрешить пропуск советских войск, в сочетании с решимостью воспрепятствовать этому, если понадобится, военной силой. Однако эта позиция Эстонии имела бы еще больший вес, если бы за ней последовала не только Финляндия — генерал Реек убежденно подтвердил, что именно так обстоит дело — но ее разделила бы также Латвия. К сожалению, мы были не в состоянии выявить такую же ясность и решительность в отношении Латвии, что и со стороны Эстонии и Финляндии, но Латвия была бы полна решимости занять общую позицию в случае конфликта на Востоке, важность чего трудно было бы переоценить, особенно имея в виду вопрос о контроле над Балтийским морем и коммуникациями, тогда как равнение Латвии на Советский Союз значительно ухудшило бы положение Эстонии. Генерал Реек согласился с этим, заявив, что позиция Латвии также вызывает тревогу эстонцев, и поэтому они постоянно стремятся убедить латышей разделить их точку зрения.

Остальная часть беседы была посвящена выяснению, с какой стороны Эстония ощущает угрозу. Генерал Реек не оставил сомнения в том, что он опасается подобной угрозы лишь со стороны Советского Союза, а не со стороны Германии, поскольку ее экспансия все больше ориентируется на плодородные юго-восточные регионы, заселенные преимущественно немцами, а не в направлении отдаленных и бесплодных регионов Финского залива.

По мнению военного атташе полковника Рёссинга, также присутствовавшего на обеде, высказывания начальника штаба Эстонии по вопросам военной политики совпадают с тем, что ему говорилось открыто и намеками во многих случаях в военных кругах Эстонии.

Фровейн

DGFP. Ser. D. Vol. V. P. 460—462. Перевод с английского.

31 ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ С ВРЕМЕННЫМ ПОВЕРЕННЫМ В ДЕЛАХ ГЕРМАНИИ

---

18 апреля 1939 г.

18 апреля 1939 г. в 9.45 временный поверенный в делах Германии в Эстонии г-н Бок посетил министра иностранных дел и по поручению своего правительства поставил следующие вопросы:

1. Было ли правительство Эстонии инициатором обращения президента С-АСШ Рузвельта к государственному канцлеру Германии и главе правительства Италии, или давало ли правительство Эстонии согласие на то, чтобы президент Рузвельт, в том числе и от имени Эстонии, обратился к Гитлеру и Муссолини с предложением о заключении договора о ненападении.

2. Видит ли Эстония для себя опасность со стороны Германии.

На эти вопросы министр ответил устно следующее:

«Хотя эти вопросы для меня неожиданны, я могу ответить на Вашу просьбу сразу же. Наш ответ на оба вопроса — «нет». Принимая во внимание, что обращение президента С-АСШ служит поиску мирного разрешения международных споров, Эстония, которая упоминается в обращении президента Рузвельта, не считает возможным не признать его или опровергнуть.

Я прошу правительство Германии учесть это обстоятельство при рассмотрении нашего ответа»¹.

Текст ответа министра иностранных дел был вручен посланнику Германии 24 апреля 1939 года для документирования устного ответа. /.../

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, ед. хр. 708, л. 296.

32 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛАННИКА ГЕРМАНИИ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

---

24 апреля 1939 г.

/.../ Вице-министр Эпик вернулся к предложению министра иностранных дел противодействовать при помощи совместной германо-эстонской политической акции установлению Советской Россией разновидности протектората над Эстонией под предлогом намерений Германии напасть на Прибалтийские страны. Он с сожалением отметил, что Советская Россия, вопреки усилиям правительства, достигла своей пропагандой определенного

¹ Текст ответа переведен с немецкого языка.

успеха среди некоторых кругов в Эстонии. Невзирая на настояния Эстонии, Советская Россия до сих пор отказывается публиковать хорошо известный обмен нотами, оставляя народ в неведении об их истинном содержании. Эпик связал желательную герmano-эстонскую акцию с соглашением о действиях прессы, которая должна дополнить главные политические меры. Я повторил свое заявление, сделанное ранее министру иностранных дел, о том, что речь фюрера 28-го числа, возможно, затронет и отношения Германии с Прибалтийскими странами. Я высказал понимание пожелания эстонской стороны, однако вопрос должен быть предварительно обдуман. В ходе дальнейшей беседы я добавил, что заявление фюрера о готовности заключить пакт о ненападении в данный момент относится только к странам, соседствующим с Германией. Как известно, мы придерживаемся этой позиции в ответ на ранее проделанное Эстонией зондирование пакта о ненападении, исходя из общих соображений, не связанных с герmano-эстонскими отношениями. На это Эпик ответил, что эстонская сторона не считает абсолютно необходимым заключение соглашения в форме пакта о ненападении.

Эстонские намерения явно направлены против возможных попыток Англии и России интегрировать Прибалтику в систему окружения. По моему мнению, следует рассмотреть возможность обмена нотами, либо принятия протокола, в которых эстонцы письменно подтвердили бы предшествующий обмен мнениями — свою политику нейтралитета и то, что они избегают вступать в группировки с великими державами. В нашей ответной ноте мы могли бы /.../ подтвердить, что считаем независимую Эстонию, а также ее политику, фактором, укрепляющим мир, в существовании которого мы живо заинтересованы.

Соглашение по прессе также может быть приложено. /.../

Эстонцы, похоже, предвидят возможность заключения подобного соглашения с Латвией и считают, что оно могло бы оказать благоприятное воздействие на нерешительную позицию последней.

Фроейн.

DGFP. Ser. D. Vol. VI. P. 315—317. Перевод с английского.

33 ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА ЭСТОНСКО- ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

25 мая 1939 г.

Присутствуют члены комиссии: М. Хансен, А. Юрма, В. Кадарик, А. Каринеэл, Й. Нюман, А. Пийп, С. Пукк, Р. Рийвес.

В заседании принимают участие: председатель Государственной думы Ю. Улуотс, министр иностранных дел К. Сельтер,

помощник министра иностранных дел О. Эпик, военный министр генерал П. Лилль, начальник штаба Вооруженных сил генерал Н. Резк и член Государственной думы Я. Тыниссон.

Председательствует председатель комиссии А. Юрима.

Протоколирует секретарь Государственной думы П. Малвет.
/.../

Председатель А. Юрима: Прежде чем приступить к повестке дня, считаю необходимым решить вопрос об участии члена Государственной думы Я. Тыниссона в заседании. /.../

Принимается решение пригласить члена Государственной думы Я. Тыниссона участвовать в заседании.

Министр иностранных дел К. Сельтер: (зачитывает проект договора. /.../

Старых друзей, конечно, не хотелось бы терять. Посланники Дании, Швеции и Латвии зондировали почву в английском ведомстве иностранных дел, пытаясь выяснить позицию Англии. Англия принципиально выступает за то, чтобы договоренности не шли дальше договора о ненападении. При переговорах с представителем Англии в Таллинне по этому вопросу мне было сказано, что подписать было бы можно, но без обязательств. Это значит, что подписываемый договор не носил бы активного характера. Польша против договора тоже не возражает, так как он является основой нейтралитета.

Что касается откликов прессы на этот вопрос, то они тенденциозны именно в тех странах, где существует подобный договор, как например, в английских и французских газетах.

Предложение о заключении договора поступило в неподходящее время — как раз тогда, когда делалась попытка выяснить степень угрозы Прибалтийским государствам. Теперь же обстановка более спокойная, и договор не должен привести к неприятностям.

Если Скандинавские государства откажутся, то это потому, что у них нет политических договоров. Они не хотят связывать себя с материком. Финляндия вначале была за, потом против, — это была в известной мере демонстрация того, что она принадлежит к семье Скандинавских государств. Из Москвы поступила информация относительно Финляндии о том, что переговоры о договоре оставляют плохое впечатление, поскольку Москва считает договор активным. Финляндия обязана в отношении России оставаться нейтральной, т. к. у нее с Россией договор о ненападении, а в отношении Германии у нее свобода действий.

Председатель Государственной думы Ю. Улуотс: Меня интересует позиция России в отношении нашего договора с Германией.

Министр иностранных дел К. Сельтер: Мнение России неизвестно. Говорил об этом с посланником России, однако ясного

ответа не получил. Встретиться с Молотовым очень трудно, и сама Москва ни прямо, ни косвенно свою позицию не высказала. Дал господину Рею поручение выяснить этот вопрос в Москве, хотя это и трудно. Молотов сам информацию посылать не дает, считая, что если кто хочет что-либо узнать, то спросит. Однако до сих пор Россия за разъяснениями не обращалась.

А. Пийп: Меня очень интересуют отношения со старыми друзьями, и поэтому необходимо перед тем, как заключать договор с Германией, запросить у этих стран, перед которыми у нас имеются некоторые подобные обязательства, их мнение в отношении договора. Тем более, что ясно видно, что это маневр Германии. Многое изменилось с тех пор, когда нам было сделано это предложение, — были и отрицательные ответы. В последнее время и великие державы говорят о нас больше, чем раньше. Я очень сожалею, что министру иностранных дел не известна позиция России, — это довольно-таки важный вопрос, который необходимо выяснить. Неопределенные высказывания русского посланника в отношении договора очень меня беспокоят. /.../

Этот текст договора не удовлетворяет в достаточной степени нашим интересам. Он же вызвал сомнения и в Британии. И для нас в этом виде не вполне приемлем по той причине, что если мы, в случае войны между Британией и Германией, направим больше масла Британии, то Германия сочтет это нарушением договора. Я опасюсь того, что этот договор принесет нам много хлопот, в которые подобное нам малое государство не должно позволять себя втягивать. Договор вовлекает нас в орбиту Германии. Этот вопрос необходимо еще раз взвесить и, если нельзя иначе, то затягивать.

Я. Тыниссон: Этот договор с Германией не является просто принципиальным вопросом, а имеет гораздо большее значение. При этом необходимо оценить фактическое положение, чтобы это не оказало отрицательного влияния на дальнейшие отношения. Если мы заключим договор, от которого не сможем отказаться в течение 10 лет, то тем самым обособим себя от северных нейтральных стран и вступим в отношения с Германией. Когда заключали договор с Россией, то месяцами обсуждали этот вопрос, прежде чем достигли единого мнения. Если в договоре говорится, что Эстония не будет поддерживать третьи страны в случае войны, в которую другая сторона будет втянута, то это противоречит пакту Лиги Наций, — т. е. тем самым мы окажемся на стороне агрессора. Мы изолируем себя от тех, с кем должны были бы связать себя, но при нашем удельном весе мы никак не можем участвовать в какой-либо международной комбинации. Для соблюдения нейтралитета мы должны поддерживать контакты с теми, кто не хочет нас захватить, тогда нам будет нечего бояться. Британия никогда не станет захватывать нас, к тому же ее экономическое влияние не пред-

ставляет опасности для нас. Мы должны поддерживать связи с теми, у кого хорошие отношения с Британией и кто имеет для нее важное значение. /.../

Нельзя отказываться от тех аргументов, которые лежат в основе нашего государства. Пожелания Великобритании имеют большее значение, чем договоры с Германией. Наше положение было бы значительно прочнее, если бы мы сотрудничали со Скандинавией. Германия никогда не явится сюда для того, чтобы защитить нас, если у нее не будет здесь своих интересов. Здесь Германия не будет перенапрягаться. С приходом Германии мы потеряем гораздо больше, чем с приходом России. Германия выкорчует наш народ до последнего. Нас уничтожат, как в экономическом, так и в национальном отношении. Если договор нельзя не подписать, то будем торговаться за каждое слово до тех пор, пока не выясним взаимоотношения с друзьями. Я хотел бы, чтобы обсуждение носило бы не только формальный характер, но принималась бы во внимание и национальная точка зрения. Ускорять темп при этом не нужно. Этот вопрос имеет историческое значение.

Министр иностранных дел К. Сельтер: В отношении опасности со стороны Германии правительство располагает информацией, что местные немцы собирались и решили, что заключение договора им невыгодно. Надеются только на то, что этот договор выполняться не будет. Для Латвии эта проблема носит срочный характер. У нее другие обстоятельства. У них больше немцев. Для нас политика Латвии в отношении Германии имеет очень важное значение, важнее, чем позиция Скандинавии и Финляндии.

Может возникнуть вопрос о срочности заключения договора. Попытаемся выяснить точки зрения других стран, что, однако, может оказаться очень трудно.

Англия и Франция заинтересованы в нас, как в буферном государстве. Но мы не настолько сильны, чтобы разделить Россию и Германию. Понятно, что мы имеем право быть самостоятельным государством, как и любой культурный народ. Мы должны поддерживать со всеми по возможности хорошие отношения. /.../

Я. Тыниссон: Я в принципе против заключения этого договора, но если иначе нельзя, тогда будем тянуть. Между русским договором и проектом настоящего договора большая разница, поскольку последний содержит обязательства, направленные против агрессора, — с Россией этого нет.

Председатель Государственной думы Ю. Улуотс: Период сложный. Большие государства пытаются привлечь на свою сторону, кого могут, но при этом важны малые силы. Поэтому в последнее время создается впечатление, что нейтралитет не в чести. Это считается как бы непозволительным. Дружествен-

ные иностранцы будут смотреть отчужденно, если мы будем нейтральны. Давление на нас растет все больше. Поэтому мы должны очень считаться с обстановкой, поскольку наша цель — как можно дольше остаться в стороне от войны, хотя и полагаю, что это не пройдет.

Как защитить нейтралитет? Прежде всего мы должны в своем государстве прийти к единомыслию и единому пониманию. Об этом должно заботиться руководство. /.../

Решено высказанные мнения принять к сведению.

Министр иностранных дел К. Сельтер: Правительство республики учтет эти пожелания.

Председательствующий А. Юрима: Заседание закрыто.

Совещание закончилось в 14.47.

Председатель А. Юрима
Протоколировал П. Малвет

ЦГАОР ЭССР. ф. 84, оп. 1, ед. хр. 1048, л. 11—20.

34 ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ЭСТОНИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ

7 июня 1939 г.

Президент Эстонской Республики и Государственный канцлер Германии, твердо решив в любой обстановке сохранить мир между Эстонией и Германией,

договорились закрепить это решение Договором и назвали своими полномочными представителями:

Президент Эстонской Республики

Министра иностранных дел Карла Сельтера,

Государственный канцлер Германии

Министра иностранных дел господина Иоахима фон Риббентропа, которые по взаимном предъявлении своих полномочий, признанных составленными в правильной и надлежащей форме, согласились относительно следующих постановлений:

Статья 1.

Эстонская Республика и Германское Государство ни при каких обстоятельствах не вступят друг против друга в войну и не применят никакого насилия иного рода.

В случае, если какое-либо третье государство начало бы акцию означенного выше характера против одной из Договаривающихся сторон, другая Договаривающаяся сторона никоим образом не поддержит подобную акцию.

Статья 2.

Настоящий договор подлежит ратификации и ратификационными грамотами следует обменяться в Берлине при первой возможности. Договор вступает в силу после обмена ратификационными грамотами и с этого момента остается в силе 10 лет. Если договор не денонсируется одной из Договаривающихся сторон за год до истечения этого срока, срок его действия продлевается на следующие 10 лет. То же самое относится и к последующим периодам.

Но договор не останется в силе дольше, чем подписанный сегодня соответствующий договор между Германией и Латвией. Если по этой причине договор, до наступления указанного во втором абзаце срока, потеряет свою силу, то Правительство Эстонии и Правительство Германии, по желанию одной из сторон, незамедлительно вступят в переговоры по возобновлению договора.

Для подтверждения этого полномочные представители обеих сторон подписали настоящий договор.

Составлен в Берлине 7 июня 1939 года.

К. Сельтер

И. Риббентроп

ПРОТОКОЛ ПОДПИСАНИЯ

На сегодняшнем подписании договора между Эстонией и Германией констатируется согласие обеих сторон в следующем:

Не считается поддержкой в духе второго абзаца первой статьи со стороны Договаривающейся стороны, которая не втянута в конфликт, если она ведет себя соответственно общим правилам нейтралитета. Поэтому не следует считать недопустимой поддержкой, если между не втянутой в конфликт Договаривающейся стороной и третьим государством продолжается нормальный товарообмен и транзит товаров.

В Берлине, 7 июля 1939

К. Сельтер

И. Риббентроп

ЦГАОР ЭССР, ф. 84, оп. 1, ед. хр. 732, л. 13.

35 РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ПО ПОВОДУ ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ

15 июня 1939 г.

/.../ Как известно, президент Соединенных Штатов Америки Рузвельт обратился к канцлеру Германии с посланием, в котором содержалось предложение германскому правительству

заключить договоры о ненападении почти со всеми государствами Европы. Это предложение основывалось на той предпосылке, что малым государствам Европы трудно достичь самим подобной договоренности с Германией. В своей речи 28 апреля 1939 года государственный канцлер Германии сказал, в частности, следующее: «Правительство Германии готово дать каждому упомянутому в послании Рузвельта государству заверения, что ее вооруженные силы не нападут на территорию этих государств. Это заверение Германия готова дать на взаимной основе при соответствующем обращении». Эта декларация вносила изменения в позицию Германии, которая состояла в том, что договоры о ненападении заключались ею лишь с приграничными государствами. К тому времени Германия уже имела договоры о ненападении с Советским Союзом, Польшей, Англией и Францией.

Не ожидая просьб со стороны заинтересованных государств, Германия сама предложила Эстонии, Латвии, Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании заключить договоры о ненападении. Три страны — Финляндия, Швеция и Норвегия — ответили отрицательно на это предложение. Свой отказ они объяснили тем, что не видят угрозы со стороны Германии и, отмечая с большим удовлетворением позитивное отношение Германии к их нейтралитету и независимости, не считают нужным заключать договор о ненападении вообще (Швеция и Норвегия) или, в частности, с Германией (Финляндия).

Дания ответила утвердительно и после недолгих переговоров заключила договор с Германией. Датско-германский договор о ненападении был подписан в Берлине 31 мая 1939 года.

В своей речи 28 апреля 1939 года государственный канцлер Германии в части, касающейся Прибалтийских государств, прямо заявил о заинтересованности Германии в том, чтобы эти государства существовали на основе национальных устремлений в условиях независимости и самоуправления. Предложение о заключении договора о ненападении было само по себе подтверждением вышеупомянутого заявления, а также того, что у Германии нет намерений нарушать независимость и самостоятельность Эстонии ни военными действиями, ни какими-либо другими насильственными средствами.

Предложение Германии способствовало также укреплению политики нейтралитета Эстонии.

Германский договор о ненападении развеял опасения о том, что международному положению Эстонии может грозить опасность со стороны Германии. Тем самым были нейтрализованы международные спекуляции, основанные на страхе перед Германией в Прибалтийском регионе.

Правительство Республики дало принципиальное согласие на предложение Германии, исходя из тех соображений, что подоб-

ный договор способствовал бы стабилизации общественного мнения в стране, при этом учитывался и тот факт, что у нас уже существует аналогичное соглашение с Советской Россией, которое, будучи дополнено предлагаемым договором, своим политическим значением помогло бы укрепить наш нейтралитет.

Предложение о проекте договора было передано министром иностранных дел Германии нашему посланнику в Берлине. Проект состоял из 2 статей, первая из которых без изменений вошла в окончательный вариант договора.

Во время переговоров в течение месяца министры иностранных дел Эстонии и Латвии поддерживали и личные контакты (министр Мунтерс посетил 6-го мая Таллинн, а Сельтер — Ригу 27-го мая того же года), обсуждая в основном проект, предложенный Эстонией, который предусматривал:

1. Акция, упомянутая во второй части 1-й статьи, интерпретируется таким образом, что нормальные торговые отношения и транзит, осуществляемый в соответствии с правилами обычного нейтралитета, не должны рассматриваться как поддержка упомянутой акции.

Это предложение было принято Германией и зафиксировано в протоколе подписания. Это дополнение затем было сделано Германией и в немецко-датском договоре.

2. Соблюдение эстонско-латвийского оборонительного союза. С этой целью было предложено разъяснение, что договор не затрагивает тех обязательств Эстонии, которые вытекают из эстонско-латвийского договора об оборонительном союзе или, в качестве альтернативы, — срок действия эстонско-германского договора зависит от срока действия латвийско-германского договора и *vice versa*¹. Это требование было выдвинуто для сохранения за нами права отказать от договора с Германией, когда договор с Латвией потеряет силу.

В результате переговоров сторонами была принята нижеследующая формулировка, предусматривающая соблюдение эстонско-латвийского договора, а именно: срок действия эстонско-германского договора ограничен сроком действия соответствующего латвийско-германского договора.

Поскольку и эта редакция не полностью соответствовала смыслу и содержанию эстонско-латвийского оборонительного договора, то в эту формулировку было внесено позже следующее дополнение: стороны согласились немедленно после окончания срока действия договора начать переговоры по его возобновлению. Это означало, что, если на основании части III второй статьи договор будет прекращен, то Эстония (соответственно — Латвия) обязана приступить к переговорам с Германией о

¹ наоборот (лат.)

возобновлении договора. Те же обязательства возлагались и на Германию по отношению к Эстонии (соответственно и Латвии).

Эстонско-германский договор содержит лишь взаимное обязательство о ненападении. Это обязательство носит общий характер и не ограничено никакими оговорками, за исключением обязанностей, которые вытекают из эстонско-латвийского союзнического договора.

Эстонско-германский договор о ненападении не содержит обычных для подобных договоров оговорок в отношении разрешения споров мирным путем. В ходе переговоров о заключении эстонско-германского договора о ненападении со стороны Эстонии был среди других поставлен вопрос о включении в договор оговорок о третейском суде. На это Германия ответила, что поскольку между Эстонией и Германией действует ранее (в 1925—1927 гг.) подписанный специальный договор о третейском суде, то включение в договор о ненападении подобной оговорки было бы излишним. При этом со стороны Германии было сделано разъяснение, что в зависимости от пожелания эстонской стороны, этот вопрос может быть окончательно решен в порядке устного заявления при подписании договора о ненападении. В соответствии с вышеупомянутым предложением, министр иностранных дел Эстонии поставил этот вопрос при подписании договора в Берлине 7 июня 1939 года. В своем ответе министр иностранных дел Германии заявил, что применение эстонско-германского соглашения о третейском суде 1927 года является само собой разумеющимся при разрешении вопросов, могущих возникнуть в связи с эстонско-германским договором о ненападении. Подобное же заявление было сделано также министром иностранных дел Эстонии.

Приложения к stenографическим отчетам Государственной думы. 1-й созыв I, II, III и IV сессий — 1938—1939 (Таллинн, 1939), с. 463—465.

36 ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА Ф. ГАЛЬДЕРА ИСТОРИКУ Г. ФОН РАУХУ¹

.../ Это посещение было вызвано необходимостью ответного визита начальника генерального штаба Финляндии к моему предшественнику — Беку². Передавая дела, Бек просил меня не отказываться от этой поездки. Когда было сообщено об этом визите, то, вероятно, по инициативе военного атташе Германии

¹ Историк Г. фон Раух в своем письме генералу Гальдеру от 4-го февраля 1950 года просил сообщить ему о своих впечатлениях от посещения Таллинна 26—29 июня 1939 года.

² Генерал Бек — начальник штаба сухопутных войск Германии в 1938—1939 гг.

и германского посланника в Таллинне, Генеральный штаб Эстонии предложил объединить мою предстоящую поездку также и с посещением Эстонии.

До отъезда я с Гитлером не говорил. Также и позднее мы ни словом не обменялись об этой поездке. К Риббентропу я намеренно до поездки не обращался, а с Вайцеккером¹ говорил лишь очень кратко. Последний прямо просил меня отказаться от каких бы то ни было политических разговоров и в связи с этим предостерег от любых разъяснений по вопросам текущей политики.

Визит к президенту Пятсу на его мызу, также как и прием у главнокомандующего Лайдонера были неофициальными мероприятиями, на которых никаких политических тем не затрагивалось. Во время моего краткого пребывания в Эстонии меня постоянно сопровождал начальник Эстонского генерального штаба, и с политическими инстанциями я не соприкасался.

На Ваш вопрос, какое значение имело мое посещение Таллинна в июне 1939 года в упоминаемом Вами смысле, следует ответить кратко и совершенно определенно — никакого². Я должен с оговоркой добавить: никакого значения, о котором мне было бы известно. Возможно, Министерство иностранных дел Германии, а также и Гитлер, давая согласие принять приглашение посетить Эстонию, что-то и имели в виду. По моему убеждению, значение его было не более, чем жест.

Подробности дипломатических событий того времени, о которых Вы сообщаете, мне не известны.

Франц Гальдер

Rauch G. von Halders Besuch in Estland im Juni 1939: Reval und die Baltischen Länder // Festschrift für Hellmuth Weiss zum 80. Geburtstag. Marburg / Lahn, 1980. S. 191.

¹ Эрнст фон Вайцеккер — государственный секретарь Министерства иностранных дел Германии.

² В своем письме Г. фон Раух спрашивал генерала Гальдера о том, было ли ему известно, что его визит в Эстонию мог быть использован для оказания влияния на Москву. Будто бы этим Берлин намеревался привлечь внимание Москвы на высокий уровень отношений между Эстонией и Германией, чтобы тем самым повысить значение Прибалтийских государств на проходивших в то время советско-германских переговорах о закреплении сфер влияния в Восточной Европе.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1939 ГОДА

После прихода к власти Гитлера в советско-германских отношениях произошел резкий поворот. Многостороннее сотрудничество, основывавшееся на договоре 1922 года в Рапалло и подписанном в 1926 году в Берлине договоре о ненападении и нейтралитете, было нарушено, и взаимоотношения двух государств в течение последующих лет охладели и стали даже враждебными.

В связи с осложнением международного положения в Европе в 1938—1939 годах во внешней политике Советского Союза появились новые черты. Хотя Москва и вела интенсивные переговоры с Лондоном и Парижем о создании фронта отпора агрессии, на повестку дня встала также проблема урегулирования советско-германских отношений.

В отчетном докладе XVIII съезду ВКП(б) в марте 1939 года И. Сталин подчеркивал, что необходимо добиваться укрепления деловых связей со всеми странами и Советский Союз не должен дать провокаторам, которые привыкли загребать жар чужими руками, втянуть себя в войну. Общий тон и конкретные высказывания И. Сталина были восприняты в Берлине как намек на возможность улучшения советско-германских отношений.

Еще более явным признаком подобных изменений сочли в Берлине и в широких кругах международной общественности освобождение М. Литвинова от обязанностей народного комиссара иностранных дел и возложение этих функций на Председателя Совета Народных Комиссаров В. Молотова.

В начале 1939 года были начаты советско-германские торговые переговоры, которые вскоре зашли в тупик. Тем не менее, спустя некоторое время переговоры были продолжены и использованы обеими сторонами для зондирования возможностей улучшения политических отношений. Первые шаги в этом направлении были сделаны с советской стороны послом А. Меркаловым и, особенно, советником посольства Г. Астаховым.

Летом 1939 года, когда в Германии полным ходом шла подготовка к войне с Польшей, Берлин все больше занимает вопрос, как воздействовать на Москву. Целью политического руководства Германии являлась международная изоляция Польши и

срыв советско-англо-французских переговоров с тем, чтобы избежать создания антигерманского блока трех великих держав. Самым важным условием для того, чтобы в предстоящей войне громить противников поодиночке и избежать настоящей войны на два фронта, в Берлине считали необходимым добиться нейтралитета Советского Союза. Начиная с конца июля значительно возросла интенсивность советско-германских переговоров.

В сборнике публикуются материалы, содержащие доводы, которые германское правительство использовало для оказания влияния на советских государственных деятелей, как например: мировоззренческие различия не должны препятствовать установлению деловых отношений между двумя странами; для советско-германского конфликта нет реальных причин; у Германии отсутствуют агрессивные намерения в отношении Советского Союза; советско-германское соглашение даст возможность обоим государствам для взаимовыгодного сотрудничества в Прибалтике, Польше и Юго-Восточной Европе; для достижения советско-германского соглашения Берлин готов оказать влияние на Токио с целью урегулирования японско-советского вооруженного конфликта и т. д.

Сначала Советское правительство заняло выжидательную позицию в отношении этих предложений, высказывая при этом недоверие к планам Берлина. В свою очередь германское правительство разжигало существовавшую в Москве подозрительность к политике Лондона, утверждая, что целью правительства Англии является подстрекательство к немецко-советскому конфликту и провоцирование войны между Германией и СССР.

В середине августа в политике Москвы по отношению к Берлину произошел резкий перелом. Когда 16-го августа посол Германии граф Шулепбург сделал В. Молотову очередное предложение об улучшении взаимоотношений двух государств, то на этот раз В. Молотов заявил, что Советское правительство тепло приветствует намерения Германии улучшить отношения с Советским Союзом и верит в их искренность.

Во время дальнейших переговоров шло конкретное рассмотрение содержания и целей советско-германского договора о ненападении. Обсуждались также вопросы, затрагивающие Прибалтику и Польшу, урегулирование советско-японского конфликта. В. Молотовым 18-го августа было сделано предложение — наряду с договором о ненападении подписать также секретный дополнительный протокол, в котором были бы определены интересы договаривающихся сторон в том или другом внешнеполитическом вопросе.

Берлин на этот раз спешил с подписанием советско-германского договора и поэтому просил у Москвы согласия на приезд министра иностранных дел Германии для завершения перегово-

ров и подписания договоров. Германский посол граф Шуленбург 19-го августа встречался с В. Молотовым дважды. Во время второй встречи В. Молотов передал графу Шуленбургу проект германо-советского договора о ненападении, в конце которого была сделана следующая приписка о том, что настоящий пакт действителен лишь при том условии, что одновременно будет подписан специальный протокол, который содержал бы пункты, отражающие внешнеполитические интересы договаривающихся сторон; протокол должен представлять неотделимую часть договора. Кроме того, В. Молотов сообщил о том, что Советское правительство готово принять германского министра иностранных дел 26 или 27 августа.

По результатам переговоров В. Молотова через несколько дней последовало личное обращение А. Гитлера к И. Сталину. А. Гитлер, еще до их подписания, высоко оценивал советско-германские соглашения. В сборник включены заметки двух разных лиц о речи Гитлера перед руководством армии 22 августа.

37 МЕМОРАНДУМ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

17 апреля 1939 г.

Русский посол — в первый раз с тех пор, как он получил здесь свой пост¹, — посетил меня для беседы, касавшейся ряда практических вопросов. /.../

Русский посол спросил меня, что я действительно думаю о германо-русских отношениях.

Я ответил господину Мерекалову, что мы, как все знают, всегда хотели иметь с Россией торговые отношения, удовлетворяющие взаимные интересы. Мне кажется, что в последнее время русская пресса не присоединяется к антигерманскому тону американских и некоторых британских газет. Что касается германской прессы, то господин Мерекалов смог выработать свою собственную точку зрения, поскольку он, конечно же, следит за ней очень внимательно.

Посол в этой связи заявил примерно следующее:

Политика России всегда иррациональна. Идеологические расхождения вряд ли повлияли на русско-итальянские отношения, и они также не должны стать камнем преткновения в отношении Германии. Советская Россия не использовала против нас существующих между Германией и западными державами трений и не намерена их использовать. С точки зрения России, нет причин, могущих помешать нормальным взаимоотношениям с нами.

¹ Полпред А. Мерекалов вручил свои верительные грамоты 5 июня 1938 года.

А начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше и лучше.

Этим замечанием, к которому Мерекалов подвел разговор, он и закончил встречу. Через несколько дней он намерен посетить Москву.

Вейцекер

DGFP. Ser. D. Vol. VI. P. 266—267. Перевод с английского.

38 ТЕЛЕГРАММА ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ ГЕРМАНИИ В МОСКВЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

---

4 мая 1939 г.

Под большими заголовками опубликован Указ Президиума Верховного Совета от 3 мая о назначении Молотова на пост народного комиссара иностранных дел с сохранением должности Председателя Совнаркома.

/.../ Поскольку Литвинов еще 2 мая принимал британского посла, а вчера его имя было указано прессой в числе почетных гостей на праздничном параде, его смещение было спонтанным решением Сталина. Предположительно, что решение связано с различием точек зрения в Кремле на переговоры, которые ведет Литвинов. Причиной указанных разногласий может быть глубокое недоверие Сталина ко всему капиталистическому миру. На последнем партийном съезде Сталин призывал к осторожности с целью предотвращения втягивания Советского Союза в конфликт. У Молотова, не еврея по национальности, репутация «ближайшего друга и соратника» Сталина. Его назначение явно преследует цель гарантировать следование внешней политики линии, указываемой Сталиным.

Типпельскирх

DGFP. Ser. D. Vol. VI. P. 419—420. Перевод с английского.

39 СООБЩЕНИЕ ГАЗЕТЫ «ПЯЭВАЛЕХТ»

---

4 мая 1939 г.

Москва, 03. 05. (ЭТА) (ТАСС). Указом Президиума Верховного Совета Советского Союза Председатель Совета Народных Комиссаров Молотов был назначен народным комиссаром по иностранным делам и нынешний народный комиссар Литвинов был освобожден от исполнения этих обязанностей по собственному желанию.

В дополнение к этой телеграмме ТАСС наш корреспондент в Варшаве получил из Москвы следующую информацию: официально нынешний народный комиссар иностранных дел Советского Союза уходит по своей просьбе, однако в действительности причиной этому является недовольство в Кремле внешней политикой Литвинова, которое возникло в связи с русско-английскими переговорами. Там считают, что за границей о переговорах Литвинова возникло впечатление, будто Англия сумела выторговать себе ведущее положение и руководит Россией. Уход Литвинова, вероятно, окажет влияние на эти переговоры, сделав их еще более проблематичными. Некоторые иностранные круги в Москве считают, что Молотов будет тверже выступать против пожеланий Англии и не пойдет на уступки, пытаясь диктовать позицию Москвы. Одновременно могут возникнуть предпосылки для соглашения с Германией, против которых решительно выступал Литвинов. Уход Литвинова значительно облегчил бы заключение договора с Германией, поскольку личность Литвинова сама по себе во всех отношениях для Берлина неприемлема. /.../

Пяэвалехт, 1939, 4 мая.

40 ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

---

17 мая 1939 г.

Советский поверенный в делах, советник посольства Астахов вызвал меня сегодня для того, чтобы поговорить о правовом статусе советского торгового представительства в Праге. /.../

Во время последующей беседы Астахов снова, как и две недели назад, подробно говорил о развитии германо-советских отношений. Он отметил, что тон германской прессы за последние недели совершенно изменился. Нет направленных против Советского Союза выпадов, сообщения объективны; в одной промышленной газете Рейнского района он даже видел фотографии нескольких советских сооружений. Конечно, Советы не могут судить о том, является ли это лишь временной переменой, вызванной тактическими соображениями, или нет. Но есть надежда на то, что подобное положение дел станет явлением постоянным. Астахов подробно объяснил, что в вопросах международной политики у Германии и Советской России нет противоречий и поэтому нет никаких причин для трений между двумя странами. Правдой является то, что Советский Союз ясно чувствовал угрозу со стороны Германии. Но нет никаких сомнений, что удастся подавить это ощущение угрозы и недоверие

Москвы. Во время этой беседы он снова упомянул Рапалльский договор. В ответе на мой случайный вопрос он коснулся англо-советских переговоров в том смысле, что при нынешних условиях желательные для Англии результаты вряд ли будут достигнуты.

В подтверждение своего мнения относительно возможности изменения советско-германских отношений Астахов неоднократно ссылаясь на Италию и подчеркивал, что Дуче уже после образования Оси высказал предположение о том, что препятствий для нормального развития политических и экономических отношений между Советским Союзом и Италией не существует.

В своих ответах я был сдержан и вызывал Астахова на разговор только путем случайных замечаний, без дальнейшего уточнения его точки зрения.

Шнурре

DGFP. Ser. D. Vol. VI. P. 535—536. Перевод с английского.

41 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА ГЕРМАНИИ В МОСКВЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

20 мая 1939 г.

Сегодня я имел более чем часовую беседу с Молотовым и последующую краткую беседу с Потемкиным. В результате беседы с Молотовым выявилась невозможность, по мнению Советского правительства, торговых переговоров без подведения под них «политической базы». На мои неоднократные и прямые вопросы о понимании Советским правительством «политической базы», Молотов постоянно уклончиво отвечал, что оба правительства должны обдумать это. В ходе беседы вновь проявилась извечная советская недоверчивость — Молотов выразил опасение, что возобновление нашей стороной переговоров является только политической игрой и не несет серьезных намерений; я против этого энергично возражал. Позднее я просил Потемкина постараться выяснить позицию Молотова в более конкретном виде. По моим впечатлениям, Молотов тянет время и не желает связывать себя с нами сейчас, оставляя нам инициативу возможных политических предложений. Здесь объявлено, что Молотов выступит на открывающейся 25 мая сессии Верховного Совета с речью о внешней политике. Можно предположить, что это прольет некоторый свет на советскую внешнюю политику.

Шуленбург

DGFP. Ser. D. Vol. VI. P. 547. Перевод с английского.

42 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА ГЕРМАНИИ В МОСКВЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

29 июня 1939 г.

Сегодня во второй половине дня у меня состоялась беседа с Молотовым, который принял меня, как только я попросил об этом. Беседа продолжалась более часа и проходила в дружеском тоне.

Я рассказал Молотову о своих впечатлениях от бесед в Берлине с авторитетными лицами, особенно с министром иностранных дел. Обратил внимание на то, что, как заявил государственный секретарь советскому временному поверенному в Берлине, мы приветствовали бы нормализацию отношений между Германией и Советским Союзом. Этому служит ряд представленных нами доказательств, таких, как сдержанность немецкой прессы, подписание пактов о ненападении с Прибалтийскими государствами и желание возобновить торговые переговоры. Из всего этого становится очевидным, что Германия не питает враждебных намерений по отношению к Советскому Союзу, особенно потому, что Берлинский договор¹ еще сохраняет силу. Что касается Германии, то мы будем использовать любую возможность для подтверждения нашей доброй воли. С другой стороны, мы все еще ожидаем ответа на вопрос, что имел в виду Молотов в последней беседе со мной, когда упомянул о «создании реорганизованной основы». Мы также выражаем протест в отношении позиции советской прессы.

Молотов ответил, что он с удовлетворением принял к сведению мою информацию; международная политика Советского правительства, в соответствии с публичными заявлениями его руководителей, направлена на развитие хороших отношений со всеми странами. Это, естественно, относится, при условии взаимности, также к Германии. Особый интерес вызвало у него мнение германского правительства, что Берлинский договор все еще сохраняет силу, т. к. Советское правительство имело сомнения на этот счет. В отношении переговоров с Прибалтийскими государствами о заключении договоров о ненападении Молотов заметил, что Германия вела их в своих собственных интересах, а не ради Советского Союза. Он вынужден высказать сомнения в прочности подобных договоров после случая с Польшей. На это я возразил, сказав, что Польша сама вызвала прекращение

¹ Имеется в виду договор о ненападении и нейтралитете между Советским Союзом и Германией, подписанный в Берлине 24 апреля 1926 года, сроком на 5 лет. Его действие было продлено 24 апреля 1931 года. С приходом Гитлера к власти в Германии договор потерял свое практическое значение, но не был аннулирован.

договора, присоединившись к объединению государств, враждебных нам. Это несовместимо с поддержанием дружеских отношений с нами.

У меня сложилось впечатление, что Советское правительство очень заинтересовано в выяснении наших политических взглядов и поддержании контактов с нами. Несомненно, во всем сказанном Молотовым проявляется глубокое недоверие, но тем не менее, нормализация отношений с Германией желательна и возможна. /.../

Шуленбург

DGFP. Ser. D. Vol. VI. P. 805--807. Перевод с английского.

43 МЕМОРАНДУМ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

---

27 июля 1939 г.

В соответствии с данными мне инструкциями я прошлым вечером пригласил советского поверенного в делах Астахова и главу советского торгового представительства здесь Бабарина на обед в Эвест¹. Русские пробыли до примерно половины первого ночи. Они начали говорить об интересующих нас экономических и политических проблемах в очень живой и интересной форме, поэтому стало возможным неофициальное и всестороннее обсуждение отдельных вопросов, упоминавшихся Имперским Министром иностранных дел. Особо интересным в разговоре было нижеследующее:

1. На замечание Астахова о тесном сотрудничестве и общности интересов внешней политики, которые ранее существовали между Германией и Россией, я ответил, что возобновление подобного сотрудничества представляется мне сейчас вполне возможным, если советское правительство находит его желательным. Я мог бы мысленно представить себе три этапа:

Первый этап: Восстановление сотрудничества в экономической области с помощью кредитного и торгового договора, который будет заключен.

Второй этап: Нормализация и улучшение политических отношений. Это включает в себя, среди прочего, уважение интересов другой стороны в прессе и общественном мнении, уважение к научным и культурным мероприятиям другой стороны. Официальное участие Астахова в германском Дне искусства в Мюнхене или приглашение германской делегации на Сельскохозяйственную выставку в Москве может, как это было предложено мне статс-секретарем, быть включено сюда же.

¹ Ресторан в Берлине.

Третьим этапом будет восстановление хороших политических отношений: или возвращение к тому, что было раньше (Берлинский договор¹), или же новое соглашение, которое примет во внимание жизненные политические интересы обеих сторон. Этот третий этап, как мне кажется, вполне достижим, так как во всем районе от Балтийского моря до Черного моря и Дальнего Востока нет, по моему мнению, неразрешимых внешнеполитических проблем между нашими странами. В дополнение к этому, несмотря на все различия в мировоззрении, есть один общий элемент в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капиталистическим Западом. Поэтому нам кажется довольно противоестественным, чтобы социалистическое государство вставало на сторону западных демократий.

2. В полном согласии с Бабариным Астахов назвал путь *сближения* с Германией соответствующим интересам обеих стран. Однако он отметил, что, вероятно, темп должен быть медленным и постепенным. Советский Союз усматривает серьезную для себя угрозу во внешней политике национал-социализма. Мы с полным основанием говорили о нашей нынешней политической ситуации как об окружении. Именно этим словом и характеризует Советский Союз свою политическую ситуацию после известных сентябрьских событий прошлого года². Астахов имел в виду Антикоминтерновский пакт, наши отношения с Японией, Мюнхен, свободу рук в Восточной Европе, которую мы там получили, и политические последствия всего этого для Советского Союза. Наша теория о том, что Прибалтийские государства, Финляндия, а также Румыния входят в нашу сферу влияния, окончательно убедила советское правительство в том, что ему угрожают. Москва не совсем верит в изменение германской политики в отношении Советского Союза. Ждать можно лишь постепенного изменения.

3. В своем ответе я подчеркнул, что в настоящее время германская политика на Востоке берет абсолютно иной курс. С нашей стороны не может быть и речи об угрозе Советскому Союзу. Наша цель лежит и совершенно другом направлении. Молотов сам в своей последней речи назвал Антикоминтерновский пакт маскировкой союза, направленного против западных демократий. Он осведомлен о данцигской проблеме и о связанном с нею польском вопросе. Я вижу в этом все что угодно, кроме столкновения интересов Германии и Советского Союза. То, что мы намерены уважать целостность Прибалтийских госу-

¹ Договор о дружбе и нейтралитете между Германией и Советским Союзом, подписанный в Берлине 24 апреля 1926 г.

² Имеется в виду Мюнхенское соглашение, заключенное 30 сентября 1938 года между Англией, Францией, Германией и Италией.

дарств и Финляндии, стало совершенно ясно благодаря нашим пактам о ненападении и нашим неагрессивным предложениям. Наши отношения с Японией строятся на основе прочной дружбы, которая, однако, не нацелена против России. Германская политика направлена против Англии. Это решающий фактор. Как я уже заявлял ранее, я вполне могу представить себе далеко идущее соглашение о соблюдении взаимных интересов вместе с рассмотрением проблем, являющихся жизненно важными для России. В данный момент, однако, этому препятствует Советский Союз, подписывающий с Англией договор, направленный против Германии. Советский Союз в этом случае сделает свой выбор и встанет, вместе с Англией, в оппозиционный Германии лагерь. Только по этой причине я возражаю против медленных поисков пути к достижению возможного взаимопонимания между Германией и Советским Союзом. Сейчас время еще дает нам возможность, которой не будет после заключения договора с Лондоном. Это должно быть принято в Москве во внимание. Что может Англия предложить России? Самое большее — участие в европейской войне, вражду с Германией, но ни одной устраивающей Россию цели. С другой стороны, что можем предложить мы? Нейтралитет и невовлечение в возможный европейский конфликт и, если Москва этого пожелает, германорусское понимание относительно взаимных интересов, благодаря которому, как и в былые времена, обе страны получают выгоду.

4. Во время последующей беседы Астахов снова вернулся к вопросу о Прибалтийских государствах и спросил, есть ли у нас, кроме планов экономического проникновения, далеко идущие политические намерения. Он также очень серьезно отнесся к румынскому вопросу. Что касается Польши, то он заявил, что так или иначе Данциг будет возвращен Германскому государству и вопрос коридоре должен быть каким-либо образом разрешен в пользу Германского государства. Он спросил, не склоняется ли также на сторону Германии население территорий, когда-то принадлежавших Австрии, в частности Галиции и украинских территорий. Описав наши торговые отношения с Прибалтийскими государствами я ограничил себя заявлением о том, что интересы Германии и России не придут в столкновение по этим вопросам. Более того, урегулирование украинского вопроса показало, что мы не ставим своей целью что-либо, что может быть опасно для советских интересов.

5. Довольно широкая дискуссия велась по вопросу о том, почему национал-социализм считает внешнюю политику Советского Союза враждебной. В Москве никогда не могли этого понять, хотя там всегда понимали противостояние национал-социализма коммунизму внутри [Германии]. Я воспользовался этим удобным случаем для подробного изложения нашего мнения относительно изменений, происшедших в русском больше-

визме за последние годы. Антагонизм к национал-социализму явился естественным результатом его [национал-социализма] борьбы с коммунистической партией Германии, зависимой от Москвы и являвшейся лишь орудием Коминтерна. Борьба против германской коммунистической партии уже давно закончилась. Коммунизм в Германии искоренен. Коминтерн же уже заменен Политбюро, которое следует теперь совершенно другой политике, чем та, которая проводилась, когда доминировал Коминтерн. Слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских людей и подвигов (празднование годовщины Полтавской битвы, Петра Первого, битвы на Чудском озере, Александра Невского) изменили интернациональный характер большевизма, как нам это видится, особенно с тех пор, как Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию. При таком положении дел мы сегодня видим возможности, которых не видели ранее, так как удостоверились, что не делается попыток распространять в какой-либо форме коммунистическую пропаганду в Германии.

6. Под конец Астахов подчеркнул, что этот разговор был для него очень важен. Он сообщит о нем в Москву, и он надеется, что все это отразится заметным образом на ходе будущих событий. Вопрос о торговле и кредитном соглашении обсуждался в деталях.

7. После заявлений русских у меня создалось впечатление, что Москва еще не решила, что она хочет делать. Русские умолчали о состоянии переговоров о пакте с Великобританией и о шансах на его заключение. Учитывая все это, можно заключить, что в течение определенного времени Москва решила следовать как в отношении нас, так и в отношении англичан политике затягивания и отсрочек для того, чтобы отложить принятие решений, важность которых она ясно понимает. Отсюда гибкая позиция русских в ходе многочисленных бесед, такова, в частности, позиция Молотова; отсюда и затягивание экономических переговоров, на которых русские крайне сдержанны в темпе; отсюда, скорее всего, также и задержка в Москве посла Мерекалова¹. А в общем — большое недоверие не только к нам, но и к Англии. С нашей точки зрения можно рассматривать как заметный успех то, что Москва после месяцев переговоров с англичанами все еще не ясно представляет себе, что ей следует в конце концов делать.

Шнурре.

DGFP. Ser. D. Vol. VI. P. 1006—1009. Перевод с английского.

¹ Советский полпред в Берлине А. Мерекалов был неожиданно отозван в Москву в «отпуск».

44 ПИСЬМО ЗАВЕДУЮЩЕГО ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИМ ОТДЕЛОМ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ ПОСЛУ ГЕРМАНИИ В МОСКВЕ

2 августа 1939 г.

/.../ Политически русская проблема решается здесь в крайне срочном порядке. В течение последних десяти дней у меня было хотя бы по одной личной, либо телефонной беседе с министром иностранных дел и мне известно, что он постоянно обменивается с фюрером мнениями по этой теме. Министр озабочен получением скорейшего результата по русскому вопросу не только в негативном плане (срыв переговоров с Британией), но и в позитивном (взаимопонимание с нами). Отсюда и спешка с посылкой Вам последних инструкций. Вы можете представить, с каким нетерпением здесь ожидают Ваших бесед с Молотовым. Возможно, что сегодня лично министр иностранных дел ненадолго примет Астахова и сообщит ему, что знает о моей с ним встрече и выскажет надежду, что события будут развиваться в указанном направлении.

Шнурре.

DGFP. Ser. D. Vol. VI. P. 1047—1048. Перевод с английского.

45 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА ГЕРМАНИИ В МОСКВЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

4 августа 1939 г.

Сегодня в беседе, длившейся час с четвертью, Молотов оставил свой привычный сдержанный тон и казался необычайно откровенным. /.../

В продолжение беседы я заявил, что по нашему мнению, между Германией и Советским Союзом не существует разногласий на пространстве от Балтийского до Черного морей, что Антикоминтерновский пакт не направлен против Советского Союза; что факт заключения нами договоров о ненападении с Прибалтийскими странами говорит о нашей решимости уважать их целостность и что наши хорошо известные требования к Польше нисколько не ущемляют интересов СССР. Посему мы считаем достижение взаимовыгодного соглашения вполне возможным и хотели бы знать мнение Советского правительства на этот счет. /.../

Перейдя к вопросу о политических взаимоотношениях, Молотов заявил, что Советское правительство также желало бы их нормализации и улучшения. Нынешнее ухудшение взаимоотношений произошло не по вине советской стороны. Причину этого

он видит в подписании Антикоминтерновского пакта и всего, что было сказано и сделано в этой связи. Я возразил, что Антикоминтерновский пакт не направлен против Советского Союза, и был охарактеризован самим Молотовым 31 мая как союз, направленный против западных демократий. В ответ на это Молотов сказал, что пакт тем не менее способствовал агрессивной позиции Японии по отношению к СССР. Во-вторых, Германия поддержала Японию, и, в-третьих, германское правительство неоднократно показывало, что не намерено принимать участие в каких-либо международных конференциях, в которых участвовал бы Советский Союз. В качестве примера он привел мюнхенскую встречу. /.../

В этой связи я опять подчеркнул, что во внешней политике между нашими странами не существует никаких разногласий и упомянул о готовности Германии в случае необходимости занять по отношению к Прибалтийским странам такую позицию, которая обеспечила бы жизненные интересы Советского Союза в Балтийском регионе.

При упоминании Прибалтийских стран Молотов поинтересовался, какие именно страны мы понимаем под этим термином и входит ли в их число Литва.

По польскому вопросу, я заявил, что мы придерживаемся наших требований, однако стремимся к мирному решению. Если же, с другой стороны, нам будет навязано другое решение, то мы готовы защищать все советские интересы и прийти к соглашению с Советским правительством по этому вопросу.

Молотов проявил явный интерес, однако сказал, что мирное решение польского вопроса зависит в первую очередь от нас. Я решительно против этого возразил, указав, что, к сожалению, британская гарантия поставила польские власти перед необходимостью принятия решения. /.../

В заключение Молотов заверил меня, что поставит в известность свое правительство относительно моих заявлений и еще раз повторил, что Советское правительство также желает нормализации и улучшения взаимоотношений с Германией.

Позиция Молотова в целом дает основания полагать, что Советское правительство стремится к улучшению советско-германских отношений, хотя недоверие к Германии остается. Общее мое впечатление таково, что Советское правительство сейчас полно решимости заключить соглашение с Британией и Францией, если они исполнят все пожелания Советов. Переговоры с ними, однако, могут продлиться еще долгое время, из-за сильного недоверия к Британии. Я думаю, что мои заявления произвели на Молотова впечатление, однако для изменения курса Советского правительства от нас потребуются значительные усилия.

Шуленбург

14 августа 1939 г.

Я прошу Вас лично связаться с господином Молотовым и передать ему следующее:

1. Идеологические расхождения между Национал-Социалистической Германией и Советским Союзом были единственной причиной, по которой в предшествующие годы Германия и СССР разделились на два враждебных, противостоящих друг другу лагеря. События последнего периода, кажется, показали, что разница в мировоззрениях не препятствует деловым отношениям двух государств и установлению нового и дружественного сотрудничества. Период противостояния во внешней политике может закончиться раз и навсегда; дорога в новое будущее открыта обоим странам.

2. В действительности, интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности. Таким образом, причины для агрессивного поведения одной страны по отношению к другой отсутствуют. У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Черным морями не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств. Среди этих вопросов есть и такие, которые связаны с Балтийским морем, Прибалтикой, Польшей, юго-восточным районом и т. д. В подобных вопросах политическое сотрудничество между двумя странами может иметь только положительный результат. То же самое относится к германской и советской экономике, сотрудничество которых может расширяться в любом направлении.

3. Нет никакого сомнения, что сегодня германо-советские отношения пришли к поворотному пункту своей истории. Решения, которые будут приняты в ближайшем будущем в Берлине и Москве по вопросу этих отношений, будут в течение поколений иметь решающее значение для германского и советского народов. От этих решений будет зависеть, придется ли когда-нибудь двум народам снова, без возникновения каких-либо действительно непреодолимых обстоятельств, выступить друг против друга с оружием в руках, или же снова наступят дружеские отношения. Прежде, когда они были друзьями, это было выгодно обоим странам, и все стало плохо, когда они стали врагами.

4. Верно, что Германия и Советский Союз, в результате много-

летней вражды их мировоззрений, сегодня относятся друг к другу с недоверием. Должно быть счищено много накопившегося мусора. Нужно сказать, однако, что даже в этот период естественные симпатии немцев и русских друг к другу никогда не исчезали. На этой базе заново может быть построена политика двух государств.

5. Имперское правительство и Советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактом, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как Национал-Социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 году эта политика имела для России катастрофические последствия. В общих интересах обеих стран избежать на все будущие времена разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным демократиям.

6. Кризис в германо-польских отношениях, спровоцированный политикой Англии, а также британская военная пропаганда и связанные с этим попытки создания [антигерманского] блока делают желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. В противном случае, независимо от действий Германии, дела могут принять такой оборот, что оба правительства лишатся возможности восстановить германо-советскую дружбу и совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой. Поэтому руководителям обоих государств следует не пускать события на самотек, а действовать в подходящее время. Будет губительно, если из-за отсутствия взаимопонимания по отношению к взглядам и намерениям друг друга наши народы окончательно разойдутся в разные стороны.

Насколько нам известно, советское правительство также желает внести ясность в германо-советские отношения. Поскольку, однако, судя по предшествующему опыту, такое выяснение отношений может протекать лишь постепенно и через обычные дипломатические каналы, я готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени Фюрера изложить взгляды Фюрера господину Сталину. Только такое непосредственное обсуждение может, по моему мнению, привести к изменениям; и, таким образом, закладка фундамента для некоторого улучшения германо-русских отношений уже не будет казаться невозможной.

Приложение: Я прошу Вас не вручать этих инструкций господину Молотову в письменном виде, а зачитать их ему. Я считаю важным, чтобы они дошли до господина Сталина в как можно более точном виде, и я уполномочиваю Вас в то же самое время просить от моего имени господина Молотова об аудиенции с господином Сталиным, чтобы Вы могли передать это важ-

ное сообщение еще и непосредственно ему. В дополнение к беседе с Молотовым условием моего визита являются широкие переговоры со Сталиным.

Риббентроп

DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 62—64. Перевод с английского.

47 ТЕЛЕГРАММА ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

15—16 августа 1939 г.

Молотов с величайшим интересом выслушал информацию, которую мне было поручено передать, назвал ее крайне важной и заявил, что он сразу же передаст ее своему правительству и в течение короткого времени даст мне ответ. Он может заявить уже сейчас, что Советское правительство тепло приветствует германские намерения улучшить отношения с Советским Союзом.

В связи с идеей приезда сюда Имперского Министра иностранных дел он хочет высказать свое личное мнение о том, что подобная поездка требует соответствующих приготовлений для того, чтобы обмен мнениями дал какие-либо результаты.

В этой связи его интересует вопрос о том, как германское правительство относится к идее заключения пакта о ненападении с Советским Союзом, а также, готово ли германское правительство повлиять на Японию с целью улучшения советско-японских отношений и урегулирования пограничных конфликтов, и намеревается ли Германия дать возможные совместные гарантии Прибалтийским государствам.

Касательно поисков путей расширения экономических связей Молотов признал, что переговоры в Берлине развиваются успешно и приближаются к благоприятному исходу.

Молотов повторил, что, если мое сегодняшнее сообщение включает в себя идею пакта о ненападении или что-то похожее, вопрос должен быть обсужден более конкретно, чтобы в случае прибытия сюда Имперского Министра иностранных дел вопрос не свелся к обмену мнениями, а были приняты конкретные решения.

Молотов признал, что быстрота нужна для того, чтобы не быть поставленными перед совершившимися фактами, но отметил, что необходима соответствующая подготовка упомянутых им вопросов.

Подобный меморандум о ходе беседы будет послан самолетом в четверг, специальным курьером.

Шуленбург

DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 76—77. Перевод с английского.

48 ТЕЛЕГРАММА ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

19 августа 1939 г.

В своей первой сегодняшней беседе с Молотовым (которая началась в два часа дня и продолжалась час) после того, как я передал порученное мне сообщение, я повторно пытался убедить Молотова в том, что визит в Москву Имперского Министра иностранных дел — единственный путь для достижения успеха, настоятельно требуемого политической ситуацией. Молотов признал несомненную важность предполагаемой поездки, подчеркнув, что советское правительство понимает и уважает лежащий в основе этого замысел, но настаивает на своем мнении, что в данный момент невозможно даже приблизительно определить время поездки, так как она требует тщательных приготовлений. Это относится как к пакту о ненападении, так и к содержанию подписываемого одновременно с ним протокола. Германский проект пакта о ненападении ни в коем случае не является исчерпывающим. Советское правительство хочет, чтобы один из нескольких пактов о ненападении, заключенных советским правительством с другими странами (например, с Польшей, Латвией, Эстонией и т. д.) послужил моделью для пакта о ненападении с Германией. Он [Молотов] предоставляет германскому правительству возможность выбрать среди них тот, который кажется Германии подходящим. Далее, содержание протокола является очень серьезным вопросом, и советское правительство ожидает, что германское правительство заявит более определенно, какие статьи протокол предусматривает. Советское правительство относится очень серьезно к договорам, которые оно заключает. Оно уважает принятые на себя обязательства и ожидает того же от своих партнеров по договорам.

На доводы, которые я неоднократно и подчеркнуто выдвигал в пользу необходимости торопиться, Молотов возразил, что пока что даже первая ступень — завершение экономических переговоров — не пройдена. Прежде всего должно быть подписано и провозглашено и приведено в действие экономическое соглашение. Затем наступит очередь пакта о ненападении и протокола.

Молотова, очевидно, не трогали мои возражения; и первая беседа закончилась заявлением Молотова о том, что он высказал мне взгляды советского правительства и не может более ничего к ним добавить.

Едва ли не через полчаса после завершения беседы Молотов передал мне, что просит меня разыскать его снова в Кремле в 16.30.

Он извинился, что поставил меня в затруднительное положение, и объяснил, что сделал доклад советскому правительству и уполномочен вручить мне проект пакта о ненападении. Что касается поездки Имперского Министра иностранных дел, то советское правительство согласно на прибытие господина Риббентропа в Москву примерно через неделю после обнародования подписанного экономического соглашения. Таким образом, если это провозглашение произойдет завтра, господин фон Риббентроп может прибыть в Москву 26 или 27 августа. Молотов не объяснял мне причины резкого изменения своей позиции. Я допускаю, что вмешался Сталин. Моя попытка убедить Молотова согласиться на более раннюю дату приезда Имперского Министра иностранных дел была, к сожалению, неудачной.

Текст проекта пакта о ненападении следует телеграфом.

Шуленбург

DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 149—150. Перевод с английского.

49 ТЕКСТ ПРОЕКТА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПАКТА, ПЕРЕДАННОГО В. М. МОЛОТОВЫМ ШУЛЕНБУРГУ

19 августа 1939 г.

Постскрипtum

Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся Сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта.

Международная жизнь. 1989. № 9. С. 104.

50 ЗАКЛЮЧЕНИЕ ТОРГОВО-КРЕДИТНОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

19 августа 1939 г.

19-го августа после длительных переговоров, закончившихся успешно, в Берлине подписано торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией.

Соглашение подписано со стороны СССР — зам. торгпреда Е. Бабариным, а с германской стороны — г. Шнурре.

Торгово-кредитное соглашение предусматривает предоставление Германией СССР кредита в размере 200 миллионов германских марок, сроком на семь лет из 5%, для закупки герман-

ских товаров в течение двух лет со дня подписания соглашения. Соглашение предусматривает также поставку товаров со стороны СССР Германии в тот же срок, т. е. в течение двух лет на сумму в 180 миллионов германских марок.

Известия, 1939, 21 августа.

51 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В МОСКВЕ

20 августа 1939 г.

Фюрер уполномочивает Вас немедленно явиться к Молотову и вручить ему следующую телеграмму Фюрера для господина Сталина:

«Господину Сталину, Москва.

1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первую ступень перестройки германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации Имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш Министр иностранных дел господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов.

4. Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. В противном случае Имперское правительство не представляет, как дополнительный протокол может быть выработан и согласован в короткое время.

5. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед лицом такой вероятности Германия в любом случае намерена защищать интересы государства всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

6. По моему мнению, желательно, ввиду намерений обеих стран, не теряя времени вступить в новую фазу отношений друг с другом. Поэтому я еще раз предлагаю принять моего Министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду,

23 августа. Имперский Министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола. Принимая во внимание международную ситуацию, Имперский Министр иностранных дел не сможет остаться в Москве более чем на один-два дня. Я буду рад получить Ваш скорый ответ. Адольф Гитлер.»

Пожалуйста, передайте господину Молотову вышеприведенную телеграмму Фюрера Сталину в письменном виде на листе бумаги без заглавия.

Риббентроп

DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 168. Перевод с английского.

52

ПИСЬМО И. В. СТАЛИНА А. ГИТЛЕРУ

21 августа 1939 г.

Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру

Благодарю за письмо.

Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

И. Сталин

Международная жизнь. 1989. № 9. С. 113. Перевод с английского.

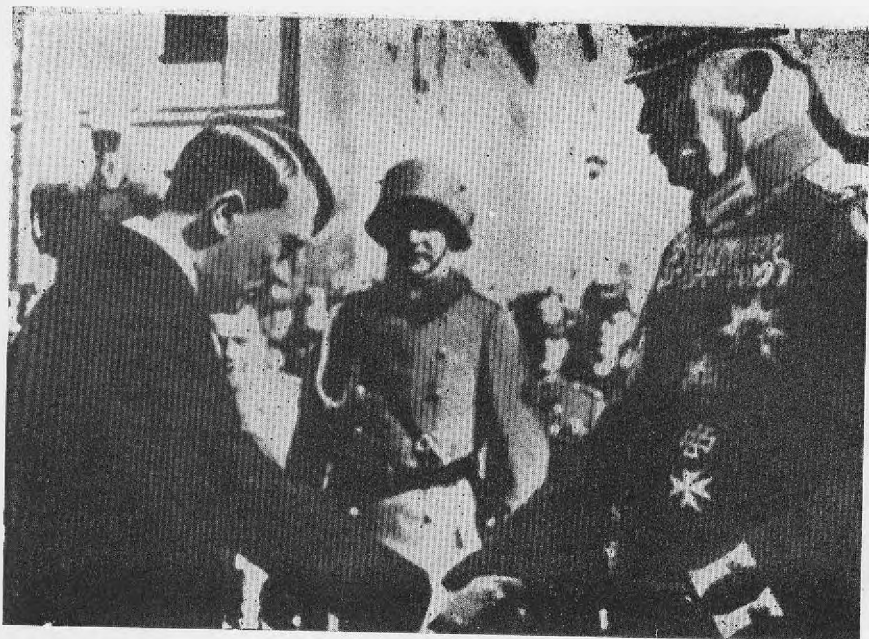
53

ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ А. ГИТЛЕРА ПЕРЕД РУКОВОДСТВОМ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ

22 августа 1939 г.

У противника¹ оставалась еще надежда, что после завоевания Польши Россия выступит против (нас). Однако враг недооценил и мою огромную способность к решительным действиям. Наши противники — ничтожные черви. Я убедился в этом в Мюнхене.

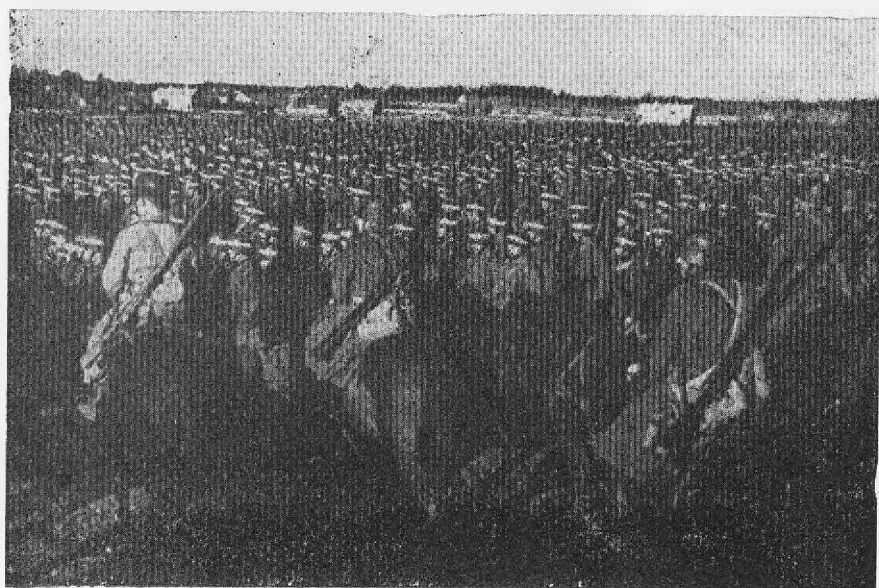
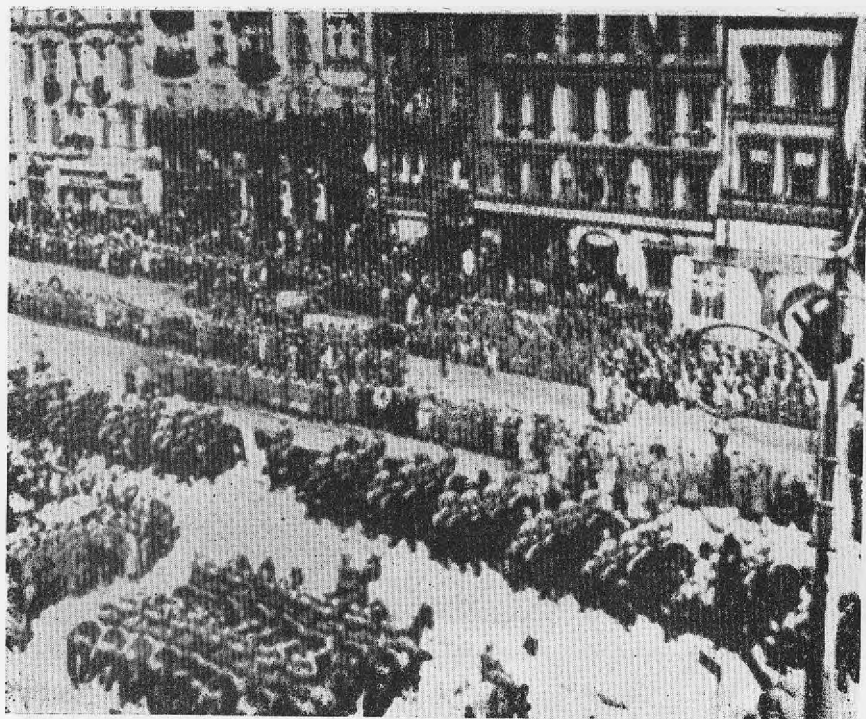
¹ Имеется в виду прежде всего Англия.

Президент
Германии
П. фон Гинденбург
и государственный
канцлер А. Гитлер.

Генеральный
секретарь
Центрального
Комитета ВКП(б)
И. Сталин и
Председатель
Совета Народных
Комиссаров и
народный комиссар
иностраных дел
В. Молотов.

Немецкие войска в Праге, Март 1939 года.

Военные маневры в районе Рапла, Октябрь 1938 года.

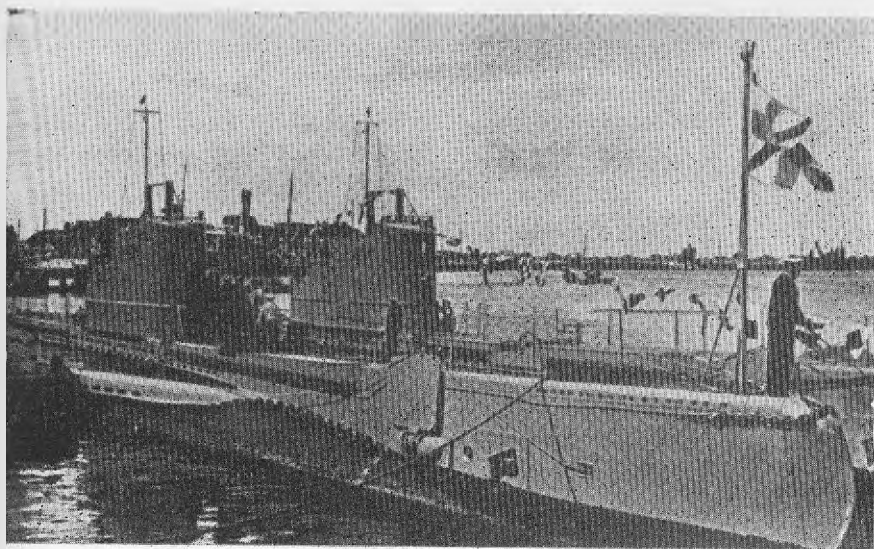
Прибытие немецких войск в Клайпеду, Март 1939 года.

Президент К. Пятс.

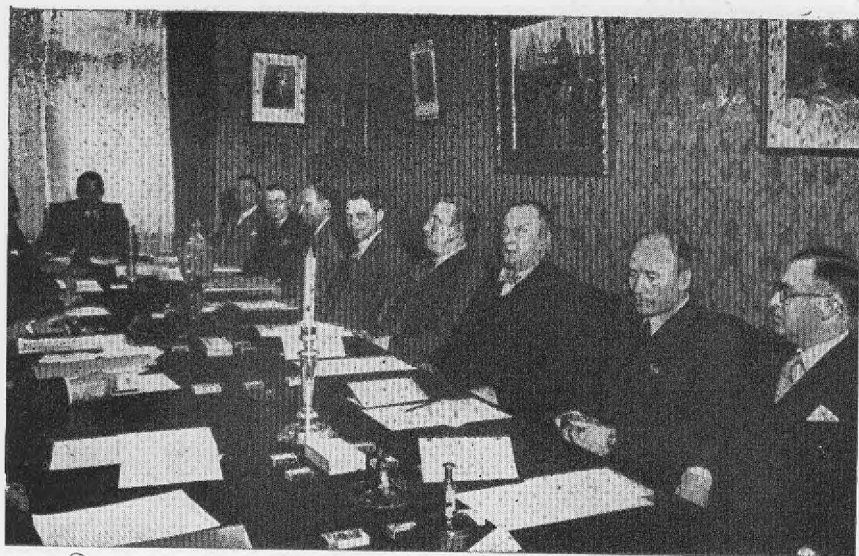
Главкомандующий
вооруженными силами
П. Лайдонер.

Подводные лодки «Калев» и
«Лембит» в Таллиннской
гавани.

Руководитель оппозиции Я. Тыниссон. Министр иностранных дел К. Сельтер.
А. Рей. Фр. К. Акель.
Эстонская делегация на конференции министров иностранных дел стран
Прибалтики в Риге. Справа налево: К. Зиркель, А. Варма, К. Сельтер,

Н. Каазик. У края стола министр иностранных дел Латвии В. Муинтерс. 12 июня 1938 года.
В переднем ряду слева направо: К. Террас, Х. Фровейн, К. Пятс, И. Мюллер, Г. Ионсон. 9 марта 1936 года.

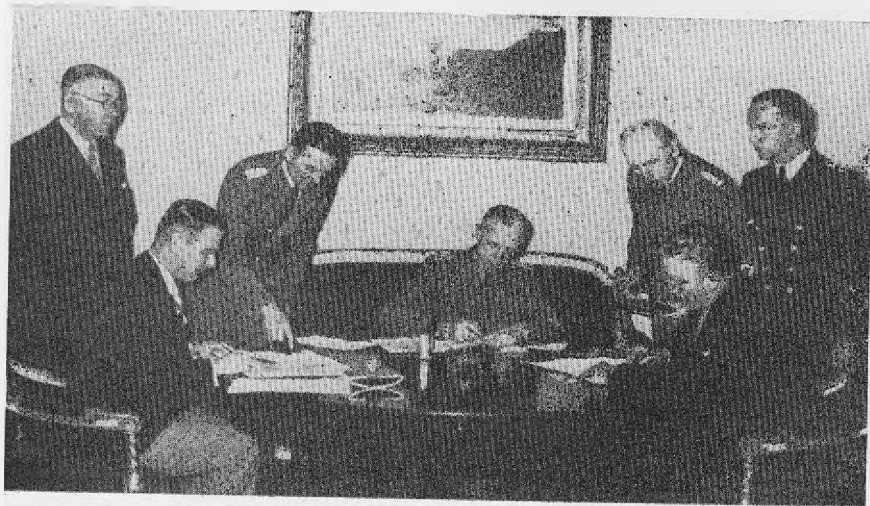

Посланник Латвии К. Шуманис направляется к президенту К. Пясу для вручения верительных грамот.
В переднем ряду слева направо: государственный секретарь К. Террас, посланник Англии Ч. У. Орд, президент К. Пяте, министр иностранных дел К. Сельтер, генерал Г. Йонсон. Май 1938 года.

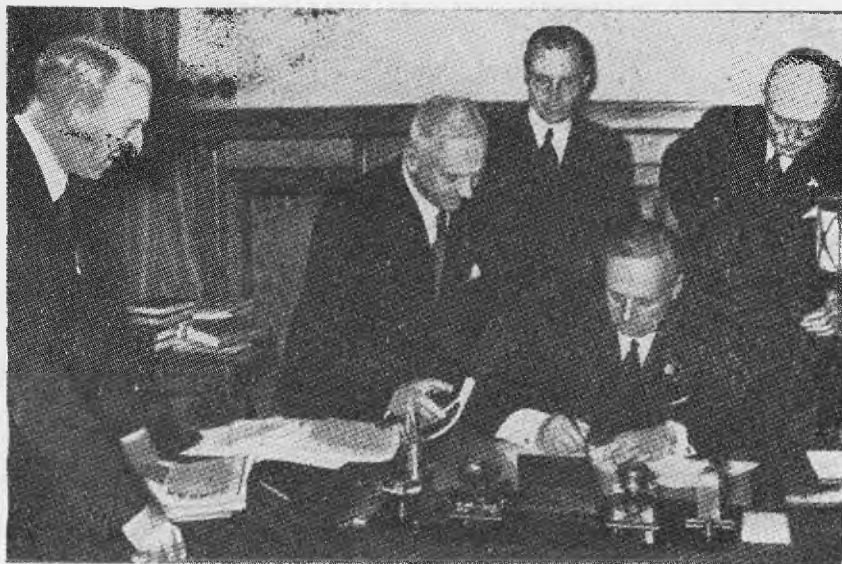

Начальник Штаба вооруженных сил генерал Н. Резк (пятый слева) в Берлине по случаю 50-летия А. Гитлера.
Офицеры с немецкого крейсера «Адмирал Хинлер» в Таллинне. 12 июля 1939 года.

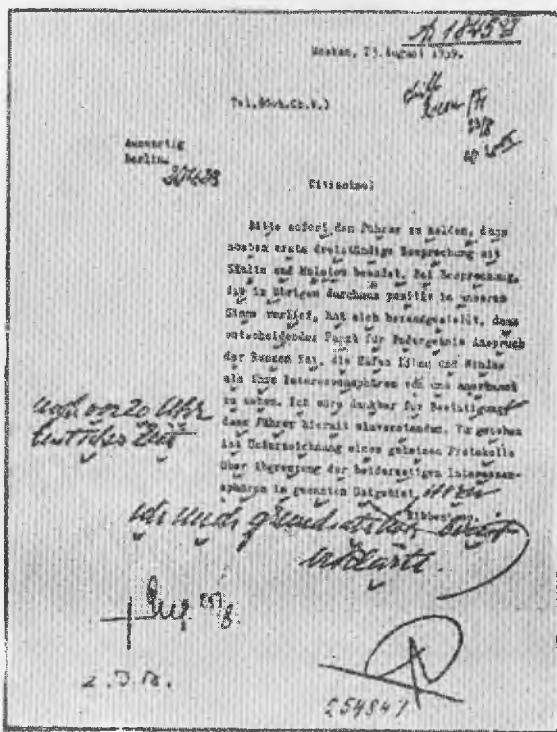

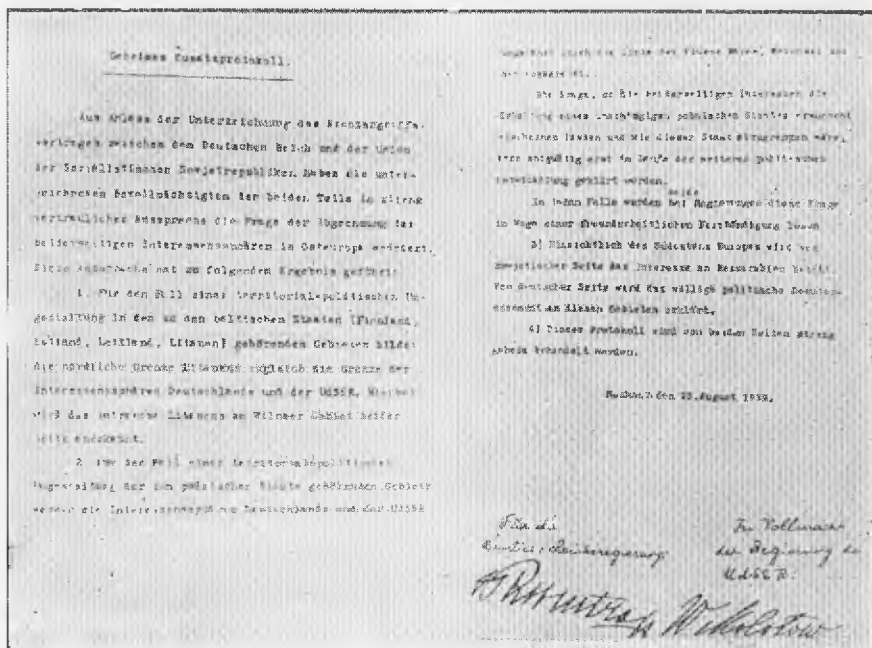
Государственный секретарь Министерства иностранных дел Германии Э. фон Вайцеккер. Посланник Германии в Эстонии Х. Фровейн. Подписание эстонско-германского и латвийско-германского пактов о ненападении. Сидят слева направо: министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс, министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп, министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер.

И. фон Риббентроп подписывает советско-германский пакт о ненападении и его секретный дополнительный протокол. 23—24 августа 1939 года.

Телеграмма министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа из Москвы в Министерство иностранных дел Германии. 23 августа 1939 года.

После подписания советско-германского пакта о ненападении в Кремле. Секретный дополнительный протокол советско-германского пакта о ненападении.

СЕКРЕТНЫЙ ДОСОВЕТСКИЙ ПРОТОКОЛ

Этот подписание договора и невыяснение дел...
Стороны Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республики в ходе переговоров о взаимном признании обеих сторон обсуждали в своем отношении взаимном порядке вопрос о размещении сфер интересов в Восточной Европе. Эти обсуждения привели к следующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Эстония, Латвия, Литва), северная граница СССР и Восточная граница Германии является границей сфер интересов Германии и СССР. Для этой границы Литва по острову Висленской области... является общими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарва, Висла и Сана.

Вопрос, является ли в общих интересах возмещение Польскому Государству и в пользу его граждан этого государства, может быть окончательно решен только в процессе дальнейшего политического развития.

3. В любом случае, обе Правительства будут работать в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. На востоке юго-востока Европы с советской стороны начинается интерес СССР и Бессарабии. С германской стороны начинается с ее восточной политической независимости в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в состоянии секрета.

Москва, 23 августа 1939 года.

Г. Урицкий
Г. Урицкий
Г. Урицкий

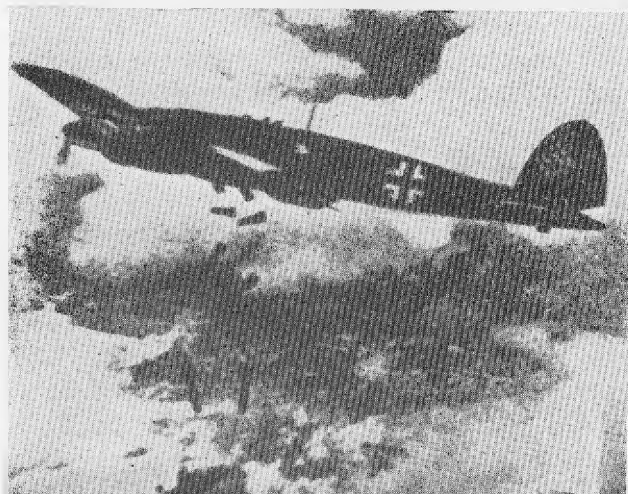
За Правительство
Германии

Г. Урицкий

Немецкие войска
в Польше.

Немецкая
авиация
над Польшей.

Член эстонской
делегации на
переговорах
в Москве проф.
Ю. Улуотс.

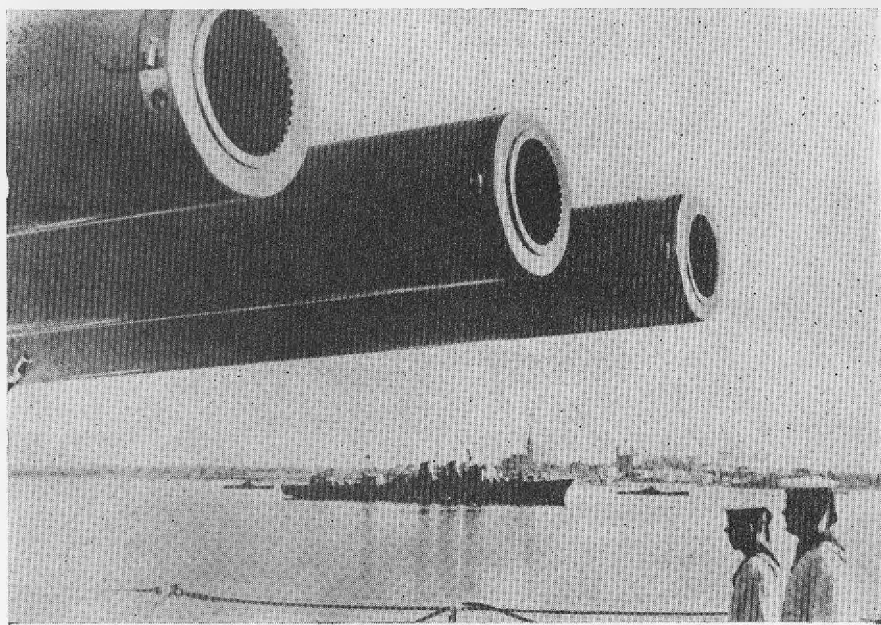
Член эстонской
делегации на

И. фон Риббентроп и
И. Сталин в Кремле по
случаю подписания
советско-германских
документов.

Советский флот на
Таллинском рейде.

Я был убежден, что Сталин никогда не примет предложения Англии. Россия не заинтересована в существовании Польши и, кроме того, Сталину известно, что его режиму придет конец, независимо от того, выйдут ли его солдаты из войны победителями или побежденными. Постепенно шаг за шагом я провел переориентацию России. В связи с торговым соглашением мы вступили в политический диалог. Затем от России последовало всеобъемлющее предложение. Четыре дня тому назад я предпринял специальные меры, в результате которых Россия ответила вчера о своей готовности к соглашению. Установлен личный контакт со Сталиным. Фон Риббентроп подпишет соглашение послезавтра. Теперь Польша оказалась в том положении, как я того желал.

Мне не следует бояться блокады. Восток поставляет нам зерно, скот, уголь, свинец, цинк. Это великая цель, которая потребует серьезных усилий. Я опасаясь лишь того, чтобы какой-нибудь негодяй не выступил в последний момент с предложением о посредничестве.

Продолжается постановка политических целей. Положено начало разрушению гегемонии Англии. После того, как мною будут закончены политические приготовления, дорога солдатам будет открыта.

Сделанное сегодня заявление о подписании договора с Россией о ненападении произвело эффект разорвавшейся бомбы. Последствия непредсказуемы. Сталин также заявил о том, что этот курс полезен обоим государствам. Воздействие на Польшу огромно. /.../

Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933—1945. Herausgegeben von Dr. Hans-Adolf Jacobsen und Dr. Werner Jochmann. Bielefeld, s. a. Dokument 22. VIII 1939. Перевод с немецкого.

54 ЗАМЕТКИ ГЕНЕРАЛА Ф. ГАЛЬДЕРА О ВЫСТУПЛЕНИИ А. ГИТЛЕРА ПЕРЕД РУКОВОДСТВОМ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ

22 августа 1939 г.

/.../ Россия не настолько сошла с ума, чтобы бороться за интересы Франции и Англии. Развитие (событий): отстранение Литвинова, сигналы о готовности к соглашению о политике интервенции, торговый договор. Этому предшествовали проводившиеся для поощрения России переговоры о ненападении, о Прибалтике, о вмешательстве в русско-японский конфликт.

Русские сообщили о своей готовности подписать пакт. Личный контакт Сталина и фюрера. «Этим я выбил у господ (Англия и

Франция)¹ из рук их оружие». Польша поставлена нами в такое положение, которое нам необходимо для достижения военной победы».

Влияние (пакта) еще трудно предсказать: новый курс! Сталин пишет, что это обещает многое для обеих сторон. Огромный перелом во всей европейской политике. /.../

Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres. 1939—1942. Band 1. Vom Polenfeldzug bis zum Ende der West offensive (14. 8. 1939 — 30. 6. 1940). Stuttgart 1962. S. 25. Перевод с немецкого.

---

¹ Дополнения редактора военных дневников Ф. Гальдера.

ОТ ПАКТА МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА ДО СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ

Советские средства массовой информации сообщили 22 августа, что на повестку дня встал вопрос об улучшении советско-германских политических отношений и в Москву для подписания договора о ненападении прибывает министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп. Это сообщение своей неожиданностью поразило международную общественность.

И. фон Риббентроп прибыл в Москву 23 августа и переговоры с И. Сталиным и В. Молотовым начались в тот же день в 15.30. Согласно ранее достигнутому по дипломатическим каналам договоренностям в Кремле, наряду с пактом о ненападении, обсуждались также связанные с ним вопросы дополнительного протокола о разграничении сфер интересов Союза ССР и Германии в Восточной Европе. Документами подтверждается, что в Берлине предполагали провести границу разделения сфер интересов в отношении Прибалтийских государств по реке Даугаве, причем Литва и южная часть Латвии вошли бы в сферу интересов Германии, а Эстония и Северная Латвия — в сферу интересов Советского Союза. Советская сторона с этим не согласилась, желая включить порты Лиепая и Вентспилс в сферу своих интересов. Гитлер дал на это свое согласие.

Датой подписания советско-германского пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола официально является 23 августа, но в действительности они были подписаны после полуночи, уже 24 августа.

Так как переговоры происходили в спешке и карта, на которую нанесли границу советско-германских интересов в Польше, была неточна, возникло несоответствие между тем, о чем действительно была достигнута договоренность и тем, как это было отражено на карте. Поэтому текст дополнительного протокола был дополнен еще одним польским географическим названием — река Писса.

Секретный протокол советско-германского пакта о ненападении держался в Берлине и в Москве в строгой тайне. Германское правительство в целях сохранения секретности предприняло даже специальные меры.

Советское правительство ратифицировало пакт о ненападении 31 августа. В своей речи 31 августа на внеочередной сессии Вер-

ховного Совета В. Молотов высказал некоторые соображения, касающиеся заключенного пакта.

Вопреки всем мерам предосторожности информация о существовании секретного протокола и его содержания все же просочилась. Об этом поступила информация в Таллинн от некоторых, находившихся за рубежом, дипломатов. Министры иностранных дел Финляндии — Э. Эркко и Латвии — В. Мунтерс, обратились к посланникам Германии в своих странах с запросами, не были ли заключены во время германо-советских переговоров какие-либо соглашения, затрагивающие интересы их государств. Ответ был отрицательный, причем Берлин согласовывал его не только с В. Молотовым, но и с И. Сталиным.

После достижения доброжелательного нейтралитета Союза ССР Гитлер мог развязать войну. Нападение на Польшу 1 сентября означало начало второй мировой войны.

В начале сентября из Берлина неоднократно обращались к Москве с предложением о вооруженном выступлении против Польши. Граф Шуленбург заявил В. Молотову 4 сентября, что подобный шаг оказал бы помощь Германии и в соответствии с заключенными в Москве соглашениями был бы также в интересах Союза ССР. В. Молотов от имени Советского правительства заявил 5 сентября, что на самом деле следует «приступить к конкретным действиям», однако в надлежащее время. Как выяснилось в ходе дальнейших переговоров политической предпосылкой начала военных действий должен был стать захват Варшавы германскими войсками. Одним из элементов политической мотивировки военных действий было утверждение, что Советское правительство должно заботиться о судьбе братских народов — западных украинцев и белорусов.

Утром 17 сентября польскому послу в Москве было объявлено, что Красной Армии дан приказ перейти границу Польши. Несмотря на оказываемое кое-где ожесточенное сопротивление, советские войска быстро продвигались вперед. На повестку дня встал вопрос о более конкретной договоренности с Германией о дальнейшей судьбе территории Польши.

В Москве 27 и 28 сентября И. Сталин, В. Молотов и новый советский посол в Германии А. Шкварцев обсуждали с И. фон Риббентропом и графом Шуленбургом проблемы советско-германских отношений. 28 сентября был подписан советско-германский договор о дружбе и границах, который фиксировал пограничную линию между обоими государствами на территории Польши.

Наряду с упомянутым договором был заключен еще ряд секретных дополнительных протоколов. Наиболее важным из них следует считать документ, согласно которому основная территория Литвы оказалась в сфере интересов Советского Союза, а СССР в свою очередь уступил Германии часть Польши, оказав-

шейся в сфере его интересов по договору от 23 августа (Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства). Лишь юго-западная часть литовской территории должна была отойти к Германии. Позже, в соответствии с соглашением, подписанным 10 января 1941 года Молотовым и Шуленбургом, правительство Германии за определенную компенсацию отказалось от своих притязаний на вышеупомянутую часть территории Литвы.

Во время тех же переговоров 28 сентября был подписан еще один секретный дополнительный протокол о преследовании лиц, участвующих в национальном движении и организациях сопротивления Польши, а также переселении, с одной стороны, лиц немецкого, а с другой, — украинского и белорусского происхождения. Кроме того, Молотов и Риббентроп обменялись памятными записками о советско-германских экономических отношениях и подписали совместное заявление. В нем отмечалось, что правительства Германии и Советского Союза «окончательно урегулировали вопросы, возникшие в связи с развалом Польского государства и тем самым создали прочный фундамент длительного мира в Восточной Европе». Цель обоих государств, говорилось в заявлении, состоит в достижении мира между Германией с одной стороны и Англией и Францией — с другой и подчеркивалось, что если усилия обоих правительств не принесут результатов, то подтвердится факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в этом случае правительства Германии и Союза будут консультироваться между собой в необходимых мерах.

Рассмотренные выше открытый договор и секретные протоколы создали основу для многостороннего сотрудничества между Союзом ССР и Германией, которое продолжалось до нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 года. Это сотрудничество оказало существенное влияние на дальнейшее развитие международных событий, однако особенно сильно отразилось на положении и судьбе народов Восточной Европы. Соглашение, достигнутое с Германией, предоставило Советскому правительству возможность осуществить свои внешнеполитические амбиции в Прибалтике.

55 ПИСЬМО ПОСЛАННИКА ЭСТОНИИ В ЛОНДОНЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ

22 августа 1939 г.

Германо-советский договор о ненападении?

Сообщение, полученное вчера вечером, о поездке ф. Риббентропа в Москву завтра для подписания германо-русского дого-

вора о ненападении, явилось для местных политических кругов полной неожиданностью. Вчера в Foreign Office¹ взвешивался вопрос о том, какие последствия могут быть у нового германорусского экономического соглашения, однако сведениями, которые позволили бы предположить эту сенсационную новость, Foreign Office не располагал.

Посланник Финляндии получил позавчера сообщение из Хельсинки, что согласно поступившим туда из Берлина сведениям, во вторник (т. е. сегодня), в Берлине ожидается нечто важное. Посланника просили выяснить, есть ли об этом более подробные сведения. Он посетил м-ра Стрэнга, который заявил, что сейчас говорят о столь многих датах, что подобные слухи нельзя воспринимать очень серьезно. В отношении сегодняшнего дня у м-ра Стрэнга не было никаких предположений. / . . /

У Foreign Office сейчас нет ясности в том, насколько большой поворот в политике Москвы придется учитывать. Газетная информация идет сейчас преимущественно из Берлина, Москва сравнительно сдержанна. Из Москвы до сих пор поступило лишь подтверждение о приезде Риббентропа. Теперь ясно и Foreign Office, что уже некоторое время в Москве велись секретные переговоры с немцами, а здесь о них не было никакого представления. Лишь тогда можно будет точнее сказать о том, какие изменения в общеполитическую обстановку внесут эти обстоятельства, когда будет больше информации об этих переговорах и когда станет известным текст нового германосоветского договора. А пока здесь ходит много различных слухов. Между прочим, говорят, что речь между Германией и Россией шла не только о Польше, но также и о Прибалтийских государствах, о том, что Германия согласилась признать включение Финляндии, Эстонии и Латвии в зону особого влияния Советского Союза. Повторяю, однако, что сейчас это только слухи. Официального подтверждения им пока нет.

Общее мнение таково, что положение Польши станет теперь еще более тяжелым. Разумеется, и раньше Польша не ожидала прямой помощи от России. Однако неведение о том, какую позицию займет Россия в случае германопольского конфликта, все же вынуждало Германию к осторожности. Если же германорусское соглашение примет такую форму, что Германии не придется опасаться неожиданностей со стороны России, то Германия сможет действовать на Востоке более свободно. Однако и об этом можно будет сказать более определенно, когда прояснится объект германосоветского договора.

Ближайшие дни должны принести эту ясность.

Шмидт

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, ед. хр. 708, л. 300—302.

¹ Министерство иностранных дел Великобритании.

56 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

---

23 августа 1939 г.

Пожалуйста, немедленно сообщите Фюреру, что первая трех- часовая встреча со Сталиным и Молотовым только что закончи- лась. Во время обсуждения, которое проходило положительно в нашем духе, сверх того обнаружилось, что последним препят- ствием к окончательному решению является требование русских к нам признать порты Либава /Лиепая/ и Виндава /Вентспилс/ входящими в их сферу влияния. Я буду признателен за под- тверждение до 20 часов по германскому времени согласия Фюрера. Подписание секретного протокола о взаимном разгра- ничении сфер влияния во всей восточной зоне, на которое я дал свое принципиальное согласие, обсуждается.

Риббентроп

DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 220. Перевод с английского.

57 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

---

23 августа 1939 г.

На вашу телеграмму № 204.

Ответ: да, согласен.

Кордт

DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 221. Перевод с английского.

58 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ ПОСОЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ В МОСКВЕ

---

25 августа 1939 г.

Министру иностранных дел.

Фюрер был бы очень рад, если бы в рамках нынешнего соглаше- ния было бы зафиксировано, что в случае достижения согласия между Германией и Россией по проблеме Восточной Европы, оно бы касалось исключительно сфер интересов Германии и России.

Вайцеккер

DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 221. Перевод с английского.

23 августа 1939 г.

Правительство СССР и
Правительство Германии,
руководствуясь желанием укрепления дела мира между СССР и
Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года,

пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры и конфликты исключительно мирным путем в порядке дружеского обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За правительство
Германии
И. Риббентроп

Известия, 1939, 24 августа.

60 СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ДОГОВОРУ О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

23 августа 1939 г.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Литвы по отношению к Виленской области признаются линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Международная жизнь, 1989. № 9. С. 91—92.

61 ПОСОЛ ГЕРМАНИИ В МОСКВЕ МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ. Телеграмма

25 августа 1939 г.

Молотов сегодня вечером пригласил меня к себе и сказал, что ввиду большой спешки при составлении секретного дополнительного протокола в его тексте одна неточность. Конец первого пункта статьи 2 (два), согласно проведенным здесь переговорам, должен быть следующим: «по линии рек Писса, Нарев, Висла и Сан». /.../

Шуленбург

DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 295. Перевод с английского.

62 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ В ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В МОСКВЕ

25 августа 1939 г.

Должен еще раз подчеркнуть, что подписанный 23 августа в Москве секретный дополнительный протокол, а также всевозможные черновики следует хранить в строжайшем секрете. Все те ваши служащие и персонал, которым стало известно об этом документе, должны дать специальное обязательство о неразглашении и заверить это обязательство своей подписью¹.

¹ Так и было сделано: под обязательством о неразглашении были поставлены подписи 27 августа.

Ни одному лицу никоим образом нельзя сообщать о наличии этого документа или о его содержании.

Министр иностранных дел

DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 317. Перевод с английского.

63 ПИСЬМО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ ШТАБУ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЭСТОНИИ

Без даты

Посланнику Тоферу, посетившему 23. 08. Министерство иностранных дел для получения информации о германо-русском пакте, был дан следующий ответ:

1. Окончательный текст договора еще не составлен;
2. Основы договора ясны и просты;
3. Договором вряд ли будут затронуты третьи государства;
4. Друзья Германии и в дальнейшем останутся ее друзьями.¹

К. Сельтер

ЦГАОР ЭССР, ф. 495, оп. 12, ед. хр. 206, л. 34.

64 ПИСЬМО ЭСТОНСКОЙ МИССИИ В ПАРИЖЕ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ

25 августа 1939 г.

Со вчерашнего дня подготовка к войне идет здесь полным ходом. Вчера были объявлены 2 приказа о мобилизации: утром были призваны военнообязанные запаса категорий № 3 и № 4. Этот приказ был объявлен по всей стране. В полдень мобилизация была расширена частично (приграничные районы) на категорию военнообязанных запаса категории № 2. По приблизительным данным под знамена было призвано вчера более миллиона военнослужащих. Началась реквизиция автотранспорта, часть городских автобусов была направлена для транспортировки войск. Лица, работающие в военной промышленности, считаются мобилизованными по месту работы. Все отпуска прекращены и т. д.

Новый германо-советский договор вызвал здесь большое неудовольствие. Образ действий России считается здесь полным предательством во всех политических кругах, кроме коммунистов, чьи газеты стараются оправдать и даже возвеличить тактику Сталина. Интересно, однако, то, что в «Юманнте», как и в

¹ На документе сделана пометка: «Как быстро был составлен текст договора» Л/айдовер/ 24. 08. 39.

«Се Суар» по поводу внешней политики высказываются лишь деятели второго и даже третьего ранга. Кашен, Торез, Пери сохраняют полнейшее молчание. Сегодня ходят слухи, что, кроме подписанного соглашения между Россией и Германией, существует еще и секретный протокол, который будто бы развязал руки России в отношении Прибалтийских государств. Говорят также и о разделе части территории Польши между Германией и Россией.

А. Палло.
Советник миссии.

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, ед. хр. 701, л. 62.

65 ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ К. СЕЛЬТЕРА С ПОСЛАННИКОМ ГЕРМАНИИ Х. ФРОВЕЙНОМ

28 августа 1939 г.

Посланник Германии д-р Фровейн прибыл на беседу к министру иностранных дел 23 августа в 13.00 часов и сообщил следующее:

1. Слухи о том, что будто бы при заключении пакта о ненападении между правительствами Германии и Советской России велись в какой-либо форме переговоры или заключались сделки в ущерб или за счет Эстонии и других государств Балтийского моря, не имеют никакой основы. Договор Германии с Советской Россией никоим образом не затрагивает и не наносит ущерба интересам Эстонии. Напротив, этот пакт способствует устранению возможностей конфликта между Прибалтийскими государствами и их соседями.

2. На основе полученной от Германского иностранного ведомства информации он может утверждать, что навряд ли пакт мог бы быть подписан в таком виде, если бы Прибалтийские государства, и в первую очередь Эстония, не придерживались бы так твердо и неуклонно нейтрального направления в своей внешней политике.

3. Если бы сейчас разразилась война, то нет никакого сомнения в том, что Эстония сможет сохранить нейтралитет. В случае войны Эстония не была бы ею охвачена, а осталась бы за пределами опасного района.

Эти заявления германский посол сделал в тоне беседы.

К. С/ельтер/

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 17, ед. хр. 6, л. 36.

66 ПИСЬМО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ

31 августа 1939 г.

Х. фон Шуманн, позавчера прибывший из Германии, рассказал мне, в частности, следующее:

На Кенигсбергской восточной ярмарке он встречался с управляющим восточным отделом бюро Риббентропа д-ром Клейстом. В беседе по вопросам текущей политики д-р Клейст заметил, что в связи с переговорами между Германией и Советским Союзом была достигнута договоренность об известном сотрудничестве в польском вопросе. Россия дала согласие при условии, что Германия откажется от своих интересов в украинском вопросе и, таким образом она, Германия, восстановит свою предвоенную границу с Польшей. Россия со своей стороны потребовала себе находящиеся в Польше части Украины и Белоруссии, с чем Германия была вынуждена согласиться.

Георг Мери.

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 17, ед. хр. 6, л. 39.

67 ПИСЬМО ПОСЛАННИКА ЭСТОНИИ В МОСКВЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ.

31 августа 1939 г.

О германо-русском договоре о ненападении.

Германо-русское соглашение от 23 августа с. г. ясно показывает, насколько правильно оценивали обстановку те, кто и прошлой осенью, и в нынешнем году сомневались в том, что Россия честно ищет договоренностей с демократическими государствами и готова вступить всей своей мощью для «отпора агрессору». Можно даже спросить, не вела ли Москва вообще переговоры с Британией и Францией — по крайней мере в той части, которая касается последних военных переговоров — лишь для того, чтобы шантажировать Берлин и склонить его к заключению соглашения с Москвой. О том, что Сталин сам очень заинтересован в соглашении с Гитлером и давно уже заключил бы его в той или иной форме, если бы Гитлер пошел на это, подтверждал за последние два года ряд бежавших из России людей, близко стоявших к тайнам Кремля. Поэтому не приходится удивляться, что по сведениям, полученным от сотрудников здешнего посольства Германии, инициатива подписания договора 23 августа исходила от Москвы. Именно русские при переговорах о заключении торгового соглашения намекали на то обстоятельство, что углубле-

ние экономического сотрудничества предполагает улучшение политических отношений и поэтому оно было бы необходимо.

Если задним числом вспомнить соответствующий раздел речи Сталина на съезде партии в марте с. г. и выступление Молотова на сессии Верховного Совета в мае, то окажется, что полученная от немцев информация как будто соответствует истине, поскольку полностью согласуется с заявлениями Сталина и Молотова. А именно, в этих обеих речах было достаточно ясно дано понять, что в Москве с радостью готовы установить хорошие отношения с Германией. И в конце концов замена Литвинова Молотовым не была ли одной из причин желания устранить формальные препятствия для проведения каких-то более серьезных переговоров с Берлином? (С евреем Риббентроп не стал бы разговаривать!).

В отношении последних переговоров в Кремле 23 августа сотрудники германского посольства говорят еще то, что в действительности партнером Риббентропа и Гауса¹ по переговорам был сам Сталин, поскольку Молотов лишь демонстрировал свое полное согласие со Сталиным, когда тот справлялся о его мнении по каким-то вопросам. Во время интимного ужина, последовавшего после подписания договора, на котором присутствовали с немецкой стороны Риббентроп, Гаус, чрезвычайный и полномочный посол граф Шуленбург, Сталин был в очень хорошем настроении и довольно много употреблял алкоголя, к которому будто бы был очень стоек. В завершение Сталин даже поднял бокал за здоровье Адольфа Гитлера. Со слов Гауса, который принимал участие в бесчисленных переговорах и подписании договоров, такой приятной атмосферы, как в данном случае, он никогда не ощущал. Удовлетворенность Сталина достигнутым договором ясно видна по выражению его лица на фотографии, сделанной в Кремле 23 августа и опубликованной в здешних газетах на следующее утро.

Хотя пакт от 23 августа идет по своему содержанию значительно дальше обычного договора о ненападении (напр. между нами и Германией), все же нет оснований полагать, что между Москвой и Берлином сразу же возникнут доверительные дружеские отношения. Кинжалы, которыми стороны угрожали друг другу изо дня в день, лишь временно спрятаны за пазуху и во взаимных скандалах наступит на какое-то время перерыв, однако каждая из сторон знает очень хорошо, что нацизм и большевизм, как были, так и останутся смертельными врагами, **которые каждое мгновение готовы уничтожить друг друга, как только представится возможность.** Поэтому, как я полагаю, имеется достаточно оснований считать достойными доверия и достоверными слухи о том,

¹ Фридрих Гаус — заведующий юридическим отделом Министерства иностранных дел Германии.

что на переговорах в Москве 23 августа было достигнуто единое мнение также и в вопросе о том, что обе стороны заинтересованы в существовании независимых Прибалтийских государств. О том, что между сторонами состоялся подобный разговор и соответствующее ему «джентльменское соглашение» (если в данном случае можно употребить это выражение), подтвердил мне новый чрезвычайный и полномочный посол США, который подчеркнул, что говорит, основываясь не на предположениях, но имея определенные сведения о том, что так оно и было. Еще до опубликования соответствующего заявления в Берлине сотрудники здешнего посольства Германии подчеркивали, что разговоры о заключении соглашения «за счет» Прибалтийских республик полностью абсурдны. Как раз наоборот, заверяют работники германского посольства, результатом Московского пакта является то, что если на Западе вспыхнет война, то Балтийское море останется регионом мира. Этим заверениям, по моему мнению, можно верить потому, что также и после подписания пакта 23 августа ни в разделе «Прибалтийских государств» между Германией и Советским Союзом, ни в создании общей границы ни одна сторона как будто бы не заинтересована. Каждому из «новых» друзей все же полезнее, если бы между ними находился пояс буферных государств.

Тому, что лицо Сталина на фотографии 23 августа выражает чувства удовлетворения и удовольствия, не приходится удивляться. Об этом пакте он мечтал по меньшей мере два года и вряд ли представлял себе, что эта мечта может осуществиться таким благоприятным образом. Антикоминтерновский пакт разрушен, и германо-японской дружбе нанесен такой удар, от которого она так легко вскоре не оправится. Россия пока может оставаться в стороне от большой войны в Европе, сохраняя за собой возможность вмешаться своими силами и ударить в подходящий, по ее мнению, момент, обеспечивающий успех. Таким образом, Москва стала суперарбитром в большой войне, которая разделила Европу на два лагеря. То, что пакт также выгоден Гитлеру, более чем сомнительно. «Бомба», разорвавшаяся в Москве 23 августа, все-таки не оказала такого потрясающего влияния, чтобы Лондон и Варшава, испугавшись, сдались и приняли бы Мюнхен № 2. В большой дипломатической игре эта «бомба» не произвела настолько большого эффекта, на который Гитлер, вероятно, рассчитывал. /.../

А. Рей. Посланник.

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, ф. 957, оп. 14, ед. хр. 702, л. 131—136.

31 августа 1939 г.

/.../ Всем известно, что на протяжении последних шести лет, с приходом национал-социалистов к власти, политические отношения между Германией и СССР были натянутыми. Известно также, что, несмотря на различие мировоззрений и политических систем, советское правительство стремилось поддерживать нормальные деловые и политические отношения с Германией. Сейчас нет нужды возвращаться к отдельным моментам этих отношений за последние годы, да они нам, товарищи депутаты, и без того хорошо известны. Следует, однако, напомнить о том разъяснении нашей внешней политики, которое было сделано несколько месяцев тому назад на XVIII партийном съезде /.../ Т. Сталин предупреждал против провокаторов войны, желающих в своих интересах втянуть нашу страну в конфликт с другими странами.

/.../ Как видите, т. Сталин бил в самую точку, разоблачая проноски западно-европейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз.

Надо признать, что и в нашей стране были некоторые близорукые люди, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией, забывали об этой провокаторской работе наших врагов. Тов. Сталин, учитывая это обстоятельство, еще тогда поставил вопрос о возможности других, невраждебных добрососедских отношений между Германией и СССР.

Теперь видно, что в Германии в общем правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы. (Смех.)

Заключение советско-германского договора о ненападении свидетельствует о том, что историческое предвидение т. Сталина блестяще оправдалось. (**Бурная овация в честь тов. Сталина.**)

/.../ Советское правительство и раньше считало желательным сделать дальнейший шаг вперед в улучшении политических отношений с Германией, но обстоятельства сложились так, что это стало возможным только теперь. Дело, правда, идет в данном случае не о пакте взаимопомощи, как это было в англо-франко-советских переговорах, а только о договоре ненападения. Тем не менее в современных условиях трудно переоценить международное значение советско-германского договора.

Вот почему мы положительно отнеслись к приезду германского министра иностранных дел г. фон Риббентропа в Москву.

23 августа 1939 года, когда был подписан советско-германский договор о ненападении, надо считать датой большой исторической важности. Договор о ненападении между СССР и Германи-

ей является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы.

Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам внешнюю политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась, и мы перестали быть врагами. Политическое искусство в области внешних отношений заключается не в том, чтобы увеличивать количество врагов для своей страны. Наоборот, политическое искусство заключается здесь в том, чтобы уменьшить число таких врагов и добиться того, чтобы вчерашние враги стали добрыми соседями, поддерживающими между собою мирные отношения. **(Аплодисменты.)**

... Советско-германский договор о ненападении кладет конец вражде между Германией и СССР, а это в интересах обеих стран. Различие в мировоззрениях и в политических системах не должно и не может быть препятствием для устройства хороших политических отношений между обоими государствами. /.../ Только враги Германии и СССР могут стремиться к созданию и раздуванию вражды между народами этих стран. Мы стояли и стоим за дружбу народов СССР и Германии, за развитие и расцвет дружбы между народами Советского Союза и германским народом. **(Бурные продолжительные аплодисменты.)**

Главное значение советско-германского договора о ненападении заключается в том, что два самых больших государства Европы договорились о том, чтобы положить конец вражде между ними, устранить угрозу войны и жить в мире между собой. Тем самым поле возможных военных столкновений в Европе суживается. Если даже не удастся избежать военных столкновений в Европе, масштаб этих военных действий теперь будет ограничен. Недовольными таким положением дел могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе, те, кто под маской миролюбия хотят зажечь всеевропейский военный пожар.

Советско-германский договор подвергся многочисленным нападкам в англо-французской и американской прессе /.../ Эти люди требуют, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии. Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны? **(Смех.)** /.../ Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть воюют сами, без Советского Союза. **(Смех. Аплодисменты.)** Мы бы посмотрели, что это за вояки. **(Смех. Аплодисменты.)**

В наших глазах, в глазах всего советского народа, это такие же враги мира, как и все другие поджигатели войны в Европе...

Советско-германский договор о ненападении означает поворот в развитии Европы, поворот в сторону улучшения отношений между двумя самыми большими государствами Европы. Этот договор не только дает нам устранение угрозы войны с Германией, суживает поле возможных военных столкновений в Европе и слу-

жит, таким образом, делу всеобщего мира — он должен обеспечить нам новые возможности роста сил, укрепление наших позиций, дальнейший рост влияния Советского Союза на международное развитие /.../

Правда, 1939, 1 сентября.

69 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ ПОСОЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ В МОСКВЕ.

---

1 сентября 1939 г.

Посланнику в Хельсинки недавно даны полномочия ответить на запрос министра иностранных дел Финляндии о том, заключались ли во время немецко-советских переговоров какие-либо соглашения, касающиеся Финляндии. Теперь министр иностранных дел Латвии обратился к нашему посланнику в Риге с тем же вопросом, высказав при этом пожелание опубликовать ответ нашего посланника. Мы намереваемся уполномочить нашего посланника ответить, что основой наших отношений с Латвией является подписанный пакт о ненападении и, разумеется, мы не свяжем себя никаким договором, который противоречил бы его содержанию.

Однако, прежде чем он получит это поручение, нам желательно было бы знать, дало ли Советское правительство на представленный ему вопрос аналогичный ответ.

Прошу обсудить этот вопрос с г-ном Молотовым и немедленно телеграфировать ответ.

Вайцеккер

DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 491. Перевод с английского.

70 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА ГЕРМАНИИ В МОСКВЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

---

2 сентября 1939 г.

/.../ Молотов сообщил в 3 часа дня после консультации со Сталиным о согласии Советского правительства с содержанием ответа, который мы намереваемся направить Латвии.

Советским представителям даны инструкции выступать в том же духе и вообще исходить из позиций, изложенных в речи Молотова¹.

Шуленбург

DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 521. Перевод с английского.

¹ Имеется в виду речь Молотова 31 августа 1939 г. по поводу ратификации советско-германского договора о ненападении.

71

НОТА ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР, ВРУЧЕННАЯ ПОЛЬСКОМУ ПОСЛУ В МОСКВЕ

---

17 сентября 1939 г.

Господин посол!

Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволнить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР
В. Молотов.

Известия, 1939, 18 сентября.

72

ТЕЛЕГРАММА ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

---

20 сентября 1939 г.

Совершенно секретно! Молотов заявил мне сегодня, что советское правительство считает, что теперь для него, как и для правительства Германии, созрел момент для окончательного определе-

ния структуры польских территорий. В связи с этим Молотов дал понять, что первоначальное намерение, которое вынашивалось советским правительством и лично Сталиным, — допустить существование остатка Польши — теперь уступило место намерению разделить Польшу по линии Писса-Нарев-Висла-Сан. Советское правительство желает немедленно начать переговоры по этому вопросу и провести их в Москве, поскольку такие переговоры с советской стороны обязаны вести лица, наделенные высшей властью, не могущие покинуть Советский Союз. Прошу телеграфных инструкций.

Шуленбург

ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 82. Перевод с немецкого.

73 ГЕРМАНО-СОВЕТСКОЕ КОММЮНИКЕ

---

22 сентября 1939 г.

Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков.

Правда, 1939, 23 сентября.

74 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛУ В МОСКВЕ

---

23 сентября 1939 г.

Мы также считаем, что пришло время определить договором с советским правительством окончательную структуру польских территорий. Идея русских о пограничном рубеже по линии хорошо известных четырех рек в общем совпадает с точкой зрения Имперского правительства. Первоначально я намеревался пригласить господина Молотова в Германию для того, чтобы здесь оформить этот договор. Учитывая Ваше сообщение о том, что руководители там не могут покинуть Советский Союз, мы соглашаемся на переговоры в Москве. Вопреки моему первоначальному намерению возложить на Вас ведение этих переговоров, я решил прилететь в Москву сам. Это, в частности, потому, что в этом случае, учитывая полномочия, данные мне Фюрером, будет возмож-

ным обойтись без контрзапросов и т. п., а следовательно, заключение переговоров может быть ускорено. Учитывая общую ситуацию, время моего пребывания в Москве должно ограничиться одним, самое большее, двумя днями. Пожалуйста, свяжитесь с господами Сталиным и Молотовым и телеграфируйте мне самую раннюю из предложенных [ими] дат.

Риббентроп

ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 96. Перевод с немецкого.

75 ТЕЛЕГРАММА ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

---

25 сентября 1939 г.

Сталин и Молотов просили меня прибыть в Кремль сегодня в 20 часов. Сталин заявил следующее. При окончательном урегулировании польского вопроса нужно избежать всего, что в будущем может вызвать трения между Германией и Советским Союзом. С этой точки зрения он считает неправильным оставлять независимым остаток польского государства. Он предлагает следующее: из территорий к востоку от демаркационной линии все Люблинское воеводство и та часть Варшавского воеводства, которая доходит до Буга, должны быть добавлены к нашей порции. За это мы отказываемся от претензий на Литву.

Сталин указал на это предложение как на предмет будущих переговоров с Имперским Министром иностранных дел и добавил, что, если мы согласны, Советский Союз немедленно возьмется за решение проблемы Прибалтийских государств, в соответствии с Протоколом от 23 августа, и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства. Сталин подчеркнул указал на Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул Финляндию.

Я ответил Сталину, что доложу своему правительству.

Шуленбург

ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 101. Перевод с немецкого.

76 ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

---

28 сентября 1939 г.

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривает исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой тер-

ритории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II

Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР.

Статья IV

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 года

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Известия, 1939, 29 сентября.

77 СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

---

28 сентября 1939 г.

Нижеподписавшиеся уполномоченные констатируют согласие Германского Правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п. 1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит в юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов.

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Москва, 28 сентября 1939 года

Международная жизнь, 1989. № 9. С. 94.

78 СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

---

28 сентября 1939 г.

Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатировали свое согласие в следующем:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они

ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Москва, 28 сентября 1939 года

Международная жизнь, 1989. № 9. С. 93.

79 ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ

---

28 сентября 1939 г.

Правительство СССР не будет препятствовать немецким гражданам и другим лицам германского происхождения, проживающим в сферах его интересов, если они будут иметь желание переселиться в Германию или в сферы германских интересов. Оно согласно, что это переселение будет проводиться уполномоченными Германского Правительства в согласии с компетентными местными властями и что при этом не будут затронуты имущественные права переселенцев.

Соответствующее обязательство принимает на себя Германское Правительство относительно лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих в сферах его интересов.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Международная жизнь, 1989. № 9. С. 93.

80 ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО И ГЕРМАНСКОГО ПРА- ВИТЕЛЬСТВА

---

28 сентября 1939 г.

После того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Герма-

нией с одной стороны и Англией и Францией с другой стороны отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят свои общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Известия, 1939, 29 сентября.

81 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ МИССИЯМ ГЕРМАНИИ В ТАЛЛИННЕ, РИГЕ И КАУНАСЕ

---

3 октября 1939 г.

Посланникам.

Министр иностранных дел просит вас при обсуждении немецко-русских отношений и их возможных последствий для Прибалтийских государств проявлять крайнюю сдержанность и избегать каких-либо разъяснений по этому вопросу. /.../

Верман

ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 156. Перевод с немецкого.

82 ЗАЯВЛЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ г. фон РИББЕНТРОПА

---

30 сентября 1939 г.

Перед отъездом из Москвы министр иностранных дел Германии г. фон Риббентроп сделал сотруднику ТАСС следующее заявление:

«Мое пребывание в Москве опять было кратким, к сожалению, слишком кратким. В следующий раз я надеюсь пробыть здесь больше. Тем не менее мы хорошо использовали эти два дня. Было выяснено следующее:

1. Германо-советская дружба теперь установлена окончательно.

2. Обе стороны никогда не допустят вмешательства третьих держав в восточно-европейские вопросы.

3. Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную борьбу против Германии.

4. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это.»

Министр указал далее на достигнутое вчера между правительством Германии и правительством СССР соглашение об обширной экономической программе, которая принесет выгоду обоим державам.

В заключение г. фон Риббентроп заявил: «Переговоры происходили в особенно дружественной и великопленной атмосфере. Однако прежде всего я хотел бы отметить исключительно сердечный прием, оказанный мне советским правительством и в особенности гг. Сталиным и Молотовым».

Правда, 1939, 30 сентября.

83 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ ПОСЛАННИКАМ ГЕРМАНИИ В ТАЛ- ЛИННЕ, РИГЕ И ХЕЛЬСИНКИ

7 октября 1939 г.

/.../ Только посланникам лично:

В дополнение к нашим телеграммам /.../ сообщаю вам строго секретно только для вашего сведения еще следующее:

На Московских переговорах с Советским правительством в строго секретном порядке обсуждалось разделение сфер взаимных интересов в Восточной Европе, т. е. на территориях прежнего Польского государства, а также Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Одновременно была также достигнута договоренность о разделении сфер взаимных интересов в отношении территориально-политических изменений на этих землях. При этом о границе, установленной на территории прежнего Польского государства, обществу стало известно из статьи 1 германо-советского договора о дружбе и границе, заключенного 28 сентября. В остальном линия совпадает с германо-литовской границей. Из этого вытекает, что Литва, Латвия, Эстония и Финляндия не входят в вышеуказанном смысле в сферу интересов Германии. От каких-либо разъяснений по упомянутой тематике прошу и в дальнейшем воздерживаться.

Министр иностранных дел.

ADAR. Ser. D. Bd. VIII. S. 186. Перевод с немецкого.

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПРИБАЛТИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА. ПРЕДЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИ- ТЕЛЬСТВА О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА О ВЗАИМОПОМОЩИ

Возникновение войны поставило перед Прибалтийскими государствами вопрос: что предпринять для защиты своей безопасности? В Латвии и Литве была проведена частичная мобилизация, эстонское же правительство решило отказаться от подобного шага.

Международные осложнения для Эстонии возникли из-за инцидента с польской подводной лодкой «Орзел», которая вошла в Таллиннскую гавань в ночь на 15 сентября по причине незначительной технической неисправности. В соответствии с международными соглашениями подлодку интернировали, и было начато ее разоружение. Однако, поскольку команда оставалась на корабле и слабо охранялась, в ночь на 18 сентября лодка скрылась в западном направлении и благополучно прибыла в Англию. Причиной бегства подводной лодки послужила начатая 17 сентября агрессия СССР против Польши. Советское правительство остро реагировало на бегство «Орзела». Под предлогом поисков подводной лодки самолеты и корабли СССР нарушили границу Эстонии, один из кораблей даже обстрелял ее территорию.

Начало войны вызвало экономические трудности и у нейтральных стран. Значительная часть внешнеторговых связей оборвалась, обмен товарами со многими странами был затруднен. Это обстоятельство создало предпосылки для роста торгового обмена между Прибалтийскими государствами и Советским Союзом. Со своей стороны, Советский Союз также был заинтересован в расширении экономических связей с Эстонией и особенно в транзитных перевозках через ее территорию.

Для заключения нового торгового соглашения в Москву 12 сентября выехал директор отдела внешней торговли Министерства иностранных дел Г. Мери. Переговоры развивались успешно, и в течение 10 дней соглашение было достигнуто. Для его подписания в Москву 24 сентября прибыл министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер.

К тому времени созрели предпосылки для осуществления до-

полнительных протоколов пакта Молотова—Риббентропа, касающихся Прибалтийских государств. 25 сентября И. Сталин предложил послу Германии пересмотреть соглашение о сферах советско-германских интересов таким образом, чтобы СССР в обмен на основную часть территории Литвы представил бы Германии часть территории Польши. По словам графа Шуленбурга, беседа закончилась следующим образом: Сталин сослался на это предложение, как на тему предстоящих переговоров с министром иностранных дел Германии и добавил, что если мы согласны с этим, то Советский Союз сразу приступил бы, в соответствии с протоколом от 23 августа, к урегулированию проблемы Прибалтийских государств, ожидая при этом полной поддержки правительства Германии. Сталин подчеркнул обращал внимание на Эстонию, Латвию и Литву, однако не упомянул Финляндии.

Ко времени этого разговора Москва уже сделала первый шаг для решения «Прибалтийской проблемы». Дело в том, что вечером 24 сентября в Кремле начались переговоры между К. Сельтером и А. Реем, с одной стороны, и А. Микояном и В. Молотовым, с другой. В. Молотов обратил внимание представителей Эстонии на побег «Орзела» и подчеркнул, что Политбюро ВКП(б) и Советское правительство решили потребовать у Эстонии гарантий для обеспечения своей безопасности. При этом он в категорической форме предъявил требование о заключении советско-эстонского договора о взаимной помощи, на основе которого Советский Союз должен получить военно-морские и военно-воздушные базы на территории Эстонии. Возражения эстонских представителей не были приняты во внимание. Согласились на том, что министр иностранных дел Эстонии выедет в Таллинн для информирования правительства и парламента.

Вечером, в 24 часа, представителей Эстонии вновь пригласили на совещание, во время которого им был предъявлен проект договора о взаимной помощи.

Содержание всех вышеупомянутых, а также последующих переговоров по поводу договора о взаимной помощи фиксировались Министерством иностранных дел Эстонии в протокольных обзорах по свежим следам событий на основе письменных заметок и устных объяснений членов эстонской делегации.

25 сентября К. Сельтер вылетел через Ригу в Таллинн для того, чтобы сообщить президенту, правительству, парламенту и главнокомандующему вооруженными силами о сложившейся обстановке.

84 ТЕЛЕГРАММА ВОЕННОГО АТТАШЕ ЭСТОНИИ В ЛАТВИИ В ШТАБ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЭСТОНИИ

1 сентября 1939 г.

Меня информировали сейчас в штабе Латвии о том, что здесь намереваются призвать, вероятно, три последние возрастные группы, численностью около шестнадцати тысяч человек. Одновременно меня просили информировать, какое количество военнослужащих запаса мы призываем на военную службу. Поскольку военный министр предполагает выступить сегодня или завтра с предложением, то эти сведения он мог бы использовать для обоснования своего предложения. Ответ прошу дать мне немедленно. Все. Эти сведения сейчас еще совершенно конфиденциальны¹. Все.

Моллин.

ЦГАОР ЭССР, ф. 495, оп. 12, ед. хр. 204, л. 17.

85 ПОВЕРЕННЫЙ В ДЕЛАХ США В ЭСТОНИИ ГОСУ- ДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ США

5 сентября 1939 г.

/.../ Министерство иностранных дел и начальник Генерального штаба Эстонии считают необоснованными слухи о секретном германо-советском соглашении, предусматривающем оккупацию Эстонии; они не верят, что нынешние перемещения советских войск на западной границе указывают на это.

Леонард

FRUS. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933—1938. P. 937. Перевод с английского.

¹ На документе пометка: Доложено полковнику Маазингу — приказано ответить, что военнослужащие запаса у нас не призываются и подобных намерений у нас нет. Учебные сборы, не внеочередные, проводятся в соответствии с годовыми планами, общая численность вооруженных сил немного возрастет, т. к. в связи с переходом на полуторагодовой срок службы, солдат сейчас не увольняют в запас, а молодые прибывают согласно плану. Ответ подполковнику Моллину передан. Подполковник Моллин еще спросил, какое количество офицеров и унтер-офицеров оставлено для прохождения службы после завершения учебных сборов и сколько их всего; ответили, что служить не оставляют никого, и что вообще их столько, сколько в одной части может быть, т. к. сборы мы проводим по воинским частям. Нач. от.* о вопросах и ответах информирован.

А. Кургвел, капитан.

* Начальник отдела.

86 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛАННИКА ГЕРМАНИИ В ТАЛЛИННЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

19 сентября 1939 г.

Министр иностранных дел¹ высказал сегодня тревогу в связи с вторжением России в Польшу. Учитывая непредсказуемость поведения русских, невозможно предвидеть, не будет ли экспансия этого государства в Европе направлена также против Прибалтийских государств. Возникает важный вопрос, захочет ли и сможет ли Германия в этих условиях оказать им помощь. Затем министр зачитал мне выдержку из турецкой газеты, в которой приводится сообщение из Москвы, что будто бы Германия признала необходимость присоединения Прибалтийских государств и их портов к Советской России. Я немедленно заявил, что это сообщение исходит от английских агентов и имеет ярко выраженный провокационный характер /.../

Военный атташе сообщает об опасениях, которые испытывает Генеральный штаб в связи с тем, что Советский Союз, которому Германия предоставила свободу действий в отношении Прибалтийских государств, ищет повода для использования этого шанса.

Фровейн

ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 79. Перевод с немецкого.

87 ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПЕРВОГО ПОМОЩНИКА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЭСТОНИИ ПОЛКОВНИКА Р. МААЗИНГА

/.../ Во второй половине сентября военно-политическая обстановка на южном фланге Прибалтийских государств внезапно изменилась к худшему. Броневойска и авиаармии Германии быстро сломили сопротивление Польши. Неожиданно почти миллионная армия России 17 сентября вторглась в Восточную Польшу и оккупировала ее. Нападение Советской России на Польшу осуществлялось очень большими броне- и моторизованными войсками. В течение трех недель войска Германии, а позже Советской России, уничтожили почти 3-миллионную армию Польши и 38-миллионное Польское государство. Мы убедились, что Германия и Советская Россия действуют рука об руку.

Разгром Польши изолировал Прибалтийские государства на суше от остального мира. Путь на Запад у нас оставался лишь через Скандинавию.

Эти события показали нам, что Советская Россия сконцентри-

¹ Министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер.

ровала на своих западных границах от Балтики до Черного моря очень большие вооруженные силы, которые готовы к нападению на своих меньших соседей. Во второй половине сентября Советская Россия начала сосредотачивать в районе Вильно многочисленную бронетанковую армию, которая угрожала Прибалтийским государствам с юга в направлении Вильно—Каунас—Рига—Валга.

Во второй половине сентября у штаба Вооруженных сил Эстонии уже сложилось ясное представление о силах и вооружении Советской России, подтянутых к границам Эстонии. Они составляли:

На Нарвском направлении в районе Кингисеппа:

- 10-я пехотная дивизия
- 16-я пехотная дивизия
- 24-я моторизованная дивизия
- 12-я танковая бригада
- 13-я танковая бригада
- 18-я танковая бригада
- 2-й моторизованный полк воздушной обороны
- 225-й моторизованный артиллерийский дивизион
- 110-й артиллерийский полк

На Изборском направлении в районе Пскова:

- 56-я пехотная дивизия
- 90-я пехотная дивизия
- 161-я пехотная дивизия
- 1-я танковая дивизия
- 2-я танковая дивизия
- 20-я танковая бригада
- 96-й и 133-й артиллерийские полки

На приграничных аэродромах:

- 10-я, 55-я и 78-я авиабригады
- 15-й, 35-й, 38-й, 50-й, 63-й и 80-й авиаполки.

.../

Общее количество войск Советской России на границе с Эстонией составляло:

- 160.000 человек
- 700 орудий
- 600 танков
- 600 самолетов

Эти силы Советская Россия могла удвоить за несколько недель.

.../

Eesti ja N. Liidu sõjaväeliste delegatsioonide läbirääkimisi 1939. a. oktoobris // Eesti riik ja rahvas II maailmasõjas. II. Stockholm, 1955. Lk. 46—48.

(Переговоры военных делегаций Эстонии и Советского Союза в октябре 1939 г. // Народ и государство Эстонии во II мировой войне. II. Стокгольм, 1955. С. 46—48).

Сентябрь 1939 г.

/.../ После полуночи в ночь с 17 на 18 сентября у меня на квартире зазвонил телефон. Звонил адъютант главнокомандующего, который сообщил, что интернированная польская подводная лодка обратилась в бегство и главнокомандующий дал приказ начальнику Морской крепости открыть по ней огонь. Одновременно адъютант сообщил по указанию главнокомандующего, что мне нет необходимости являться в штаб, т. к. оперативному отделу не дано поручений в связи с бегством подводной лодки. В то же время с моря слышались глухие звуки артиллерийской стрельбы. Они доносились со стороны Морской крепости, которая открыла огонь по уходящей польской подводной лодке. Для получения более подробной информации позвонил начальнику Морской крепости полковнику К. Фрейману, который пояснил, что с Аэгна и Найссаара была замечена подводная лодка, двигавшаяся в надводном положении. После первых выстрелов, преградивших путь лодке, она остановилась. В Морской крепости решили, что подлодка отказалась от попытки бегства, и прекратили огонь. Вскоре было замечено, что лодка погружается. Морская крепость вновь открыла огонь, однако подлодка быстро скрылась под водой. /.../

По делу бегства подводной лодки было срочно проведено следствие, которое показало виновность в происшедшем командующего морскими силами капитана военно-морских сил В. Мере и начальника штаба военно-морских сил капитана Р. Линнусте. Оба офицера были сняты с должности и уволены с военной службы.

Бегство интернированной подводной лодки вызвало острую критику. Ответственные за интернирование должностные лица обвинялись даже в пособничестве бегству. Следствием не было установлено, что с нашей стороны бегству было оказано прямое содействие. В то же время в Эстонии тогда говорили, что бегству подлодки способствовала эстонско-польская дружба, и в этом была частичка правды. Польша относилась к Эстонии дружески, и наш народ также глубоко сочувствовал польскому народу, ставшему жертвой агрессии. Руководство Военно-морскими силами при выполнении своих функций также не намеревалось проявлять жестокость по отношению к своим братьям по оружию — польским морякам. Когда поляки в субботу попросили разрешения сходить в баню, а затем еще раз переночевать на лодке, то руководству морских сил по-человечески было тяжело отказать в этой просьбе. Организованная военно-морским

руководством охрана интернированного судна в виде двух постов не отвечала требованиям момента. Этого было бы достаточно при условии, что команда будет удалена с лодки. Два дежурных поста не в состоянии воспрепятствовать побегу лодки с полным комплектом команды на борту, если не приняты другие меры предосторожности. Можно было откачать топливо с корабля, однако на это не было указания руководства Военно-морских сил. У нас было распространено мнение, что поляки пришли к нам добровольно, что им хорошо у нас, что у них никаких причин к бегству нет. Поэтому надзору за ними должного внимания не уделялось. Возможно, что и сами поляки придерживались того же мнения, однако позже возникло новое обстоятельство, которое изменило положение. Дело в том, что рано утром 17 сентября стало известно, что Советский Союз напал на Польшу. Экипаж, возможно, еще и не догадывался об этой угрозе со стороны Советского Союза, но это было известно польской и английской миссиям, что поддерживали связь с экипажем подлодки и от них поступила соответствующая информация и, надо полагать, также и совет уйти в Англию. Воскресенье 17 сентября, был подходящим днем для побега — работы по разоружению подлодки были приостановлены, и поляки без помех могли подготовиться к побегу.

О дальнейшей судьбе и действиях «Орзела» известно, что из Таллинна он взял курс на Готланд, где обоих караульных высадили на берег на резиновой лодке. После двухнедельного пребывания в Балтийском море лодка рискнула прорваться сквозь минированный и охраняемый немцами пролив Эрезунд и достигла Англии. Там она действовала в составе Английского флота и позже погибла. / . . /

Во второй половине сентября в связи с побегом польской подводной лодки из Таллинна и последовавшим затем внезапным резким пропагандистским наступлением Советского Союза на Эстонию, положение еще больше ухудшилось. В этой ситуации главнокомандующий посчитал необходимым установить контакт с руководством нашего союзника — латвийской армии. Было уже утро 20 сентября, когда я получил приказ начальника штаба Вооруженных сил быть готовым сопровождать главнокомандующего в его поездке для встречи с латышами. Было приказано взять с собой наш оперативный план сотрудничества с армией союзника. Главнокомандующий со своей стороны предложил латышам встретиться в Валга, где мы уже ранее неоднократно встречались с военным руководством Латвии на переговорах по оборонительному сотрудничеству в связи с совместными учениями штабов и т. д. Однако на этот раз встреча союзников не состоялась. Как нам сказал начальник штаба Вооруженных сил, латыши будто бы сообщили, что встреча с эстонцами сейчас невозможна по причине недостатка времени. Это, конечно, не могло

быть причиной отказа от встречи с главнокомандующим Вооруженными силами Эстонии — это был лишь предлог, т. к. мы могли бы поехать и в Ригу, если у латышей не хватало времени на поездку в Валга. Можно предположить, что латышей встревожил инцидент с польской подводной лодкой, происшедший несколькими днями раньше, и последовавшая затем пропагандистская атака Москвы против Эстонии. Поведение латышей произвело на наш штаб удручающее впечатление и вызвало на какое-то мгновение воспоминание о нашем общем историческом прошлом. Во время освободительной войны мы поспешили на помощь в Латвию и Ригу, когда им понадобилась наша помощь. Теперь же с нами не захотели даже говорить. 20 сентября нам стало ясно, что мы остались в одиночестве с нашими заботами и, несмотря на союзный договор с Латвией, должны были полагаться в дальнейшем лишь на свои силы. Прямым следствием этого факта было то, что в планах сосредоточения мобилизуемых войск на южном фронте следовало произвести реорганизацию /.../

Luts A. Heitiuste keerises. Lund, 1975. Lk. 89—90.
(Лутс А. В водовороте борьбы. I. С. 89—90.)

89 ЗАПИСЬ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА ЭСТОНСКОГО ПОСЛАННИКА В МОСКВЕ С МИНИСТЕРСТВОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ

---

19 сентября 1939 г.

/.../ Он был вызван в 13 часов (12 часов по нашему времени) к Молотову. Молотов просил предостеречь правительство Эстонии самым серьезным образом и сообщить, что правительство СССР разрешит своему флоту предпринять поиски польской подводной лодки также в ближайших окрестностях Таллинна, т. к. оно не может позволить оставаться лодке в море, так как она вооружена торпедами.

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 17, ед. хр. 7, Л. 37.

90 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛАННИКА ИТАЛИИ В ТАЛЛИННЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИТАЛИИ

---

21 сентября 1939 г.

Появление русских военных кораблей в Балтийском море вызвало сильное возбуждение среди населения.

Правительство сообщило, что оно предварительно было инфор-

мировано советским руководством. Дело касается поисков польской подводной лодки «Орзел», которая вначале находилась в Таллиннской гавани, и, совершив затем побег из-под охраны местных властей, скрылась опять в открытом море.

Объяснения правительства считаются мало удовлетворительными. Опасаются, что под предлогом этого факта русские никогда не покинут территориальные воды Эстонии, а продолжат жестокую блокаду ее берегов, что явилось бы шагом к подготовке оккупации страны.

Демонстрация флота и предполагаемая концентрация войск на границе служат тому, чтобы окончательно убедить правительство Эстонии в бесполезности какого-либо сопротивления.

Чикконарди

DDI. Nona ser. Vol. I. P. 107. Перевод с итальянского.

91 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА США В СССР ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ США

23 сентября 1939 г.

/.../ Завтра в Москву прибывает министр иностранных дел Эстонии. Сотрудник эстонской миссии конфиденциально сообщил мне, что целью этого визита является подписание советско-эстонского торгового соглашения, предусматривающего улучшение возможностей для транзита и хранения в Эстонии советских товаров, а также аналогичного улучшения для эстонских товаров в Советском Союзе. Соглашение, кроме того, предусматривает увеличение товарооборота между двумя странами. Очевидно, переговоры о договоре носили срочный характер, т. к. о их начале было объявлено лишь 15 сентября. Хотя мой информатор и высказался неопределенно по этому вопросу, у меня сложилось впечатление, что советская сторона была инициатором начала переговоров.

Информатор утверждал, будто целью визита министра иностранных дел является подписание торгового соглашения, но также признал, что визит осуществляется по приглашению Советского правительства, и во время него могут обсуждаться и политические вопросы, однако был не в состоянии определить их характер.

Из вышеприведенного можно заключить, что Советское правительство заключает это соглашение с Эстонией для улучшения возможностей транзита товаров, направляемых в Германию. Предусмотренное увеличение экспорта из Эстонии в Советский Союз вряд ли может быть очень важным для последнего.

Я считаю возможным, что в ходе переговоров министра иност-

ранных дел Эстонии могли обсуждаться гораздо более далеко идущие вопросы, касающиеся укрепленных эстонских островов в устье Финского залива.

Штейнгардт

FRUS. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933—1939. P. 939—940.
Перевод с английского.

92 ПИСЬМО ПОСЛАННИКА ЛАТВИИ В ТАЛЛИННЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЛАТВИИ¹

23 сентября 1939 г.

/.../ Вчера после полудня был приглашен к министру иностранных дел Сельтеру.

/.../ На следующий день после начала войны у него состоялся разговор с посланником Советской России Никитиным о желательности нового торгового договора. Спустя несколько дней, посланник сказал, что Москва с удовольствием вступила бы в переговоры с представителем Эстонии по этому вопросу. Поскольку отсутствовала уверенность, что переговоры будут носить реальный характер, то директор Мери² был направлен в Москву под видом секретного дипломатического курьера.

Переговоры велись с народным комиссаром торговли Микояном и были, особенно в течение последней недели, наиболее успешными. Поэтому и министр Сельтер в последние дни, несмотря на демонстрации Советского флота в Финском заливе, был очень спокоен (что ему, как я лично мог убедиться, все-таки полностью не удавалось). В четверг Мери сообщил, что переговоры в Москве закончены, и договор может быть подписан. Первоначально было намечено поручить его подписание посланнику в Москве, но потом пришли к мысли придать этому акту большее значение и уполномочить для этого члена правительства. Предполагалось направить министра экономики Лео Сеппа, но из-за его занятости было решено, что поедет министр иностранных дел.

О решении было сообщено посланнику Советской России, который, посетив вчера утром Министерство иностранных дел, передал от имени своего правительства приглашение министру Сельтеру с супругой прибыть в Москву. Из разъяснений министра мною был сделан вывод, что министр Сельтер сам хотел ехать в Москву. Когда я заметил, что поездка министра может вызвать различные мнения и догадки, имея в виду события последних

¹ Документ был переведен с латышского на шведский и со шведского на эстонский. На эстонский язык перевод сделал Э. Уусталу, при этом несколько сократив текст.

² Георг Мери — директор отдела внешней торговли Министерства иностранных дел.

дней, то министр, отвечая, подчеркнул, что он не обращает на это внимания. Очевидно, недостатка в разговорах и статьях о протекторате Советской России над Эстонией не будет, однако позже всем стало бы ясно, что этот протекторат носит такой характер, что другие могли бы даже себе пожелать. В наших интересах, особенно сейчас, поддерживать хорошие отношения с Россией и показать миру, что порты Эстонии ни в коем случае не будут закрыты для выхода России к морю. Столь же решительно несколько дней тому назад говорил министр о необходимости делать все для того, чтобы развивать хорошие связи с Германией.

Министр добавил, что московские переговоры все время держались в самом большом секрете и я первый, кого он о них информирует. Министр надеется вернуться в следующий четверг, тогда же он обещал проинформировать меня о своей деятельности в Москве и обо всем виденном. Переговоры в Москве протекали в наилучшей атмосфере.

(В. Шуманис)

Uustalu E. Tagurpidi sõudes: Mälestusi ajavahemikult 1914—1943. Stockholm, 1982. Lk. 140—141.

(Уусталу Э. Гребя назад: Воспоминания о периоде 1914—1943. Стокгольм, 1982. С. 140—141).

93 ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ТАЛЛИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СЛУЖБЫ ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ НАЧАЛЬНИКУ ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ

25 сентября 1939 г.

/.../ 24. 09. 39 года приблизительно около 13.20 с кордона Пяриспеа Локсаского района были замечены двигавшиеся курсом с северо-востока на запад два советских миноносца, на бортах которых были надписи — русские буквы «Л. Г.» и «С. М.». Оба корабля на расстоянии в три мили от Пяриспеа повернули назад, причем корабль со знаком «С. М.» стал крейсировать у края полуострова Пяриспеа, в то время как второй миноносец, со знаком «Л. Г.», вошел в залив между Мохни и Пяриспеа. Он уменьшил ход и произвел в 13.30 3—4 выстрела из носовых орудий в направлении залива Эру. Опрошенные — начальник пограничного кордона Пяриспеа мл. фельдфебель Таур и дежурный того же кордона капрал Канди — подтверждают четыре выстрела, произведенных миноносцем, лейтенанты запаса Хуусман и Раннус слышали будто бы три выстрела и видели два столба воды от разрывов снарядов около острова Суур-Лоо; гражданин Тамсалу видел у острова Лоо четыре водяных столба, но слышал разрывы двух гранат; начальник пограничного кордона Эру мл. сержант

Кююте и дежурный капрал Луте точно не знают количество выстрелов, но видели один водяной столб у острова Суур-Лоо и по слуху могут подтвердить разрыв одной гранаты в лесу к западу от кордона Эру. Ни воронки от разрыва гранаты, ни осколков до сих пор не найдено, несмотря на организованный осмотр окрестностей.

После стрельбы указанный миноносец повернул курсом на северо-запад и сделал две очереди из пулемета в неизвестном направлении. Пулеметная очередь была определена на слух, т. к. самого пулемета из-за дальности расстояния видно не было. Сразу после этого оба корабля ушли из наших вод на запад.

А.Лююс
подполковник, начальник Таллиннского
отделения

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 17, ед. хр. 10, л. 48—48 об.

94 ПЕРЕГОВОРЫ В. МОЛОТОВА С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ К. СЕЛЬТЕРОМ В МОСКВЕ

24—25 сентября 1939 г.

/. . . / Министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер с супругой прибыл по приглашению правительства Союза ССР в Москву 24. 09. 39 г.¹ в 16 часов. Его сопровождал директор торгового отдела Министерства экономики Ууэмаа /. . . /

Вечером того же дня в 21 час Председатель Совета Народных Комиссаров и народный комиссар по иностранным делам Молотов принял министра иностранных дел Эстонии в Кремле. На приеме присутствовал с эстонской стороны посланник А. Рей, со стороны Советского Союза — народный комиссар по торговле Микоян.

Первая часть беседы вращалась вокруг взаимного торгового обмена между Эстонией и Советским Союзом, при этом была отмечена роль министра Сельтера в подписании в Москве в 1934 году соответствующего договора. Этот договор внес изменения в торговые отношения обеих стран, которые развивались с тех пор равномерно и без затруднений. Затем Молотов перевел беседу в политическое русло, заявив следующее:

Молотов: Представляется, что торговые отношения налажены и новое торговое соглашение, для официального подписания которого правительство Советского Союза пригласило Вас в Москву, подготовлено. Политические же отношения между Советским Союзом и Эстонией не только не в порядке, но они —

¹ В документе ошибочно указано 25. 09. 39 г.

неудовлетворительны. Побег интернированной польской подводной лодки из Таллина показывает, что правительство Эстонии не очень заботится о безопасности Советского Союза. Правительство Эстонии или не хочет, или не может поддерживать порядок в своей стране и тем самым ставит под угрозу безопасность Советского Союза. Письменное разъяснение эстонского правительства по этому вопросу, переданное посланником А. Реем, неубедительно. Вы же признаете, что механизмы подводной лодки имели определенные неисправности. Следовательно, и, впрочем, это подтверждает и наша информация, что подводная лодка была отремонтирована в Таллине, снабжена топливом, ей были оставлены 6 торпед и дана возможность уйти. Разъяснение эстонского правительства не опровергает это сомнение. Таким образом, в море оказалась подлодка, представляющая угрозу для советского флота. Советский Союз, у которого на Балтийском море значительные интересы: большой порт в Ленинграде, большие военные и торговые флоты, ничем не защищен от подобных неожиданностей и в будущем. Выход из Финского залива находится в руках других государств, и Советский Союз вынужден мириться с тем, что они делают в устье этого залива. Так дальше не может продолжаться. Необходимо дать Советскому Союзу действительные гарантии для укрепления его безопасности. Политбюро партии и правительство Советского Союза решили потребовать от правительства Эстонии таких гарантий и для этого предложить заключить военный союз или договор о взаимной помощи, который вместе с тем обеспечивал бы Советскому Союзу права иметь на территории Эстонии опорные пункты или базы для флота и авиации.

Сельтер: Взаимоотношения Эстонии и Советского Союза были неизменно хорошими. Я и прибыл сюда для того, чтобы подчеркнуть эти добрососедские отношения.

Что касается приведенных Вами новых обстоятельств, то разрешите прежде всего заметить, что во время интернирования и бегства подводной лодки между Советским Союзом и Польшей официально не было состояния войны. Поэтому прежде всего возникает вопрос, может ли в какой-либо мере правительство Советского Союза делать упреки Эстонии о нарушении каких-либо международных правил и обосновывать какие-либо требования фактами их нарушения. Если же, однако, говорить о правилах нейтралитета, то согласно им заход подводной лодки одной из воюющих сторон в порты Эстонии как нейтрального государства, запрещен, за исключением некоторых частных случаев. Авария, т. е. поломка механизмов, является одним из таких случаев. Это обстоятельство известно Советскому Союзу. В нашем разъяснении указано, что подводная лодка обосновывала заход именно аварией и требовала своего освобождения. Однако правительство Эстонии нашло, что поломки механизмов не препятствовали

движению лодки и поэтому не подпадали под понятие аварии. Только тот факт, что подводная лодка имела способность двигаться, дал нам право интернировать ее. Если бы лодка не могла двигаться из-за неисправности механизмов, то мы не смогли бы ее интернировать. Поэтому обвинение в том, что будто бы интернированная подводная лодка была приведена в порядок Эстонией, необоснованно. Мы не знаем, устранены ли обнаруженные в механизмах неисправности к настоящему моменту.

Что касается побега польской подводной лодки, то могу еще раз подтвердить, что в этой истории нет оснований подозревать эстонское правительство ни в содействии побегу, ни в небрежности. Напротив, правительство Эстонии и официальные власти согласно своим возможностям приложили все силы для того, чтобы задержать подводную лодку. Если ей все же удалось бежать, то это в значительной мере несчастный случай, о котором мы сами больше сожалеем. Из этого происшествия никак нельзя делать вывод о том, что правительство Эстонии не в состоянии само защитить свой нейтралитет или, как Вы сказали, — поддержать порядок в своей стране. Еще менее следует делать из этого случая какие-либо далеко идущие выводы об отношениях между Эстонией и Советским Союзом.

К этому могу добавить, что судебное следствие о бегстве подводной лодки ведется и было бы желательно дождаться его результатов.

Что же касается поднятого с Вашей стороны вопроса — пакта о взаимопомощи и базах, то у меня нет полномочий обсуждать его. Могу лишь сказать, что эти предложения идут вразрез с политикой равных отношений, нейтралитета со всеми государствами, которую Эстония, особенно в последние годы, так безусловно проводила. Эта политика настолько укоренилась в нашей стране, что Эстония не хочет, я в этом уверен, отказаться от этой политики и не хочет заключения военного союза, хотя бы и под названием пакта помощи с великой державой, в данном случае с Советским Союзом.

Молотов: Кто не хочет? Вы не хотите, правящая группа не хочет, но широкие круги в Эстонии и народ хочет. Это нам известно.

Сельтер: Смее утверждать, что нейтралитет и отказ от участия в политике великих держав является непоколебимым и твердым убеждением преобладающего большинства нашего народа, от которого он не хочет отказываться.

Рей: Нейтралитет был внешней политикой Эстонии еще с 1920 года.

Молотов: Однако у Вас уже есть военный союз с Латвией. У Вас могут быть такие же отношения и с Советским Союзом.

Рей: Латвия — малая, а Советский Союз — великая держава. Эстонско-латвийский союзный договор не противоречит нейтра-

литету ни одной из стран—участниц, т. к. мы рассматриваем эстонско-латвийский нейтралитет как единое целое. Договор о союзе с великой державой легко сможет поставить малое государство в зависимость от великой державы и парализовать ее независимость.

Сельтер: Взаимоотношения военного союза с великой державой затронули бы право свободного осуществления суверенитета Эстонии и сковало бы мирное развитие нашей страны и народа. Эти нежелательные последствия были бы особенно очевидны именно в данном случае, когда Советский Союз как союзник создал бы на территории Эстонии свои опорные пункты для флота и военно-воздушных сил. Развитие эстонского государства в течение 20 лет так наглядно подтвердило его право на существование в условиях суверенитета и независимости, что этого права нельзя нарушать подобным образом в пользу другого государства.

Молотов: Не бойтесь, договор о помощи с Советским Союзом не представляет никакой угрозы. Мы не намереваемся затрагивать ни Ваш суверенитет, ни государственное устройство. Мы не собираемся навязывать Эстонии коммунизм. Мы не хотим затрагивать экономическую систему Эстонии. Эстония сохранит свою независимость, свое правительство, парламент, внешнюю и внутреннюю политику, армию и экономический строй. Мы не затронем всего этого.

Сельтер: Несмотря на эти заверения, я остаюсь при своем мнении. Отношения между Эстонией и Советским Союзом определяют мирный договор и договор о ненападении. На их основе обе стороны могли жить и развиваться, поэтому в Эстонии было бы совершенно не понятно, для чего необходим поиск новых основ. Случай с подводной лодкой, который Вы привели, не говорит ни о чем и слишком казуистичен для того, чтобы предъявлять к Эстонии столь радикальные требования.

Молотов: Мы считаем этот инцидент с подводной лодкой очень серьезным, а также рассматриваем его как симптом. Эта лодка может нанести большой ущерб судоходству Советского Союза. История с этой подлодкой показывает на отсутствие гарантий у Советского Союза, в которых он очень нуждается. В этом отношении нынешнее положение совершенно неестественно. Советский Союз должен ограничиться малой частью Финского залива, 20 лет тому назад нас посадили в эту финскую «дужку». Не думаете ли Вы, что это может оставаться навечно? Тогда Советский Союз был бессильным, к настоящему же времени значительно вырос в экономическом, военном и культурном отношениях. Советский Союз теперь великая держава, с интересами которой необходимо считаться. Скажу Вам — Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море. Если Вы не пожелаете заключить с

нами пакт о взаимопомощи, то нам придется использовать для гарантирования своей безопасности другие пути, может быть, более крутые, может быть, более сложные. Прошу Вас, не принуждайте нас применять силу в отношении Эстонии. Требования Советского Союза не противоречат принятым им ранее обязательствам, а развивают их, укрепляя безопасность, которую существующие соглашения должны были обеспечить, но не сделали этого.

Сельтер: Хочу заметить прежде всего, что эстонско-советский мирный договор не был навязан Советскому Союзу, — это был справедливый мир. Пакт о ненападении значительно развил в то время мирные отношения и, по нашему мнению, должен быть и сейчас непоколебимой нормой. Мы всегда были того мнения, что нейтралитет Эстонии, а также тот факт, что Эстония не позволила связать себя ни с одной великой державой или группой великих держав, были на пользу Советскому Союзу, потому что Эстония помогла тем самым сохранению мира на побережье Балтийского моря. Наша политика до сих пор была направлена на поддержание мира в прилегающем районе с помощью дружественных контактов и предотвращения политической напряженности. Для достижения этой цели мы полагали уместным только такие пассивные соглашения, как договоры о ненападении. Опасаемся, что как только мы заключим союзный договор с одной великой державой, например, с Советским Союзом, то навлечем на себя тяжелые подозрения со стороны других стран и нарушим состояние нормального равновесия в районе Балтийского моря настолько, что рискуем быть втянутыми тем самым в раздоры между государствами. От этих ссор, которые неизбежно возникнут раньше или позже, пострадали бы как Эстония, так и другие страны, расположенные на побережье Балтийского моря. Мы в этом твердо уверены. Строго придерживаясь в нашей внешней политике мирного курса, о чем я говорил выше, мы, например, заключили пакт о ненападении с Германией и, по нашему мнению, никакая опасность не угрожает ни Эстонии, ни Советскому Союзу через Эстонию. Верим, что тем самым мы оказали выдающуюся услугу делу безопасности на побережье Балтики. Однако Ваше предложение находится в известном противоречии с эстонско-германским договором о ненападении, т. е. стремлениями к умиротворению, которые этот договор выражает.

Молотов: Против этого нам возразить нечего. С Германией у нас дружеские отношения и для устранения возможностей большого конфликта и стабилизации мира в Восточной Европе Советский Союз заключил с Германией договор о ненападении. Если Вы опасаетесь противоречий между эстонско-германским договором о ненападении и требованиями Советского Союза, то могу Вас заверить, что Германия даст свое согласие на заключение договора о взаимной помощи между Эстонией и Советским Сою-

зом. Если желаете, возьму на себя получение этого согласия. Однако заключение такого пакта о взаимной помощи Советский Союз считает безусловно необходимым.

Сельтер: Я высказываю общие соображения о внешней политике Эстонии, а не затрагиваю в данном случае вопросы, касающиеся той или иной страны. Эти общие принципы действуют и в отношении других государств, не названных мною. Эстонско-германский пакт о ненападении я упомянул здесь как пример использования тех средств, с помощью которых мы до сих пор успешно вносили свой вклад в укрепление мира на побережье Балтики.

Рей: Однако, в том случае, если взаимоотношения Советского Союза и Германии основываются на договоре о ненападении, то и на Балтийском море отсутствует угроза, против которой Советский Союз должен был бы себя обезопасить договором о взаимной помощи и базами.

Молотов: Договор с Германией имеет определенный срок действия. Так что ни мы, ни Германия не сложили оружия. На Балтийском море могут появиться и угрожать Советскому Союзу силы других великих держав. Польско-германская война показала, что великая держава не может передоверить свою безопасность другим. События также показали, что безопасность флота Советского Союза недостаточна и поэтому, естественно, что Советский Союз возьмет в свои руки обеспечение этой безопасности.

Рей: Какую «другую великую державу» Вы имеете в виду?

Микоян: Например, Англию.

Сельтер: Разъяснив, по нашему мнению, с достаточной ясностью позиции Эстонии, хотелось бы все же, учитывая важность вопроса, доложить своему правительству содержание сегодняшнего разговора.

Молотов: Дело нельзя откладывать. Предоставлю Вам прямую связь с Таллинном и сразу продолжим переговоры так, как мы это сделали с министром иностранных дел Германии.

Сельтер: Как парламентский министр я обязан проинформировать, кроме президента и правительства, также и парламент, а этого нельзя сделать по телефону, причем так быстро. Для этого завтра же возвращусь в Таллинн.

Молотов: Подчеркиваю еще раз — это дело срочное. Обстановка требует безотлагательного решения. Мы не можем ждать долго. Советую Вам пойти навстречу пожеланиям Советского Союза, чтобы избежать худшего. Не принуждайте Советский Союз применять силу для того, чтобы достичь своих целей. Рассматривая наши предложения, не возлагайте надежд на Англию и Германию. Англия не в состоянии что-либо предпринять на Балтийском море, а Германия связана войной на Западе. Сейчас все надежды на внешнюю помощь были бы иллюзиями. Так что Вы можете быть уверены, что Советский Союз так или иначе

обеспечит свою безопасность. Если бы Вы и не согласились с нашим предложением, то Советский Союз осуществил бы меры по своей безопасности другим способом, по своему желанию и без согласия Эстонии.

Беседа закончилась в 22.15.

Покинув Кремль, министр иностранных дел и посланник А. Рей направились в миссию и начали готовиться к отправлению первым самолетом, который должен был вылететь на следующий день утром. Приблизительно через 30 минут позвонили из Кремля и сообщили, что господин Молотов просит министра Сельтера вернуться к 24 часам.

III

В тот же вечер, в 24 часа, министр иностранных дел в сопровождении посланника А. Рея вторично был в Кремле. От Советского Союза присутствовали Молотов и Микоян. Молотов сообщил, что он подготовил письменный проект договора вместе с дополнительным протоколом, которые Советский Союз предлагал Эстонии для подписания. Взяв за основу переговоров проект, переговоры можно было бы провести быстрее. Одновременно он дал некоторые общие разъяснения по проекту, а именно: 1) Редакция проекта предварительная и может быть исправлена в ходе переговоров; 2) Советский Союз стремится только к тем стратегическим целям, которые необходимы для укрепления его безопасности; однако поскольку суверенитет, государственное устройство, а также экономическая система Эстонского государства останутся нетронутыми — то эти положения желательно зафиксировать в дополнительном протоколе, находящемся при проекте.

Министр иностранных дел Сельтер заявляет, что хотя он в принципе должен возражать против этого предложения и не уполномочен вести переговоры о нем, все же он задал несколько вопросов, чтобы ближе познакомиться с содержанием предложений. Иначе ему было бы трудно докладывать в Таллинне, что правительство Советского Союза подразумевало в той или иной статье.

Молотов просит задавать вопросы.

Сельтер спрашивает: Параграф I проекта говорит о взаимной помощи в случае нападения или угрозы одной из участниц договора со стороны третьего европейского государства. Как бы мыслилась помощь Эстонии Советскому Союзу в случае, если, например, этим третьим государством Европы была бы Румыния?

Молотов: Подразумевается нападение или угроза только на Балтике. Проект можно соответственно уточнить.

Сельтер: Может ли упомянутая в первом параграфе «угроза безопасности» быть чем-либо иным, кроме нападения извне? Ес-

ли может, то каким образом уточнить понятие «угроза безопасности», которое очень неопределенно? Существующие правовые нормы содержат в отношении понятия «нападение» известные принципы, в то время как понятие «угроза безопасности» представляется крайне неясным.

Молотов: Нападение извне понимается как положение, при котором третье государство угрожает безопасности Советского Союза или Эстонии.

Сельтер: Чем бы могло угрожать безопасности это третье государство? Содержание безопасности настолько широко, что затрагивает также экономические, культурные и внутривластные вопросы. На столь широкой основе констатировать «casus foederis»¹ может оказаться очень трудным или же слишком легким. Посторонняя военная помощь может оказаться нужной лишь в случае военного нападения, в остальных же случаях каждое государство само справится с «угрозой безопасности».

Молотов: Положение может быть и такое, что агрессии еще нет, но есть угроза.

Сельтер спрашивает: Будет ли помощь оказываться автоматически или по просьбе другой стороны. В первом случае могло бы возникнуть положение, когда Эстония по своей инициативе поспешила бы на помощь Советскому Союзу, например, в случае, если бы Эстония посчитала, что Советскому Союзу угрожает какое-нибудь балканское государство. Эта помощь могла бы быть крайне нежелательна по времени или форме. Возможна и обратная ситуация: Советский Союз мог бы посчитать, что Эстонии угрожает опасность, когда Эстония сама этого не только не считает, но и полагает помощь даже вредной.

Молотов отвечает: Помощь оказывалась бы по просьбе другой стороны. Из текста проекта следует, что оказание помощи было бы обязательством, а не правом. Правительство Советского Союза считает, что в этой области расхождений не будет. Конечно, обе стороны стремятся защитить себя от нападений и для этого нуждаются в помощи.

Сельтер считает, что этот вопрос не решен в проекте с достаточной ясностью. Одновременно он спрашивает, не представляется ли предусматриваемая в параграфе 2 «Экономическая и дипломатическая помощь» Эстонии неуместной? Недавно состоялась договоренность о торговом обмене и она не предусматривает никакой помощи, а экономические обмены осуществляются на основе равновесия платежного баланса. Дипломатическая помощь в обычных условиях не нужна, а в условиях «нападения» подобная помощь обязательна на основе параграфа 1-го.

Рей: Вероятно, нежелательно включать в проект положение, содержание и объем которого неясны, что может вызвать лишь недоразумения и споры. С этих позиций вторая часть 2-го параграфа представляется неуместной.

Молотов и Микоян отвечают: Ту часть второго параграфа, в которой говорится об экономической и прочей помощи, можно опустить, если правительство Эстонии считает ее излишней.

Сельтер спрашивает: Почему проект не называет, в каких портах Эстонии предполагается построить базы Советского флота? В этом виде остается неясным, какой порт пойдет под базу и какой останется свободным.

Молотов отвечает: Базы флота могут быть на островах, в Таллинне, Пярну и возможно еще где-нибудь.

Сельтер спорит: О Таллинне как базе флота, ни в коем случае не может быть и речи, т. к. Таллинн — столица Эстонии. Пярну не подходит по той причине, что гавань зимой в течение 4-х месяцев закрыта льдом.

Рей: Кроме того, Таллинн — это торговый порт, где размещение военно-морской базы крайне неудобно, если вообще возможно. Находясь в одном пункте, не смогли бы исправно работать и развиваться ни военная, ни торговая гавань.

Молотов спрашивает: Какие у Вас еще гавани? Может быть, можно обойтись без Таллинна и Пярну?

Сельтер: По моему личному мнению, на Сааремаа есть места для гаваней.

Молотов: Этого мало. Одного пункта было бы недостаточно.

Сельтер; Я не могу сказать, но может быть, на Хийумаа нашлось бы подходящее место.

Молотов: Сааремаа и Хийумаа интересуют Советский Союз преимущественно как военно-воздушные базы. На материке непременно должна быть по меньшей мере одна морская база. Какая гавань есть еще у Вас на материке?

Микоян: Территории под военно-воздушные базы можно было выделить на основе аренды или концессии. Эта земля осталась бы частью территории Эстонии.

Сельтер: Поскольку о Таллинне и Пярну речи быть не может, то в этом случае у Эстонии есть еще порт Палдиски.

Рей: Показывает положение Палдиски на карте и дает разъяснение.

Молотов: Возможно, Палдиски и окажется подходящим, но все же одного пункта недостаточно. Таллинн необязательно нужен. О каком пункте на островах еще могла бы идти речь?

Сельтер отвечает, что подходящим местом мог бы быть Тагалахт на Сааремаа. При этом он спрашивает, чем вызван десятилетний срок действия договора?

Молотов отвечает: Срок действия договора приведен в соответствие со сроком действия договора о ненападении между Советским Союзом и Германией.

Перейдя к дополнительному протоколу, Молотов по собственной инициативе поясняет, что этим документом мы хотим подтвердить, что у Советского Союза нет намерений навязать Эсто-

нии ни коммунизм, ни советскую власть, ни вообще хотя бы в самой незначительной степени затронуть суверенитет Эстонии и ее самостоятельность. Вся общественная жизнь и государственное устройство со своим правительством и парламентом, зарубежными представительствами и т. д. — останутся без изменений, как внутренние дела эстонского государства.

Сельтер: Приняв к сведению эти предложения и разъяснения правительства Советского Союза проинформирую о них Президента Эстонской республики, правительство и парламент.

Молотов с сомнением: значит, Вы намерены затягивать.

Сельтер: Это не означает затягивания, это время, необходимое для обсуждения вопроса.

Молотов: Когда можно ждать Вашего возвращения?

Сельтер: Приблизительно в четверг. Сегодня воскресенье.

Молотов: Дело имеет в высшей степени срочный и безотлагательный характер, так что дорог каждый день, каждый час. Было бы лучше всего, если бы можно было бы продолжить сразу.

Сельтер: Еще раз поясняет, что у него как министра парламентского правительства нет возможности приступить к обсуждению вопроса до того, как будут проинформированы парламентские органы, и поэтому его пребывание в Таллине необходимо.

Молотов соглашается с этим.

На вопрос **Сельтера** Молотов отвечает, что он распорядится, чтобы на завтрашний самолет, который отправляется из Москвы в 8 часов были бы зарезервированы места Сельтеру, госпоже Сельтер и трем сопровождающим лицам.

Сельтер: Поскольку я ехал в Москву для подписания торгового соглашения, то и оно заслуживало бы известного упоминания.

Микоян: Соглашение было готово для подписания. Потребовались внеочередные решения после возникновения политических обстоятельств.

Молотов Сельтеру: Когда вернетесь в Москву, тогда подпишем торговое соглашение.

Совещание закончилось в 1.10. /.../

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 17, ед. хр. 24, л. 162—176.

95 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА США В СССР ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ США

25 сентября 1939 г.

/.../ Прибывший вчера эстонский министр иностранных дел был вызван в Кремль вчера вечером с балетного представления. По возвращении в отель, в котором остановился, он собрал багаж и остаток ночи провел в эстонской миссии. Сегодня утром в 8 ча-

сов он улетел в Таллинн через Ригу. Эстонский посланник вылетает в Таллинн завтра.

Мне пока что не удалось точно установить причину неожиданного отъезда эстонского министра, но представляется достоверным, что в Кремле ему были представлены определенные требования, возможно, такого рода, что были указаны в последней фразе моей телеграммы № 599 от 23 сентября в 5(6) ч. пополудни; возможно даже более радикальные.

Копия направлена в Ригу.

Штейнгардт

FRUS, Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933—1939. P. 940. Перевод с английского.

96 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛАННИКА ГЕРМАНИИ В ТАЛЛИННЕ МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

---

25 сентября 1939 г.

Министр иностранных дел, вернувшийся сегодня во второй половине дня из Москвы, сообщил мне следующее: Молотов представил ему проект договора о военном союзе между Советским Союзом и Эстонией /.../.

Далее министр рассказал о требовании Молотова ответить быстро, но сроков при этом не указал. Он также заявил о намерениях Советского Союза приступить к поиску других средств в случае отрицательного ответа. Эстония не может рассчитывать на поддержку Германии и Англии. Он выразил также убеждение, что Германия одобрит предложение об урегулировании.

На мой вопрос, следовало ли из беседы, что Советский Союз сделает подобные предложения другим Прибалтийским государствам, он ответил отрицательно.

Я принял информацию к сведению и сказал, что перешлю её моему правительству. Как сообщил мне министр, правительство будет обсуждать положение сегодня-завтра и решит вопрос по возможности быстро.

Фровейн

ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 100—101. Перевод с немецкого.

Требования Советского правительства о заключении договора о взаимной помощи и создании баз в Эстонии были предъявлены в такой форме, что их отклонение неизбежно означало бы начало войны. В то время, когда дипломаты вели переговоры, военное руководство энергично готовилось к приведению вооруженных сил в боевую готовность. При этом старались избегать каких-либо шагов, которые Москва могла бы истолковать как провокацию. Было решено не проводить мобилизацию, дано распоряжение не открывать огонь по советским самолетам, совершающим разведывательные полеты над территорией Эстонии и т. д.

Правительство и военное руководство предпринимали шаги для выяснения возможностей получения иностранной помощи. Однако надежды на поддержку союзника — Латвии и ближайшего соседа — Финляндии, не оправдались.

О предложениях Советского правительства были проинформированы также берлинские власти и сделан запрос с целью выяснения отношения правительства Германии и генерального штаба к этому вопросу. Министерство иностранных дел рекомендовало заключить пакт, и чем раньше, тем лучше. Представители германского военного верховного командования отклонили возможность оказания какой-либо помощи.

Главнокомандующий эстонской армией И. Лайдонер информировал правительство о создавшейся обстановке и представил на решение политического руководства страны вопрос о войне или мире.

Во второй половине дня 26-го сентября правительство на своем заседании обсуждало создавшееся положение. Преобладало мнение — поскольку на помощь извне надежды нет, принять предложение Советского правительства.

Тот же вопрос затем обсуждался на совместном заседании комиссии по иностранным делам и обороны Государственной думы и Государственного Совета, в результате чего было принято решение — начать переговоры с Советским правительством.

Для подписания пакта в Москву через Ригу 27 сентября утром направилась делегация Эстонии в составе К. Сельгера, А. Рея, профессоров Ю. Улуотса и А. Пийпа.

Вечером того же дня советские радиостанции сообщили, что в

18.00. неизвестная подводная лодка потопила в Нарвском заливе советское торговое судно «Металлист». Эстонская пограничная охрана также наблюдала это судно, однако нападения на него замечено не было. Имеются данные, что «Металлист» был потоплен советскими военно-морскими силами в провокационных целях. История с «Металлистом» была использована для давления на Эстонию при заключении договора о взаимной помощи и предъявлении гораздо более жестких требований, чем ранее.

97 ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПЕРВОГО ПОМОЩНИКА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ОРУЖЕННЫХ СИЛ ПОЛКОВНИКА Р. МААЗИНГА

/.../ Утром 24-го сентября генерал Лайдонер дал мне распоряжение немедленно отправиться в Берлин, добиться приема в штабе главнокомандующего вооруженными силами Германии и доставить ответы на следующие важнейшие для нас вопросы:

Можем ли мы рассчитывать на помощь Германии, если будем вынуждены с оружием выступить против Советской России на защиту своей свободы?

Разрешит ли Германия, контролирующая сейчас наши западные коммуникации, получать военное снаряжение морским путем с Запада?

Останется ли Германия безучастной, если Советская Россия вторгнется в Эстонию?

Я пригласил военного представителя Германии и попросил его содействовать моей встрече в Берлине 25-го сентября с представителем штаба главнокомандующего вооруженными силами Германии. Спустя несколько часов германский военный представитель сообщил, что по причине военных действий меня не могут принять в Берлине, но предлагают в качестве места встречи Кёнигсберг 25-го сентября, куда для встречи со мной выдут их представители. Дал согласие. Поездка была удачной, и в Кёнигсберге 25-го сентября я был принят генералом генерального штаба и полковником штаба главнокомандующего вооруженными силами Германии. Сразу приступили к делу. Сделал краткий обзор о сосредоточении советских войск на нашей границе и планах нападения Советской России на нас. Германские представители сказали, что это им известно и они убеждены в намерениях Советской России спровоцировать войну со своими прибалтийскими соседями. Тогда я представил им вышеупомянутые вопросы.

Ответ на первый вопрос был следующий:

Наш министр иностранных дел Риббентроп подписал с Советской Россией договор, который не позволяет Германии помогать

вам. Возможно, мы даже будем вынуждены в случае войны между Эстонией и Советской Россией занять позицию, враждебную Эстонии.

На второй вопрос германский представитель не смог ответить и связался с Берлином, откуда ответили, что Германия не разрешит нам получать военное снаряжение по коммуникациям, находящимся под ее контролем и, к тому же, это практически невозможно по причине войны.

На третий вопрос германский представитель ответил следующее:

Мы воюем с Западом. В нынешних условиях мы не можем оказаться в конфликте с Советской Россией. Это привело бы к войне на два фронта. Германия проиграла первую мировую войну по этой причине. С Советской Россией у нас договор о дружбе и мы должны его выполнять.

Все это было сказано генералом генерального штаба Германии с большим ожесточением и явной антипатией по отношению к своему министру иностранных дел и недавнему братанию между Германией и Советской Россией.

Утром 26-го сентября доложил о результатах встречи командующему вооруженными силами Эстонии, который немедленно передал эту информацию президенту республики. /.../

Маазинг Р. Переговоры военных делегаций Эстонии и Советского Союза... С. 48—49.

98 ОТРЫВКИ ИЗ РЕЧИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ГЕНЕРАЛА И. ЛАЙДОНЕРА 1-го ЯНВАРЯ 1940 ГОДА

/.../ Мы пытались сделать все, что возможно. Когда у нас в сентябре был критический период, то министр иностранных сил Финляндии не нашел возможности принять посланника Эстонии, и последний попал на беседу к какому-то директору отдела, который очень долго и четко говорил, что Финляндия ничего не сможет сделать для Эстонии. Все эти разговоры, что Финляндия предлагала нам свою помощь, давно уже стали пустой болтовней и ложью. Не было ничего подобного и даже наоборот — Финляндия категорически заявила, что она ничего для нас сделать не может. С точки зрения Финляндии, ей с Востока опасность не угрожает. Так это и было. Мы-то понимали, что Ленинград будет оборонять не только с Юга, но и с Севера, и что граница с Финляндией там ближе, чем с Эстонией. У Финляндии было иное мнение, и ей со стороны была обещана щедрая помощь /.../

Почему я так подробно говорю об этом? Потому, что многие считают, что и мы виноваты в том, что наши связи с Финляндией

не были достаточно тесными. Должен сказать, что мы делали все, чтобы наши отношения были хорошими.

Вы знаете, как много было сделано для укрепления родственных контактов между нашими народами. В то же время хорошие контакты между людьми и теплые чувства на концертах еще не означают того, что и между правительственными кругами отношения сердечные. Мы со своей стороны сделали всё, чтобы иметь хорошие отношения с Финляндией, но, к сожалению, этого не произошло. /.../

ЦГАОР ЭССР, ф. 515, оп. 1, ед. хр. 820, л. 27—28.

99 ТЕЛЕГРАММА ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЭСТОНИИ ШТАБУ 1-й ДИВИЗИИ

---

26 сентября 1939 г.

Начальник военного штаба еще раз приказал обратить внимание на то, что нельзя открывать огонь по случайным иностранным самолетам. Это дополнительное распоряжение необходимо немедленно еще раз довести до сведения тех, кого это касается.

ЦГАОР ЭССР, ф. 515, оп. 1, ед. хр. 828, л. 25.

100 ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НАЧАЛЬНИКА ПЕРВОГО ОТДЕЛА ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПОДПОЛКОВНИКА А. ЛУТСА

Во время переговоров между Советским Союзом и Эстонией напряжение у нас росло день ото дня и достигло наивысшей точки 27-го сентября. Тогда главнокомандующий приказал объявить тревогу по всем штабам и персоналу тех учреждений по всей республике, которые занимались осуществлением плана прикрытия или проведения мобилизации. Все должны были постоянно находиться на месте, чтобы сразу принимать и передавать приказы и распоряжения. Таким образом, с 27 сентября оборона нашего государства находилась в полной готовности, и все были в ожидании — будет ли война или сложим оружие.

В тот же день главнокомандующий вооруженными силами объявил по войскам оперативный приказ № 1 от 27 сентября 1939 года, в котором, в частности, говорилось следующее:

«Солдаты, унтер-офицеры и офицеры республики! Сейчас правительство республики ведет переговоры с Советским Союзом о базах и договоре о взаимной помощи. Мы согласны пойти на встречу требованиям Советского Союза, настолько, насколько это

не будет затрагивать независимость Эстонской республики и не станет вмешательством в наши внутренние дела. Если же сейчас договоренность достигнута не будет, знайте, что мы сделали все для того, чтобы избежать военного конфликта. Если начнется война — мы возьмемся за оружие, чтобы защитить независимость Эстонии и свободу эстонцев. Мы будем бороться так же, как это было в дни освободительной войны. Эта война будет очень тяжелой, и нам придется бороться против многократно превосходящих сил противника. В освободительной войне было нелегко, тогда тоже боролись против превосходящего нас во много раз противника и победили. В этой войне противник будет пытаться возбудить среди нас раздор, чтобы разъединить нас, но мы будем держаться вместе и объединимся вокруг наших руководителей — единоклющие укрепят наши силы. Если прервется связь, то каждый обязан действовать самостоятельно, согласно поставленной задаче».

Кроме этого, в оперативном приказе обращалось особое внимание на борьбу с танками и кавалерией, концентрация которых была отмечена на наших границах. Главнокомандующий указывал, что в ближнем бою с наступающим вражеским танком существенно, чтобы обороняющийся закапывался в землю. Нападение кавалерии для находящихся в окопе также менее опасно.

В последнем разделе своего оперативного приказа главнокомандующий назначил своими заместителями в следующем порядке: генерал-лейтенанта Н. Резка, генерал-майора Х. Бреде, генерал-майора Й. Орасмаа. /.../

После размножения оперативного приказа, главнокомандующий подписал все экземпляры, предназначенные для рассылки. Начальнику штаба вооруженных сил генерал-лейтенанту Н. Резку, отбывавшему по приказу главнокомандующего во фронтовые дивизии, оперативный приказ был дан на руки. Главнокомандующий пожелал, чтобы приказ был зачитан в частях в тот же день.

Генерал-лейтенант Резк по поручению главнокомандующего проконтролировал боевую готовность дивизий и сделал еще дополнительные распоряжения и разъяснения. Вернувшись, он подчеркнул, что настроение в частях боевое и готовность к выполнению заданий хорошая. /.../

В последние дни перед подписанием т. н. договора о взаимной помощи между Эстонией и Советским Союзом нервное напряжение в Эстонии достигло высшей точки. /.../

Мы делали то, что могли — защитники Эстонии были подняты по тревоге, соответствующие военные приготовления закончены, и войсковые части ждали лишь приказа для начала действий. Это бездельное ожидание вызвало в военных частях повышенную нервность, особенно заметную у находящихся в боевой готовности передовых частей.

Драматизм ожидания давал себя знать также и в штабе воо-

руженных сил, особенно по ночам, когда дневная деятельность затихала, а в связи с решением вопросов готовности нам приходилось там находиться круглосуточно. Из военных частей поступали донесения и данные наблюдения с границы, которые следовало проработать и доложить; также было необходимо передавать в военные части информацию и т. д. На месте был руководящий состав других отделов, начальник штаба вооруженных сил и главнокомандующий, насколько ему позволяли другие его обязанности.

Трудно передать словами переживания и настроения того времени в военных частях и штабе вооруженных сил. Большинство нашего военного руководства, которое имело большой опыт в делах с коммунистами и предвидело дальнейший ход событий, не верило, что Советский Союз будет придерживаться своих обещаний и подписанных договоров. Разговоры в штабе вооруженных сил и среди командования военных частей отражали подавленность, тревогу и безнадежность. В нашем понимании рушился мир, и Эстонская республика находилась в смертельной опасности. Это чувство было у всех, но реакция во многих случаях была различна.

Главнокомандующий вооруженными силами генерал Лайдонер, на плечах которого лежал тяжелый груз ответственности в это напряженное время, был, как всегда, спокоен, уверенно распоряжался и отдавал приказы. В оценке ближайших перспектив во взаимоотношениях с Советским Союзом он исходил из реальностей: если будет война, то будем воевать, если в Москве будет достигнута договоренность, то будем действовать в соответствии с этим. На тех же позициях находился начальник штаба вооруженных сил генерал-лейтенант Резк.

Но были люди, которые думали и реагировали иначе. В армии, как и народе, существовали две диаметрально противоположные позиции в отношении требований Советского Союза о базах и договора о взаимной помощи. Одни говорили — никаких уступок требованиям Советского Союза, будь что будет. Дай только палец черту — он отхватит всю руку. /.../. Другие, сторонники уступок Советскому Союзу, считали, что с Советским Союзом следует непременно договориться, т. к. любое соглашение лучше войны, которая непременно закончится катастрофой для нас и присущими коммунистическому режиму репрессиями по отношению к эстонцам. /.../

Лутс А. В водовороте борьбы. I. С. 96—99.

101 ОБСУЖДЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О ДОГОВОРЕ НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

26 сентября 1939 г.

Секретно

ПРОТОКОЛ № 29

Совместное заседание комиссий по иностранным и военным делам Государственной думы и Государственного совета 26-го сентября 1939 года в 17.30 в помещении Государственного собрания, комната № 11.

Присутствуют: члены Государственной думы М. Хансен, А. Юрима, В. Кадарик, А. Каринеэль, Й. Нюман, А. Пийп, О. Пукк, Р. Рийвес, Л. Вахтер; члены Государственного совета: Ф. Акел, Я. Соотс, Й. Лайдонер, В. Пятс, Й. Пухк.

В заседании принимают участие: председатель Государственной думы Ю. Улуотс, председатель Государственного совета М. Пунг, премьер-министр К. Эшпалу, министр иностранных дел К. Сельтер, военный министр П. Лилль, министр социального обеспечения О. Каск, первый помощник председателя Государственной думы А. Андеркоп, второй помощник председателя Государственной думы А. Маурер, посланник Эстонии в Москве А. Рей, начальник штаба вооруженных сил Н. Резк, помощник министра иностранных дел О. Эпик и член Государственного собрания Я. Тыниссон.

Председательствует А. Юрима.

Протоколирует Секретарь Государственной думы П. Малвет.

Повестка дня: Информация министра иностранных дел.

I.

Председательствующий А. Юрима открывает совещание и по его предложению принимается повестка дня. По предложению премьер-министра совещание проводится как закрытое.

II.

Вопрос об участии в совещании члена Государственной думы Я. Тыниссона и членов руководства Государственного совета и Государственной думы.

По предложению председателя Государственной думы принимается решение пригласить на совещание комиссии члена Государственной думы Я. Тыниссона и разрешить принять участие в заседании первому помощнику председателя Государственной думы А. Андеркоппу и второму помощнику председателя Государственного совета А. Мауреру.

Информация министра иностранных дел.

Министр иностранных дел К. Сельтер: В Москве уже некоторое время проходили торговые переговоры о заключении нового эстонско-русского торгового договора, которые завершились на сравнительно благоприятных для нас условиях. В результате торговый обмен увеличился приблизительно в 4,5 раза по сравнению с нынешним обменом. При этом мы ввозили бы из России преимущественно сырье. Мы могли бы использовать при этом некоторые порты России, а также дали бы транзит России через таллиннский порт. Вообще, можно сказать, что торговое соглашение благоприятно для нас.

В связи с заключением торгового договора народный комиссар иностранных дел Советской России заметил, что если с торговым договором все в порядке, то в остальном отношения неопределены. Последнее требует своего решения. Для этого следовало бы заключить новый договор — о взаимной помощи. Я отказался от переговоров по этому вопросу, пояснив, что являюсь парламентским министром и должен получить для этого соответствующие полномочия из Таллинна, куда и нахожусь необходимым немедленно выехать. Отправился в эстонскую миссию, но через полтора часа меня вновь пригласили в Кремль и вручили проект текста договора, предлагаемого для подписания. Просмотрев проект, попросил разъяснений по отдельным пунктам. (Министр иностранных дел делает сообщение по проекту договора).

Первый пункт настоящего проекта приемлем. Второй пункт было обещано опустить, если он нам не подойдет. В отношении третьего пункта, затрагивающего базы, попросил более подробных разъяснений, а когда был упомянут Таллинн, возразил, разъяснив, что это столица. Затем меня спросили, какие у нас еще есть гавани, на что я сказал, что речь может идти о Палдиски и Тагалахте на Сааремаа. По четвертому пункту больших обсуждений не было. Молотов упомянул эстонско-латвийский союзный договор, сказав, что если вы можете быть союзниками, то это не должно препятствовать подобному же союзу с нами. Молотов заметил, что заключение договора — спешное дело, однако сроков не назвал. Сказал еще, что надеемся на согласие вашего правительства, т. к. иначе были бы вынуждены принимать иные меры. Выехал в Таллинн. Правительство совещалось по этому вопросу, посланник Латвии был также проинформирован. Если бы это был договор с буржуазным государством, то этот вопрос решить было бы негрудно. Сейчас же непременно нужно все более серьезно взвесить. Ясно одно, что если мы пойдем с готовностью на подписание договора, то он останется навечно. Правительство считает, что если иностранные комиссии не дадут отрицательного ответа, то следует приступить к переговорам.

Главнокомандующий вооруженными силами Лайдонер: Этот вопрос следует решить в принципе. Поэтому разъясню обстановку с точки зрения главнокомандующего вооруженными силами. Нельзя сомневаться, что если мы с Россией не достигнем соглашения, то будет война. Этот проект договора не ультиматум. До сих пор с нами обходились вежливо.

Теперь представлю обзор, каковы были бы наши возможности к сопротивлению в случае войны. Известное время определенно можем сопротивляться. Как долго может продолжаться — сказать трудно, может быть несколько месяцев или дольше. Однако конец ясен. Хотя Россия, возможно, и не очень сильна в военном отношении, она все же в состоянии выставить против нас достаточное количество войск. С сухопутными силами мы могли бы еще кое-как справиться. Что же касается военной авиации, то Россия имеет что против нас послать. Наши военно-воздушные силы очень малочисленны, заказы, сделанные за границей, еще не все выполнены. Только Германия выполнила часть поставок.

Есть ли у нас надежда на помощь? Скажу определенно, что мы ее сейчас ниоткуда не получим, потому что никто не может нам ее предоставить в достаточной степени. Кроме того, сейчас никто не захочет помогать нам, т. к. это втянуло бы его в конфликт, в то время как общим стремлением является — остаться в стороне. Сейчас — все эгоисты. Несомненно очень удручающе подействовал распад одного 35-миллионного государства за такое короткое время. Кроме всего прочего, трудно начинать войну, когда тебе предлагают договор о помощи. Это было бы таким пропагандистским козырем для России, воздействие которого нетрудно представить. Радио говорило на чистом эстонском языке, что народ толкают в войну, в то время как мы предлагали свою помощь. Мы в таком положении, что нам очень трудно оказать сопротивление. Нас ставят в такое положение, что мы должны сделать первый выстрел.

Считаю крайне необходимым включение в договор отдельных условий о суверенитете.

Было бы очень легкомысленно ввергнуть нашу страну в военный конфликт. Мы должны сделать все, чтобы спокойно выйти из этого положения. Даже Германия не надеялась на такую скорую катастрофу в Польше.

Правительство решило, что мы должны вступить в переговоры.

Р. Рийвес: Пропаганда действует, и уже проводится сбор подписей за то, чтобы Россия послала свои войска через границу.

А. Пийп: Есть ли что-нибудь добавить нашему посланнику к этому разъяснению?

А. Рей: В Москве более ничего не прояснилось, было сказано лишь, что времени очень мало.

Я. Тыниссон: (К порядку ведения): Было бы желательно, чтобы

правительство высказало свою позицию, в каком объеме и как далеко предполагается идти при заключении договора. Тогда комиссия было бы проще обсуждать этот вопрос.

Министр иностранных дел К. Сельтер: Правительство еще не решило этот вопрос окончательно.

А. Юрима: Нам предстоит обсудить — война или мир. Понятно, что если заключим договор, то и в дальнейшем положение не изменится к лучшему. Может быть, нам сейчас было бы легче защищать себя, даже зная, что поражение в войне неизбежно. Вопрос стоит так: или бороться, или погибнуть совсем — возможности победить нет.

Если примем предложение, тогда останется надежда, что сохраним народ Эстонии. Это, конечно, лишь надежда, осуществление которой зависит от доброй воли России. Кажется, у нас выбора нет. С нашим нынешним вооружением мы не можем вступить в войну, столь тяжелую и разрушительную. Поэтому будем добиваться того, чтобы договор был настолько приемлемым для нас, насколько это нам удастся. Договор окажет очень тяжелое впечатление на народ. Большая часть народа решительно не желает усиления влияния России, но в данном случае выбора нет.

Главнокомандующий генерал И. Лайдонер: (в порядке справки). Повторяю еще раз, что мы можем защищать себя известное время. Годами сопротивляться мы не в силах. Для обороны государства сделано много, все, что возможно. Заказы размещены нами 2,5 года тому назад. Хотя все сроки уже прошли, поставщики наших заявок еще не выполнили, от некоторых не получено даже и половины. Причины — аннулирование заказов. Деньги сейчас ничем помочь не могут.

Министр иностранных дел К. Сельтер: Наша защита находится в зависимости от известной системы государств Восточной Европы. Мы пытались разъяснить Польше, что она не в состоянии сопротивляться Германии. Нас посчитали предателями. Мы не можем вести войну против России в одиночку. Сейчас существуют четыре государства, которые зависят от России и Германии. Германии, видимо, нам бояться не следует. Между Германией и Россией существует равновесие и, вероятно, поэтому нам предложили договор. Если бы Россия чувствовала себя сильнее, то она просто захватила бы нас полностью.

В. Пятс: Кажется, мы можем избрать лишь один путь. Надежды на помощь нет. Если начнется война, то погибнет все наше государство и вся наша интеллигенция. Мы погубим много народного богатства и множество людей. С другой стороны, мы освободимся от нейтралитета. Заключение договора вызовет подъем коммунистического движения, против которого тяжело бороться. Но выбора нет. Будем надеяться, что и в будущем Германия не пожелает того, чтобы мы были уничтожены. В нынешних условиях Германии самой пришлось пойти на уступки, иначе бы ей

пришлось тяжело. Если мы выступим категорически против, то у нас может возникнуть то же положение, что и в Польше.

А. Пийп: Это все-таки ультиматум. Мысль о том, что русские интересуются происходящим у нас — не нова. Роль Жданова во внешней политике России велика, и когда он этот вопрос затронул, то мне сразу стало ясно, что нам придется его решать. Надежды на помощь со стороны нет. Хотя Англия и не желает, чтобы малые государства исчезли, сейчас она нам помочь не может. Заключение германо-советского договора усилило не Гитлера, а Сталина. В русско-германском договоре военные вопросы затрагиваются мало. Германия в настоящее время не в состоянии диктовать России, которая играет более значительную роль. Латвия тоже слаба и не может помочь нам. Героическая борьба возможна, но сейчас у народа не такое настроение.

Смысл предлагаемого договора состоит в том, что мы всячески должны помогать России. Как это произойдет — выяснится тогда, когда начнутся военные переговоры. Вопрос о базах самый существенный. Нельзя оставлять открытым вопрос о портах, не называя их. База в Таллинне для нас абсолютно неприемлема. Предложим Палдиски на той же основе, на какой Китай договорился с Россией — вот это ваш залив и делайте с ним, что хотите. Положение было бы иным, если бы за спиной у нас была армия. Военно-воздушные базы будут созданы, разумеется, на островах. Хотя по Брест-Литовскому договору они должны были отойти, разумеется, к Германии. В случае конфликта придется выступать на стороне России. Сейчас положение именно таково, хотя соглашений с Россией у нас еще нет. Этот договор — скрытый протекторат. Это должно быть ясно для нас. Нам тоже должно быть ясно, какими могут быть наши максимальные услуги.

Посланник А. Рей: Не следует этот вопрос воспринимать столь трагично. Ведь у нас нет возможности выбора другого пути. Иначе нас постигла бы участь Польши. Я очень сомневаюсь в том, что Польше вернут ее прежние границы. Россия наверняка ничего не вернет. Вероятно, Польша когда-нибудь поднимется снова, но мы, пожалуй, не поднимемся никогда. Реальным противовесом России могли бы быть Польша и Германия, и никто другой. Британская мощь сюда не дойдет — у нее много дел в других местах. Также не в состоянии сделать это и Франция. Теперь и Германия нейтрализована пактом с Россией. Как представляется, Россия еще разрешает торговаться с собой, и это указывает на то, что Германия не хочет усиления России на берегах Балтики. То, как ведет себя Россия, показывает, что в соглашениях с Германией есть неопределенность. Германия хочет «status quo». Ничуть не следует полагать, однако, что Германия слаба по отношению к России, хотя Россия и получила большую часть Польши.

С первого взгляда, базы — это очень плохо для нас, но, если

Россия этого захочет, то захватит их сейчас же. Россия могла бы потребовать от нас большего, и мы считали, что так и будет сделано. Молотов пояснил с величайшим миролюбием, что мы вам ничего не навязываем, ни коммунизма, ничего, все сохранится — ваша внешняя политика, правительство, парламент и т. д. Если вы не желаете выполнить эти минимальные требования, тогда мы будем вынуждены использовать другие пути. Молотов сказал, что он гарантирует согласие Германии. Останется ли все это так — трудно сказать. Если Германия не будет слишком разорена, то равновесие сохранится. Мы — оптимисты и надеемся, что какой-то противовес найдется.

И. Пухк: Мирный договор с Россией в значительной степени потерял свое значение. Если не будут определены точные границы баз, то можно предполагать, что они распространятся на всю территорию. Мы попытаемся сохранить свой народ, т. е. если Россия явится сюда, то всех нас вывезут на ее территорию. Договор России с нами сейчас лишь начало — он может быть распространен на Финляндию и другие страны. По крайней мере, можно ожидать этого. Попытаемся заключить только хороший договор, насколько это возможно.

Премьер-министр К. Ээнпалу: Само собой разумеется, что комиссии по иностранным делам палат должны принять решение. Правительство не нашло других путей, кроме того, что придется вступить в переговоры и принять в принципе предложение России. Оно, пожалуй, сейчас пока еще благоприятно, т. е. категорических требований нам не предъявлялось. Правительство не может сейчас представить окончательный проект. Правительство учло все представленные мнения. В состав делегации войдут министр иностранных дел К. Сельтер, Председатель Государственной думы Ю. Улуотс, член Государственной думы А. Пийп и посланник А. Рей. Военные эксперты не направляются. Если потребуется, они будут направлены. Справедливо — договор легче подписать, чем выполнять. Делегация отправляется завтра в 12 часов из Риги самолетом. Промедление принесет вред.

Главнокомандующий вооруженными силами И. Лайдонер: Военных экспертов не будем посылать, чтобы и со стороны России их тоже не было. Самая большая наша слабость в том, что у нас за спиной нет опоры. Если бы соседи и хотели помочь — они не смогут этого сделать. Ясно, что при наличии другого выхода воевать нельзя. Если бы была надежда на какую-то помощь в назначенное время, то можно было бы вступать в борьбу. Если Россия слаба по отношению к великой державе, то против нас она достаточно сильна. Большая война еще придет. Чем она кончится, мы не знаем. Будем надеяться, что быстрое решение вопросов в наших условиях будет для нас самым благоприятным.

Нам должно быть ясно, что России Балтийское море необходимо.

Наш исторический долг — не подвергать народ уничтожению, а попытаться провести его через трудности настолько успешно, насколько мы способны. На мир между великими державами сейчас надежды нет.

Премьер-министр К. Ээнпалу: У нас нет права давать информацию на сторону по своей инициативе. Дело касается двух государств, и в одностороннем порядке этого делать нельзя.

М. Пунг: Мне ясно, что к переговорам надо приступать. Иначе Москва может изменить свое решение и нам будет еще тяжелее. Возможно, это еще и не максимальные условия. Пожелаем делегации, чтобы все было проведено наиболее деликатно. Время терять нельзя. Народ опасается худшего.

Я. Тыниссон: Все присутствующие ответили на этот вопрос положительно. Я также поддерживаю. Надеемся, что Россия проявит благородство и допустит нашу делегацию к переговорам в полном составе.

Я не могу примириться с тем, что иностранные комиссии, давая полномочия на заключение договора, не определили границ оказания взаимной помощи. Полагаю, что сообщу такую информацию, которая еще не известна присутствующим. Я располагаю сведениями, полученными частично из-за границы, согласно которым заключение этого пакта не является неожиданностью. В советских кругах циркулировали различные мнения об урегулировании финского и эстонского вопросов. Поездка Холсти в Москву значительно помогла укреплению взаимного доверия. Когда финская экономическая делегация ездила в Россию, то ей было обещано все, что ей надо, взамен того, что она захочет продать. Россия предполагала при этом, что Финляндия урегулирует также свои политические взаимоотношения, и ожидание этого вызвало даже нервозность. Россия не возражала против строительства укреплений на Аландских островах при том условии, чтобы они были настолько мощными, чтобы не попасть в руки Германии. Финляндия, однако, не смогла дать подобные заверения. В связи с этим у Советской России возникло недоверие и опасение, что Аланды отойдут Германии. Россию это положение не устраивает, т. к. она предпочла бы, чтобы эти острова отошли к ней, а не к Германии. Это проблема становилась тем острее, чем дружественнее Эстония относилась к Германии. Россия боялась — если Германия вступит в Финляндию, то последняя не окажет сопротивления, и возникнет новое дружественное Германии государство. По мнению России, положение в Финляндии таково, что Маннергейм не проявил дружественных чувств к Германии. Из Франции еще весной поступила информация, что Германия и Россия ведут переговоры, и в связи с этим в Париже испытывали беспокойство о нас и Финляндии. Нашего главнокомандующего германофилом не сочли. Мы свою линию сможем определить правильно, когда будем знать все. Мы не должны

поддаваться паническому страху и из-за этого заключать договор. Акция Советского Союза гораздо глубже. Если это так, то мы не должны соглашаться со всем тем, что от нас требуют. Советская Россия добивается сейчас того, что ей необходимо для собственной безопасности. Постараемся пойти навстречу настолько, насколько это возможно. У России нет захватнических намерений, но мы должны быть настороже, чтобы коммунистическая революция не распространялась дальше. При заключении мирного договора мы могли бы требовать большего — тогда были бы деликатны, теперь это идет на пользу. Это послужило основой договора. Дружественные отношения с Германией, однако, стояли нам дорого. При переговорах необходимо создать атмосферу доверительности, чтобы не было затруднений при его осуществлении. Мы должны обсудить здесь также вопрос о том, какими станут наши отношения с другими. Здесь нет злого начала. Если Россия будет в безопасности, тогда у нас будут лояльные отношения с ней. Меня не удовлетворяет объяснение, что наряду с Польшей обсуждалось также положение Эстонии. У меня есть информация, что в Москве на переговорах с Германией Эстония не упоминалась. То, что Сталин поднял вопрос о договоре, неверно. Германия больше нуждается в нем. При определении судьбы Прибалтийских государств Германия сейчас не играет сколько-нибудь значительной роли. В конце войны у Британии определено будет что сказать о Прибалтике. Россия не хочет конфликта с Британией, это ясно. Также мы должны выиграть время и найти другие возможности для определения правильной позиции. Мы должны избегать того, чтобы нам приписывали дружественные отношения с Германией. В будущем это приобретет большое значение. Соглашение с Россией сейчас менее опасно, чем дружба с Германией. Недоверие не должно сопровождать нас в Москву.

А. Маурер: Этим договором мы связываем себя с Россией в военном отношении. Если Россия проиграет войну, то в каком положении мы окажемся? О проекте сказал бы, что я не верю в то, что он составлен так же неопределенно, как тот, что у нас на руках.

Пункты 1 и 2 соответствуют характеру пакта. Пункт 3 — это способ оказания помощи. Конечно, этот проект составлен в спешке. Я оптимист в отношении скорого окончания войны. Германия не пожертвует Прибалтийскими государствами. Ясно то, что Россия хочет быть хозяйкой на Балтийском море. Мне также ясно, что между Германией и Россией существует граница, которую Россия не может переступить из опасения нарушить равновесие — все это при заключении договора необходимо иметь в виду.

Председатель Государственного собрания Ю. Улуотс: Наша страна много натерпелась. Мы не могли предвидеть, что Совет-

ская Россия в создавшейся обстановке так быстро сделает свои выводы. Этот роковой документ, который мы здесь обсуждаем, имеет большое историческое значение. Надо решать: или война, или надо искать выход в договоре. Он несомненно урежет наш суверенитет и сильно затронет тем самым самосознание нашего народа. Если мы будем сопротивляться, то в результате нас вывезут с нашей земли — такую систему применяет Советская Россия. Поэтому попытаемся сохранить, что возможно. Договор очень тяжкий, по крайней мере, в проекте. Мы должны пытаться смягчить его. Этот договор может стать жизнеопасным для нас. Трудно сказать заранее, как много мы в Москве сможем достигнуть, но договор мы должны принять, хотя наша жизнь тем самым станет намного тяжелее. Мы должны значительно укрепить себя и изнутри. Россия ведь, в свою очередь, ожидает вступления на трон мирового гегемона. Буду стремиться служить своей стране настолько хорошо, насколько это возможно.

Министр иностранных дел К. Сельтер: Сейчас получена телеграмма ТАСС с сообщением, что Риббентроп завтра тоже отправляется в Москву. Надеюсь, что его пребывание там предоставит нам больше возможности для торга. С нашей стороны нет четких предложений, т. к. было бы тяжело предлагать что-либо, а потом отказываться. Намереваемся упомянуть о своих отношениях и договорах с другими государствами, ведь их нужно придерживаться. Молотов заявил достаточно ясно, что Германия нам помочь не сможет. Однако, я думаю, что чем сильнее Германия на Востоке, тем лучше для нас.

Посланник А. Рей: Информация Я. Тыниссона по вопросу об островах, в части, касающейся Аландов, соответствует действительности. Однако, что говорилось об эстонских островах, мне не известно. У России большие опасения, останетс ли Финляндия нейтральной или присоединится к Германии. В свое время Россия заявила Финляндии, что она не возражает против укреплений на Аландских островах, если они будут достаточно мощными. Мы не заметили, чтобы нас подозревали в германофильстве. В отношении нашего нейтралитета у Москвы не было сомнения, также как не было и недоверия к нам. Мне гораздо легче вести дела с Молотовым после заключения германо-советского договора. Даже в деле с подводной лодкой не было больших трудностей.

Главнокомандующий вооруженными силами Й. Лайдонер: Мы обсудили свое положение. Будем надеяться, и я желаю этого, что переговоры были успешными. Однако, опасаясь, что на переговорах требования возрастут. Боюсь, что переговоры не будут столь успешными, как нам бы хотелось.

Председательствующий А. Юрима: Подводя итоги, могу констатировать, что комиссии единогласно высказались за согласие приступить к переговорам на основе предложения, сделанного Советским Союзом, и при возможности заключить договор.

Заключительное слово председателя не вызвало возражений членов комиссий.

Председательствующий А. Юрима: Желающих выступить нет. Повестка дня исчерпана. Совещание объявляю закрытым. Совещание закончилось в 21.52.

А. Юрима (подпись)
Председатель собрания

П. Малвет (подпись)
Секретарь-протоколист

ЦГАОР ЭССР, ф. 84, оп. 1, ед. хр. 1046, л. 32—39.

102 ТЕЛЕГРАММА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

28 сентября 1939 г.

Если бы наш восточный сосед начал против нас военные действия, тогда дивизиям, морским силам и воздушной обороне действовать в общих чертах в соответствии с планом прикрытия «Восточный вариант», имея в виду, что сразу после войны может быть нарушена во многих местах связь.

Поэтому требую, чтобы дивизии, морские силы и воздушная оборона, несмотря на прекращение связи, действовали бы инициативно и смело, выполняя всем нам известную задачу — каждому на своем фронте защищать свою землю, государство и народ.

Требую от каждого смелой инициативы при выполнении заданий. Напоминаю еще раз, мы войны не начнем, но если противник вторгнется на нашу территорию, тогда — смело навстречу ему. Мобилизация и начало военных действий — только лишь по моему приказу.

И. Лайдонер,
генерал, главнокомандующий вооруженными силами

ЦГАОР ЭССР, ф. 515, оп. 1, ед. хр. 822, л. 95.

103 ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 1-й ДИВИЗИИ НАЧАЛЬНИКУ НАРВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

28 сентября 1939 г.

От начальника штаба вооруженных сил получена следующая информация о современном положении:

Советская Россия сделала нашему правительству предложение

заключить пакт о взаимной помощи, включающий разностороннее сотрудничество вплоть до оказания военной поддержки. Для осуществления этого соглашения Россия требует от нас предоставления существующих и строительства новых портов и аэродромов на островах. При этом во внутренние дела друг друга ни одна страна не вмешивается. Можно предполагать, что в дополнение к этим требованиям и предложениям будут предъявлены новые, еще более жесткие требования в связи с тем, что вчера было торпедировано какое-то русское судно. Переговоры должны начаться снова сегодня в 15.00. На внешнюю помощь ни от одного государства, включая Латвию, Финляндию и Германию, надежд нет. Наша делегация и правительство стремятся сделать все, чтобы избежать войны и добиться приемлемого соглашения.

В отношении того, как следует держаться нашей армии. От нее требуется предельно точное соблюдение нейтралитета и проявление миролюбия. Поэтому необходимо тщательно избегать провокаций. Будут ли нас провоцировать с моря, земли или воздуха — нам следует хладнокровно и сдержанно себя вести. В случае, если на нас нападут организованными военными силами, следует попытаться установить связь с вышестоящим командованием для продолжения действий до получения распоряжений. При отсутствии связи и при явном переходе восточного соседа к военным действиям следует приступить к осуществлению нового плана прикрытия. При этом требуется действовать смело, проявляя инициативу для защиты своей земли, государства и народа.

От всех руководителей требуется инициатива при выполнении своих заданий, при том, что мы войны не начнем, но если противник вторгнется на нашу территорию, то смело выступить против, объявление мобилизации и начало военных действий — лишь по моему приказу.

Эту информацию следует передать командирам частей, начальнику пограничной охраны участка и руководителю «Союза защиты».

О получении подтвердить по телефону.

Х. Матсало,
полковник

ЦГАОР ЭССР, ф. 515, оп. 1 ед. хр. 822, л. 96—96 об.

104 ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 1-й ДИВИЗИИ НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

28 сентября 1939 г.

Начальник Нарвского военного округа просит сообщить, как поступить с мостами в г. Нарве в случае неожиданного нападения восточного соседа; сразу заминировать их, взорвать или предпринять что-либо другое. Начальник дивизии² не поддерживает в последнее время минирование. Прошу вашего мнения. Кроме того, начальник Нарвского военного округа считает, что сегодня следовало бы выслать в его распоряжение 4000 противотанковых мин. Возможно ли это сделать?

Х. Матсало,
полковник, начальник штаба дивизии

ЦГАОР ЭССР, ф. 515, оп. 1, ед. хр. 822, л. 97.

¹ Полковник А. Сауэселг.

² Генерал-майор А. Пулк.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА О ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ

Делегация Эстонии прибыла в Москву вечером 27-го сентября. В тот же вечер начались переговоры в Кремле, во время которых на эстонских представителей вновь оказывалось сильное давление. Ссылаясь на потопление «Металлиста», Молотов выдвинул дополнительное требование: Эстония должна предоставить Советскому Союзу право разместить на ее территории войска в количестве 35 000 человек. Члены делегации Эстонии возражали против этого предложения, подчеркивая, что это означало бы по существу оккупацию Эстонии. Вслед за тем в переговоры включился И. Сталин, который после длительных споров согласился уменьшить количество размещаемых в Эстонии войск до 25 000 человек. Эстонская делегация проконсультировалась с Таллином и получила от правительства инструкцию согласиться с дополнительными требованиями.

Переговоры в Кремле возобновились 28-го сентября в 13.00. При согласовании формулировок была достигнута договоренность о том, что база флота будет создана не в Таллинне, а в Палдиски.

Сразу после вышеупомянутого совещания в Кремле состоялись переговоры советских государственных руководителей с И. Риббентропом и другими членами немецкой делегации о заключении советско-германского договора о дружбе и границах. Вечером в 22.00 началось заключительное заседание советско-эстонских переговоров.

Советско-эстонский договор о взаимной помощи был подписан в последние минуты 28-го сентября. Этому предшествовали споры о Таллинне как базе флота, о размерах советского военного контингента и сроках ратификации пакта. Поднимая бокал после подписания пакта, И. Сталин сказал по-эстонски «да здравствует Эстония» и «да здравствует Пятс». К. Сельтер предложил тост за здоровье И. Сталина, В. Молотова и А. Микояна.

В дополнение пакту о взаимной помощи поздно вечером 28-го сентября в Кремле были подписаны и другие документы. К пакту относился конфиденциальный протокол, в котором уточнялись положения пакта о размерах размещаемого на территории советского гарнизона, временного использования Таллиннской гавани и условиях оказания помощи согласно статье 1-й пакта.

Было подписано также эстонско-советское соглашение, которое предусматривало значительное увеличение торгового обмена между двумя государствами. Подписанный одновременно с соглашением дополнительный протокол фиксировал объемы взаимных поставок. Кроме того, министр иностранных дел К. Сельтер и народный комиссар Союза ССР по торговле А. Микоян обменялись записками, в которых подтверждалось согласие правительства Эстонии оказать Советскому Союзу содействие в осуществлении транзитных перевозок через территорию Эстонии.

105 ОБЪЯСНЕНИЕ ШТАБА МОРСКИХ СИЛ ЭСТОНИИ СОБЫТИЙ В РАЙОНЕ НАРВСКОЙ БУХТЫ 27-го СЕНТЯБРЯ 1939 г.

На рассвете в 6.00 в 13 милях на северо-северо-запад от Тойлаского поста морской связи появился и встал на якорь пароход водоизмещением примерно 3000 тонн. Судно было двухмачтовое с 4-мя люками, машина располагалась посередине. Окрашено в черный цвет; у ватерлинии просматривалась красная окраска днища, из чего можно было заключить, что оно было не загружено.

В 12.15. к судну приблизились два советских самолета типа СБ, дважды облетели его и ушли в западном направлении.

В 15.00 в 14 милях с северо-северо-востока появились и стали приближаться к вышеуказанному судну три советских эсминца типа «С». Приблизившись к судну, один из них причалил к нему, а два других стали циркулировать вокруг них.

В 18.40 из-за темноты все корабли исчезли из поля зрения поста связи. Вплоть до этого времени все корабли были ясно видны и различимы с поста связи. Никаких взрывов на посту не было слышно.

На рассвете 28. 09. судов уже не было видно.

Справка составлена на основе информации Тойлаского поста морской связи, вчерашней информации разведывательной авиации и пограничной охраны.

ЦГАОР ЭССР, ф. 495, оп. 11, ед. хр. 36, л. 24.

106 СПРАВКА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ПОТОПЛЕНИИ ПАРОХОДА «МЕТАЛЛИСТ»

27-го сентября в 19 часов (по местному времени) радиостанции Советской России начали передавать сообщение, что сегодня в 18.00 часов (московское время) неизвестной подводной лодкой торпедирован и затоплен в районе Нарвской бухты советский пароход «Металлист». Военные корабли Советской России якобы спасли 19 человек, 5 пропали без вести. По поводу этой информации авторитетные органы сообщают:

Рано утром 27-го сентября в районе Нарвской бухты возле Тойла находилось какое-то торговое судно. В 15 часов к нему подошли 3 небольших советских военных корабля. Один из них сразу причалил к борту торгового судна, другие сделали это позже. В 18.40, по московскому времени, с наступлением темноты, все 4 корабля спокойно находились на своих местах в прежнем положении. Находящиеся в течение всего дня на нашем берегу наблюдательные посты не наблюдали и не слышали каких-либо взрывов ни в расположении судов, ни вообще на южном побережье Финского залива. Также не было замечено в этот день в Нарвском заливе и его окрестностях других кораблей.

Информацию о торпедировании радиостанции Советской России стали передавать спустя 2 часа после предполагаемой торпедной атаки.

Аварийное сообщение о торпедировании с судна, терпящем бедствие, просьба о помощи, должны были быть переданы и приняты соответствующими береговыми радиостанциями, однако ни береговые радиостанции Эстонии, ни эстонские суда не зарегистрировали приема подобных радиосигналов. ✓

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 17, ед. хр. 7, л. 6.

107 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ ПОСОЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ В МОСКВЕ

---

27 сентября 1939 г.

Министру иностранных дел лично.

Телеграмма из Таллина № 164 от 26 сентября

Министр иностранных дел Эстонии перед выездом в Москву обратился ко мне с просьбой сообщить министру иностранных дел Германии следующее: Эстонское правительство было вынуждено под сильным давлением и угрозой применения силы дать согласие на заключение военного союза с Советским Союзом.

Министр Селтер выезжает с сопровождающими лицами завтра, в среду, в Москву. Цель переговоров: выработка такого договора, чтобы суверенитет государства и его внутренняя безопасность были бы защищены и пакт о ненападении с Эстонией не был затронут. Будет сделано предложение, чтобы заключенные участниками договора соглашения с третьими странами о ненападении остались в силе при выполнении обязательств по оказанию помощи. Добиваться того, чтобы морские и воздушные базы предоставлялись лишь в случае войны, когда вступят в силу обязательства по оказанию помощи, в мирное же время будет вестись подготовка баз. Русские вначале требовали Таллини в качестве морской базы, но, видимо, удовлетворятся Палдиски или одной гаванью на Сааремаа. Эстонцы намереваются уступить аэродромы только на островах. Общее направление — идти навстречу лишь в той мере, чтобы избежать применения силы и сохранить имеющиеся хорошие отношения с Германией.

Брюкльмейер

ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 114. Перевод с немецкого.

108 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛАННИКА ИТАЛИИ В ТАЛЛИННЕ МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИТАЛИИ

27 сентября 1939 г.

Сообщаю дополнительную информацию, переданную мне под строгим секретом в беседе с министром иностранных дел:

1. Министр иностранных дел Эстонии ведет консультации с Москвой с позиций согласия. Эстонское правительство не имеет возможности для иной линии поведения.

2. В сущности ультиматума не было. Советское правительство не определило точных сроков принятия своих требований. Однако Молотов заявил, что если правительство не примет эти предложения, то для их осуществления будут применены более реальные средства.

3. Требования русских заключаются в основном в предоставлении морских баз на побережье Эстонии и окружающих ее островах.

4. Советское правительство в проекте дополнительного протокола исходит из того, что берет на себя обязательство уважать конституцию Эстонии, ее социальные и экономические основы.

5. Г-н Эпик опроверг распространяемые иностранной печатью слухи о том, что будто бы советская сторона требует контроля за внешней торговлей Эстонии.

6. Г-н Эпик подтвердил, что советские самолеты вчера действительно летали над территорией Эстонии.

7. Спросил у г-на Элика, каковы правовые основы требования

Советского правительства о морских базах. Он сказал мне, что соответствующий контраргумент министр иностранных дел Эстонии представил Молотову. Тот ответил — не исключено, что в будущем Советский Союз не вступит в войну с Англией.

Чикконарди

DDI. Nona ser. Vol. 1, P. 237. Перевод с итальянского.

109 ПЕРЕГОВОРЫ И. СТАЛИНА И В. МОЛОТОВА С ДЕЛЕГАЦИЕЙ ЭСТОНИИ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА О ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ

27 сентября 1939 г.

/.../ В среду, 27 сентября, в 18.00 для продолжения переговоров о заключении договора о взаимной помощи самолетом из Риги в Москву прибыл министр иностранных дел Сельтер и сопровождающие его — председатель Государственной думы профессор Улуотс и член Государственной думы профессор Пийп.

Немного позже позвонили из Кремля и сообщили, что Молотов просит министра иностранных дел Сельтера продолжить переговоры еще сегодня, в 20.30, чтобы не терять время. Решили идти всем составом делегации, т. е. Рей, профессора Пийп и Улуотс, о чем и сообщили Молотову.

К назначенному времени наша делегация прибыла в Кремль, где для встречи был предназначен кабинет Председателя Совнаркома Молотова. Через несколько минут их принял Молотов. После взаимных представлений и обмена обычными любезностями расположились за длинным столом для совещаний. Вместе с Молотовым находились еще его помощник, а также нарком внешней торговли Микоян.

Сразу после того, как заняли места за столом, Молотов спросил: Ну, что скажете?

Сельтер сообщил, что правительство Эстонии и парламентские органы тщательно взвесили требования Советского правительства, которые сформулированы в представленном Вами 24 сентября проекте договора о взаимной помощи.

Я уполномочен сообщить, что правительство Эстонии в принципе не возражает против подобного пожелания правительства Советского Союза и согласно продолжать переговоры по этому вопросу на основе представленного проекта, однако оно хотело бы видеть в этом проекте некоторые изменения, которые мы в письменном виде, отредактированные, можем представить уже завтра.

Правительство Эстонии также считает, что для развития переговоров было бы полезно, чтобы они проходили в спокойной обстановке. Однако этому мешают нарушения территориальных

прав Эстонии со стороны вошедших советских кораблей и самолетов, по поводу чего я заявил протест в Таллинне посланнику Советского Союза.

На это **Молотов** отвечает, что мне ничего не известно о сообщенных Вами фактах нарушений с нашей стороны территориальных прав Эстонии. Выясним и дадим ответ позже.

Согласие правительства Эстонии на продолжение переговоров радует правительство Советского Союза, и с этим вопросом все могло бы быть в порядке. Однако у нас, к сожалению, есть плохие вести. Только что правительство Советского Союза получило известие, которое будет опубликовано завтра в прессе, что советский пароход «Металлист» был торпедирован в районе Нарвской бухты неизвестной подводной лодкой и затонул. Значительная часть членов команды погибла. (**Молотов** зачитывает телеграмму ТАСС и немного спустя передает ее нашей делегации). Кроме того, вчера в Лужской бухте были замечены перископы двух подводных лодок. Эти факты настолько существенно изменили общую картину, что Советское правительство не может больше ограничиваться теми предложениями, которые я представил Вам в прошлый раз, и поручило мне сделать дополнения к ним, а именно: Эстония должна предоставить Советскому Союзу право в течение нынешней войны в Европе держать в разных ее местах 35 000 человек пехоты, кавалерии и авиации с тем, чтобы предотвратить втягивание Эстонии или Советского Союза в войну, а также для защиты внутреннего порядка в Эстонии.

Сельтер: Поскольку это предложение новое и сделано впервые, то, естественно, эстонское правительство не могло выработать свою точку зрения на это пожелание. Однако мне нет необходимости советоваться со своим правительством, чтобы ответить Вам, что это предложение для Эстонии неприемлемо. Как по форме, так и по содержанию, средства, указанные в этих предложениях, означали бы военную оккупацию Эстонии.

С этим ни правительство Эстонии, ни эстонский народ ни в коем случае не могут согласиться. Нахожу, что наши переговоры станут очень трудными, если мы не будем придерживаться тех границ, которые каждая из сторон установила для себя ранее.

Молотов: Если бы в прошлый раз мы сразу могли продолжить разговор, то достигли бы договоренности на прежних позициях. Вы, однако, медлили. Между тем обстановка развивалась, как Вы видите, и новые события вызвали новые проблемы. Новые события показывают, что для безопасности Советского Союза необходимо больше, чем говорилось прошлый раз.

Сельтер: Упрек в том, что правительство Эстонии медлило, необоснован. Находился здесь 24-го этого месяца. Выехал в Таллинн, чтобы проинформировать своего президента, правительство и парламент. Вернулся уже сегодня, т. е. 28-го сентября. Дать ответ быстрее в таком серьезном деле совершенно невозможно,

особенно если учесть, что Эстония является парламентской республикой. Поэтому независимые от нас события, которые произошли в промежутке, не могут дать ни малейшего права Советскому Союзу предъявлять новые требования.

Улуотс: Я, как председатель Государственной думы, могу подчеркнуть, что те сроки, в течение которых парламент Эстонии собрался для того, чтобы заслушать информацию правительства и выработать общую позицию в отношении предложений Советского Союза, были исключительно короткими, что объясняется лишь тем, что парламент должным образом оценил большую важность вопроса, а также необходимость быстрого урегулирования возникшего положения. Поэтому было бы неправильно, основываясь на утверждении, что правительство Эстонии виновато в затягивании и что якобы возникли новые обстоятельства, выдвигать новые требования. Я поддерживаю точку зрения, высказанную министром Сельтером, и также выражаю опасения, что было бы трудно найти основу для переговоров, если советское правительство будет придерживаться своего нового предложения.

Молотов: Советское правительство настаивает на этом предложении. Если желаете, Вам это может подтвердить Сталин и разъяснить предложение. Желаете ли Вы говорить с ним?

Сельтер: Желаем.

Молотов: (в телефон) — Тов. Сталин, подойди. Господин Сельтер и другие эстонские господа у меня. Они возражают против наших новых предложений. Называют это «оккупацией» и другими страшными словами. Приходи помочь убедить их в необходимости нашего предложения.

Сталин через несколько минут появляется на совещании. Молотов представляет ему членов эстонской делегации и посланника Рея, после чего совещание продолжается.

Сельтер: Повторяет Сталину новое предложение Молотова и свои возражения, уже высказанные Молотову, добавив, что поскольку «Металлист» был торпедирован в Финском заливе, а не в территориальных водах Эстонии, нельзя обвинять в этом деле эстонское правительство, тем более, что бежавшая из Таллина подводная лодка шла совсем в другом направлении, высадила на острове Готланд двух эстонских матросов, захваченных силой при побеге. Следовательно, эта подводная лодка не могла быть торпедировавшей.

Из всего вышесказанного следует, что новое предложение г-на Молотова ничем не обосновано. Это предложение, как я уже отметил, означало бы по существу и по форме оккупацию Эстонии, с чем правительство Эстонии ни при каких условиях не может согласиться.

Молотов: События последних дней показывают, что у Советского Союза отсутствует какая-либо безопасность. Следует пола-

гать, что в Финском заливе имеется место, где чужие подводные лодки могут базироваться и снабжаться горючим. В море, на пороге Ленинграда, торпедируют и топят суда Советского Союза, тонут советские моряки. Возможно, в нападении не участвовала бежавшая из Таллина лодка, возможно, в Балтийском море находится лодка какого-либо третьего государства, например, Англии, однако факт в том, что у Советского Союза отсутствует безопасность на море и правительство Эстонии не в состоянии одно обеспечить эту безопасность. Если бы в Эстонии находилась советская армия, тогда можно было бы быть уверенными, что никто не рискнет предпринять подобных нападений.

Сельтер: Если предположить, что приведенные Вами факты правильны, ничем однако не подтверждено и не может быть подтверждено, что Эстония виновата в событиях последних дней. А без вины нельзя накладывать на Эстонию наказание.

Микоян: Предложение Советского Союза не наказание.

Сельтер: Ваше новое предложение означало бы военную оккупацию, так как на территорию Эстонии была бы доставлена чужая армия в 35 000 человек. Эти чужие войска располагались бы в «различных местах» и защищали бы внутренний порядок в Эстонии, т. е. занимались бы внутренними делами Эстонии. Рядом с этим все заверения о сохранении суверенитета Эстонии, её государственного и экономического устройства, были бы мертвой бумагой. Военную оккупацию независимого государства, которую основывают на подобных мотивах, нельзя считать ничем иным, как наказанием, в данном случае, бесосновательным и несправедливым. Г-н Молотов заметил, что «очевидно, чужие подводные лодки снабжаются нефтью в Финском заливе». Это — предположение, кроме того, неподтвержденное. Современные подводные лодки способны брать на борт запас горючего, достаточный для шестинедельного плавания. С начала войны прошло лишь 4 недели.

Улуотс: Правда, с правовой точки зрения, предложение г-на Молотова означало бы военную оккупацию, что неприемлемо для правительства Эстонии. Правительство Эстонии смогло сообщить парламенту о предыдущем предложении, и я могу еще подтвердить, что по этому вопросу парламент высказал свою точку зрения исключительно быстро. Правительство Советского Союза должно учитывать, что Эстония — это парламентское государство и поэтому её правительство не может принимать решения в подобных делах без парламента. Эстонский парламент нашел, что мы можем вступить в переговоры на основе тех предложений, которые советское правительство сделало 3 дня назад. Новое предложение меняет картину настолько, что у нас отсутствует юридическая основа для продолжения переговоров.

Сталин: Наше новое предложение не имело в виду наказание. Это средство защиты. Мы не знаем, кто помог побегу польской

подводной лодки из Таллинна. Мы, во всяком случае, не виноваты в этом. Верим также, что правительство Эстонии не виновато. Однако в Эстонии, очевидно, гнездятся международные силы, которые занимаются подобными делами. У них имеется также влияние на народные массы. Когда Вы заключите с нами договор, то одним этого покажется мало. Другие же скажут, что нашу страну продали. Могут возникнуть распри и диверсии. Их надо избежать. Для этого и нужно разместить в Эстонии сильное соединение Красной Армии. Тогда никто не осмелится предпринять подобное.

Сельтер: Когда Вы, г-н Сталин, сказали откровенно, что не верите, будто бы правительство Эстонии виновато в побеге польской подводной лодки, то это важные высказывания, которые мы с самым большим удовлетворением принимаем. Но я не могу присоединиться к предположению, что какие-то международные силы могли бы приобрести такое влияние, которого Вы опасаетесь.

Пийп: Эстонский народ без сомнения с удовлетворением воспримет договор о помощи с Советским Союзом, и поэтому нет необходимости бояться каких-либо диверсий.

Сталин: Народ везде хороший. Однако среди народа есть плохие деятели, которые занимаются такими делами и имеют такие цели, которых народ не знает и которые народу наносят вред. На этих днях вблизи Одессы произошло крушение военного железнодорожного поезда. Однако, смотрите, нашелся кто-то, кто организовал это крушение. Через Эстонию засылали в Советский Союз тысячи шпионов, которых мы ловили и многих, к сожалению, расстреляли.

Сельтер: Мы надеемся, что договор будет таким, что он не затронет чувств народа Эстонии и что народ примет его с удовлетворением. В этом случае не надо опасаться каких-либо эксцессов.

Сталин: Нынешнее положение в Финском заливе было навязано народам Советского Союза, которые до сих пор это терпели.

Пийп: Мирный договор между Эстонией и Советским Союзом, в подготовке которого я тоже принимал участие, был договором, который обеспечил «справедливый» и прочный мир.

Рей: В Эстонии никогда не считали, что мир навязан Советскому Союзу. Верится, что этот мир отвечал жизненной необходимости Советского Союза. Если теперь основу нынешних отношений изменить подобным образом в ущерб Эстонии, то нынешние хорошие отношения пострадали бы, что не пошло бы на пользу и Советскому Союзу. Дружеские чувства эстонского народа убавятся.

Сталин: Ввод частей Красной Армии в Эстонию в соответствии со сделанным сегодня предложением безусловно необходим. Заверю Вас, без этого заключение договора невозможно, и мы были бы вынуждены искать другие пути для укрепления безопасно-

сти Советского Союза; это необходимо. Без этого дальше нельзя. Учтите, что это лишь мера военного времени. После того, как ми-нует война, мы вернем те части, о которых говорится в сегодняш-нем предложении.

Сельтер: Мы поняли бы, если бы Вы желали разместить в мор-ских базах небольшие гарнизоны, в задачу которых входила бы оборона баз со стороны моря. Эти гарнизоны должны были бы соответствовать потребностям защиты находящихся в базах ук-реплений и других средств, а также численности эстонского на-рода и его армии. Сейчас же места для баз еще не выбраны, и в их местоположениях нет ничего, что следовало бы защищать, кро-ме самой территории Эстонии, для защиты которой не нужны по-добные средства. Ваше предыдущее предложение предусматри-вало военное сотрудничество в случае вооруженного нападения и если бы этому нападению подверглась территория Эстонии. При условии заключения договора защита территории, также и с точ-ки зрения потребностей Советского Союза, была бы в достаточ-ной степени обеспечена. Никакого нападения на эти базы, если они будут созданы, — с суши не следует бояться. Об этом поза-ботится достаточно бдительно Эстонское правительство своими силами. По всем этим причинам можно было бы говорить, кроме случая агрессии, лишь о гарнизонах баз и о том, что размеры этих гарнизонов будут определены в соглашении. Кроме того, размеры этих гарнизонов следовало бы зафиксировать отдельно на время нынешней войны в Европе. Только на этой основе мо-жем продолжать разговор.

Сталин: Согласно сделать в наших предложениях изменения в соответствии с сформулированной Вами позицией.

Молотов кратко обобщает позиции Сельтера и Сталина.

Сельтер: Если теперь говорить о численности оборонительных сил морских баз в условиях нынешней войны, то 35 000 человек для этого слишком много. Такая армия нецелесообразна и обре-менительна и может принести лишь трудности и недоразумения. Это количество мы не можем принять.

Сталин: Я не считаю возможным еще уменьшить это количе-ство. Эстония сама может иметь 150 000 человек в вооруженных силах. 25 000 красноармейцев — это минимум.

Сельтер: Даже во время освободительной войны у Эстонии не было 150 000 человек в армии, а гораздо меньше. Сейчас, когда армия не мобилизована, не может быть и речи о 150 000.

Сталин: Вы же мобилизовались против нас?

Сельтер: Нет. Мы не считали наши отношения с Советским Союзом такими, что должны были мобилизоваться.

Рей подтверждает это со своей стороны.

Сталин: Сколько человек в Вашей армии?

Сельтер: У меня нет данных на этот счет, но во всяком случае 35 000 чужих солдат было бы относительно слишком много.

Сталин: Хорошо, уменьшим это количество до 25 000 человек.

Сельтер: И это слишком много.

Сталин: Это минимум.

Поскольку споры по этому вопросу зашли в тупик, предложили связаться с правительством республики, для чего они предложили нам прямую связь из Кремля. Наша делегация с благодарностью от этого отказалась, однако выразила пожелание, чтобы телефонную связь посольства с Таллинном предоставили бы быстрее. Молотов обещал устроить это. Телефонную связь получили без промедления.

Совещание закончилось в 22.00. Следующее совещание назначили на четверг в 16.00.

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 17, ед. хр. 24, л. 24—31.

110 ТЕЛЕГРАММА МИССИИ ЭСТОНИИ В МОСКВЕ МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ

27 сентября 1939 г.

/.../ Ссылаясь на торпедирование «Металлиста» и нашу неспособность защитить свой нейтралитет, перед нами поставили новое требование, чтобы Советскому Союзу было дано право иметь в Эстонии базы и для поддержания внутреннего порядка двадцать пять тысяч человек. Сталин смягчил дело, сделав оговорку, что это требование действительно только на время войны в Европе, и войска будут находиться на базах для их охраны. Будем настаивать на том, чтобы ограничиться гарнизонами на базах, уменьшив численность. Соглашения хотят в четверг. Очень тяжело, но небезнадежны переговоры в 16 часов. Миссия. /.../

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 17, ед. хр. 7, л. 27.

111 СОВЕЩАНИЕ ЭСТОНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В МОСКВЕ ПО ВЫРАБОТКЕ ТЕКСТА ПАКТА О ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ

27—28 сентября 1939 г.

/.../ По возвращении в миссию в 22 часа министр иностранных дел попросил членов делегации не расходиться и предложил вместо отдыха приступить к работе. Хотя очередное совещание было назначено на следующий день на 16 часов, не исключалась возможность того, что из Кремля последует просьба начать совещание раньше, как это здесь иногда уже бывало. Если мы хотим выступить на совещании с точно сформулированными позициями,

то должны приступить к работе сразу, чтобы быть готовыми еще до наступления утра. Это предложение не встретило возражений.

При обсуждении у членов делегации возникли вопросы и были приняты решения, о которых говорится в дальнейшем. Обсуждения, высказывание точек зрения и принятие решений были единогласными. Особого мнения ни по одному вопросу никто не высказал.

Прежде всего, принимая во внимание, что правительство республики дало согласие на переговоры и заключение пакта с правительством Советского Союза на основе ранее представленного проекта, возник вопрос, не изменило ли новое требование Советского правительства обстановку настолько в значительной степени, что переговоры следует прервать и выехать домой. Делегация констатировала, что:

1. Высказывания советских представителей — Сталина, Молотова и Микояна, без сомнения, указывают на то, что Советский Союз намерен решительно добиться осуществления тех целей, которые он преследует заключением пакта. Поэтому общее впечатление членов делегации, полученное на переговорах, таково, что у Эстонии мало шансов на то, чтобы прекратить переговоры или придерживаться своих контрпредложений, хотя бы сведенных до минимума с точки зрения Эстонии, без того, чтобы не опасаться осуществления предостережения Молотова и Сталина.

2. Сталин и Молотов в конце концов согласились с позицией Сельтера, что речь может идти лишь о гарнизонах на территории баз, а не по всей стране, как это первоначально они требовали.

3. Сталин и Молотов согласились с позицией Сельтера, что задачей таких гарнизонов ни в коем случае не может быть ничего другого, как «защита внешней безопасности баз», а не «поддержание внутреннего порядка в Эстонии».

4. В рамках 1-го и 2-го пунктов вопрос о гарнизонах на базах возник бы и в связи с предыдущим предложением правительства Советского Союза, в порядке уточнения или осуществления договора. Дело в том, что первый проект, полученный от Советского правительства, предусматривал, что «Эстония обеспечит Советскому Союзу право иметь базы в портах Эстонии». Поскольку на базах, понятно, находятся не только оружие и другая материальная часть, но и солдаты, то уже на основе первого предложения, полученного от Молотова, должен был бы возникнуть вопрос о количестве персонала. На этом основании делегация, включая Сельтера, посчитала обстановку изменившейся не в такой степени, чтобы по своей инициативе вернуться или просить у правительства разрешения на возвращение. Все же, учитывая запрос о величине гарнизонов, а также иные условия нового предложения, это предложение даже в смягченном виде означает значительное ухудшение обстановки, и его дальнейшее обсуждение не может продолжаться без крайней необходимости. Об этом может при-

нять решение лишь правительство. Поэтому по предложению Сельтера решено сообщить о новых требованиях правительству республики и запросить у него инструкций.

По предложению Сельтера было решено, что если в ходе дальнейших переговоров Советский Союз будет настаивать на требовании о размещении своих войск на всей территории Эстонии и они будут иметь целью защищать внутренний порядок Эстонии, то переговоры следует прекратить.

Сельтер связался по телефону с Таллинном. Ему сообщили, что полеты советских самолетов над Эстонией участились, но огня по ним не открывают. Со своей стороны он передал, что идет спор по новым предложениям и об этом будет направлена шифрованная телеграмма. Он также запросил инструкций от правительства. В целях экономии времени делегация приступила к технической работе, т. е. к выработке своей позиции на тот случай, если правительство не пожелает прекратить переговоры.

Вступление.

Сельтер представил составленную министерством иностранных дел вступительную часть договора. Она была одобрена единогласно.

Статья 1

При обсуждении статьи 1 делегация в первую очередь констатировала, что правительство республики и комиссии по иностранным делам и обороны Государственного собрания выразили готовность к заключению пакта о помощи в соответствии с требованиями Советского Союза. В результате анализа вопроса о взаимной помощи, приведенного в этой статье, объема и влияния помощи на статус Эстонии, а также возможности отказа от нее, делегация пришла к выводу, что именно на пакт о взаимной помощи было обращено первоочередное внимание Молотова. Если бы этот пакт был подписан, то вопрос о базах решался бы проще и был бы некоторым образом само собой разумеющимся между союзниками. С другой стороны, если бы даже удалось уклониться от пакта взаимопомощи, хотя к этому нет реальных перспектив, и согласиться на базы, то возникает вопрос о том, что предполагаемые преимущества такого хода дела могут уменьшиться в связи с необходимостью решения проблем, которые неизбежно, рано или поздно, возникли бы с созданием баз даже при отсутствии пакта. Основав в Эстонии военные базы, Советский Союз будет заинтересован в их обороне. Можно с уверенностью утверждать, что мы не смогли бы оказать надежный отпор сильному противнику, который вторгся бы в Эстонию, чтобы напасть на базы Советского Союза. Было бы сомнительно, хотя и возможно, что в случае войны между Советским Союзом и третьим государ-

ством, что нейтралитет Эстонии защитил бы ее от нападения, т. е. был бы признан подобный «нейтралитет с базами». По этой причине, как можно предположить, у Советского Союза возникла бы необходимость в случае войны объединить свои базы в тактическом и оперативном отношении со своими главными силами. Для подобного объединения ему, по всей вероятности, была бы нужна территория Эстонии; другими словами — Советский Союз потребовал бы от Эстонии пропуска своих войск и все-таки втянул бы нас в войну, пусть и без пакта. Эта перспектива уже в мирное время ухудшила бы отношения с Советским Союзом, другими странами, а также международный статус Эстонии. В данном случае правительство Советского Союза определенно хочет добиться пакта о взаимной помощи. Вместе с пактом требуют также базы. Говорить о базах без пакта, очевидно, невозможно. Все эти обстоятельства необходимо иметь в виду при оценке важности этой статьи. Возникает вопрос, вынуждены ли мы в принципе согласиться с пактом о взаимной помощи, хотя нам и известны то зло и опасности, которые он принесет. Делегация находит, что в данной обстановке необходимость принципиального согласия на требования, исходящие от Советского Союза о пакте взаимной помощи и одновременно статьи 1, неизбежна.

В результате нынешних переговоров, констатирует Сельтер при обсуждении статьи 1, мы добились, очевидно, согласия с советской стороны на то, чтобы обязательства об оказании помощи ограничивались бы лишь следующими положениями: 1) нападение против Эстонии извне, 2) названной в предыдущем пункте акцией непосредственно, или через Латвию, 3) названной акцией против Советского Союза через Латвию непосредственно или через ее побережье на Балтийском море (точнее, Финском заливе) и 4) случаем, когда нападут на базы Советского Союза в Эстонии. Назвать отдельно базы необходимо для того, чтобы обозначить особое международное положение баз, поскольку они, с одной стороны, выступают как территория Эстонии и в то же время нападение на них означало бы нападение непосредственно на Советский Союз, у которого в таком случае возникает право требовать помощи.

На вопрос Улуотса Сельтер разъяснил позицию правительства Эстонии, которая состоит в том, что оказание помощи не должно быть автоматическим. Помощь осуществляется лишь по требованию стороны, подвергшейся нападению. Делегация единодушно пришла к выводу, что на этих основаниях статья 1 была бы приемлема.

В соответствии с этим решением Сельтер доработал текст статьи 1. После повторного обсуждения её, Сельтер поручил Пийпу окончательное редактирование этого материала.

Сельтер: Текст следовало бы дополнить еще тем, что нападающей стороной должна быть великая держава. Тем самым мы ис-

ключим возможные столкновения между Финляндией и Советским Союзом. Также нападение неизвестной подводной лодки на корабль Советского Союза не должно втягивать нас в войну. Не следует нам также вмешиваться в войну между Польшей и Советским Союзом.

Рей, Улуотс и Пийп присоединяются к этому мнению. В соответствии с этим текст дополняется.

Статья 2

Сельтер: Из предложения правительства Советского Союза следовало бы исключить фразу об оказании экономической и дипломатической помощи. Ту часть, которая затрагивает продажу Советским Союзом военного снаряжения по льготным ценам, можно было бы оставить в тексте для того, чтобы по тактическим соображениям её изъятием не возбуждать подозрения, будто бы Эстония не заинтересована вообще в предложениях Советского Союза и хотела бы по-прежнему ориентироваться в приобретении оружия на другие страны.

Улуотс, Пийп и Рей присоединяются к этой позиции. В соответствии с этим сообще редактируется статья 2.

Статья 3

Сельтер: В первом предложении Советского Союза говорится о «военно-морских базах в гаванях Эстонии» и «аэродромах военной авиации на островах». Мы должны стремиться к тому, чтобы военно-морские базы были бы только на островах, т. е. так, как это предусмотрено в предложениях Советского Союза в отношении аэродромов. Кроме того, не о каждом острове может идти речь, а лишь о Сааремаа и Хийумаа. Места для баз и аэродромов должны быть определены и их границы обозначены в соглашении.

Улуотс, Пийп и Рей соглашаются с этим предложением, все сообще редактируют первый абзац статьи 3.

Улуотс: Было бы желательно именно в этой статье отметить, что земля под базы и аэродромы выделяется на основе аренды.

Сельтер, Пийп и Рей соглашаются с этим, и Пийп дополняет редакцию статьи 3 соответствующей записью.

Сельтер: Декларативная фраза о том, что Советский Союз имеет право держать на территории баз и аэродромов гарнизоны в строго ограниченном количестве подошла бы — если правительство согласится с этой декларацией — именно под эту статью. Было бы необходимо добавить, что стороны должны договориться о максимальном количестве гарнизонов. Поскольку Сталин и Молотов категорически настаивают на вводе больших гарнизонов во время этой войны, тогда в случае, если от правительства поступит указание на продолжение переговоров, представ-

ляется неизбежным иметь дело также с общим количеством гарнизонов. Поэтому возникают следующие вопросы:

1) Не могли бы мы на нынешних переговорах ограничиться лишь вышеприведенной декларативной фразой в тексте статьи 3, поскольку соглашение о размере гарнизонов будет достигнуто позже в ходе осуществления договора?

При взаимном обмене мнениями пришли к единодушному заключению, что вряд ли это было бы осуществимо, учитывая категоричность представителей Советского Союза. Был также сделан вывод, что, если не зафиксировать количество гарнизонов, то это может нанести ущерб Эстонии, т. к. в таком случае Сталин не был бы связан сегодняшней редакцией (25 000 против 35 000) и даже не первоначальными 35 000, но мог бы говорить о большем. Принимается решение, что, если правительство вообще хочет соглашения о договоре, то следует договориться о размере гарнизонов.

2) Следует ли связывать размеры гарнизонов с общей численностью армии Эстонии?

При обсуждении выработали позицию, что это было бы нецелесообразно, т. к. становясь на подобную точку зрения, мы отдали бы контроль за численностью своей армии в руки правительства Советского Союза. Точное определение общей численности гарнизонов Советской Армии дает преимущество в том, что численность армии Эстонии не будет зависеть ни от каких предпосылок и не подотчетна никому.

3) В случае, если правительство СССР не отступит от требования разместить на базах в Эстонии определенные гарнизоны большей численности на время нынешней войны в Европе и правительство Эстонии согласится с этим, то следует ли на этих переговорах поднимать вопрос о том, какова может быть численность гарнизонов баз после окончания нынешней войны в Европе?

При обмене мнениями пришли к выводу, что это было бы нецелесообразно. Разговор об этом вызвал бы новые споры о вопросах, решение которых для Эстонии могло бы оказаться более легким и полезным, если это произойдет в будущем, т. к. настоящий момент для переговоров неблагоприятен.

Сельтер: В правительстве республики было высказано мнение, что в договоре *expressis verbis* следует указать, что земля, выделенная для баз и аэродромов, остается частью территории Эстонии.

Улуотс, Пийп и Рей соглашаются с этим и подготавливается соответствующая редакция.

Статья 4

Сельтер: Предложение Советского Союза о запрещении участвовать в соглашениях и союзах неясно. Запрещено могло бы быть

лишь вступление в коалиции и заключение союзов, направленных против другой стороны.

Рей, Улуотс и Пийп присоединяются к этому и подготавливается соответствующая редакция.

Статья 5

Сельтер: Декларацию о невмешательстве во внутренние дела участников договора, которая содержится в полученном нами от Советского правительства проекте дополнительного протокола, следовало бы перенести в текст договора. В эту декларацию в любом случае следовало бы внести следующие изменения:

1) Выражение «договор не затрагивает государственных прав другой стороны» следовало бы изложить следующим образом: «исполнение договора не должно затрагивать упомянутых прав». Текст советского проекта был бы юридическим определением заключаемого договора, не имеющим самостоятельного значения. Нам же, однако, нужно, чтобы стороны в своих правах и обязанностях, вытекающих из договора, действовали бы таким образом, чтобы не был нанесен ущерб упомянутым интересам другой стороны. Это явилось бы общей линией исполнения данного договора, что было бы полезно при толковании его положений.

В соответствии с этим суверенное решение всех обсуждаемых вопросов было бы предоставлено каждому партнеру.

2) Следовало бы выразить мысль, что исполнение договора не должно затрагивать суверенных прав участников договора вообще. В том числе следовало бы назвать некоторые из них отдельно, т. е. государственное устройство и экономическую систему. Это охватило бы те стороны суверенного права, в отношении которых интерес исключительно велик.

Рей, Улуотс и Пийп присоединяются к этим позициям. При обмене мнениями приходят к выводу, что нет необходимости отдельного упоминания о «социальной системе» как одного из проявлений «экономической системы». Было высказано также мнение о нецелесообразности упоминания в тексте некоторых особенностей государственного устройства, поскольку подобное перечисление признаков могло бы поставить под сомнение неупомянутые в тексте.

Дополнительный протокол

Сельтер: В статью 1 дополнительного протокола можно было бы включить соглашение о размерах гарнизонов баз.

Рей, Пийп и Улуотс поддерживают это предложение.

Улуотс: В дополнительный протокол следует включить предписание о том, что все споры, которые могут возникнуть при осуществлении договора, а также контроль за осуществлением до-

говора возлагается на смешанную комиссию, составленную на паритетных началах. Это подразумевало бы, что такое упорядочение при рассмотрении вопросов, связанных с настоящим договором, не затрагивало бы сферу полномочий примирительной комиссии, предусмотренной эстонско-советским договором о ненападении, а эта последняя осталась бы более высокой инстанцией.

Сельтер, Рей и Улуотс соглашаются с предложением и составляется соответствующий текст.

Составление текста проекта договора заканчивается в 4 часа. В промежутке поступила инструкция правительства Республики, в которой было приказано продолжать переговоры, сделать все, что возможно для смягчения нового предложения Советского правительства (ввод войск), однако соглашение все же подписать. /.../

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 17, ед. хр. 9, л. 31—40.

112 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛАННИКА США В ЭСТОНИИ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ США

28 сентября 1939 г.

Только что имел встречу с и. о. министра иностранных дел.¹ Он заявил, что советские требования включают также размещение гарнизонов. Первая встреча в Москве назначена на 12 часов сегодня. Никакие военные меры в Эстонии не предпринимаются; командование вооруженных сил получило инструкции избегать любых действий, могущих привести к инцидентам.

У него нет подтверждения о торпедировании какого-либо судна в Финском заливе. Корабль, упомянутый в моей телеграмме № 63 от 27 сентября, в 10 часов вечера, был первоначально замечен вчера рано утром стоящим на значительном удалении от Нарвы. В 3 часа пополудни к нему присоединилось три малых советских военных корабля. Все упомянутые суда были видны до наступления темноты, и не было ни признаков, ни звуков взрыва. Заведующий прессой добавил, что сообщения Финляндии и других Прибалтийских стран вызывают еще большее сомнение в советском заявлении. Эстонское правительство рассматривало вопрос об опубликовании официального опровержения, но опасается это делать ввиду крайне угрожающей ситуации. Он надеется, что каким-либо образом правда найдет себе дорогу в американскую прессу.

Уайли

FRUS. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933—1939. P. 943. Перевод с английского.

¹ Оскар Элк.

113 ТЕЛЕГРАММА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ МИССИИ ЭСТОНИИ В МОСКВЕ

28 сентября 1939 г.

Заклучайте договор делайте все что возможно для смягчения (условий) полномочия высланы.

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 17, ед. хр. 7, л. 33.

114 ПЕРЕГОВОРЫ И. СТАЛИНА И В. МОЛОТОВА С ДЕЛЕГАЦИЕЙ ЭСТОНИИ В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ПАКТА О ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ

28 сентября 1939 г.

/.../ 28 сентября 1939 года в 10.00 сообщают из Кремля, что совещание состоится вместо 16 часов в 13 часов того же дня. На этом четвертом по счету совещании присутствовали участники предыдущего. Переговоры развивались следующим образом:

Сельтер: Мы со своей стороны подготовили проект текста договора. Я доложил бы текст с той оговоркой, что мы готовы сделать в нем позже нужные и полезные изменения. Мы до сих пор не получили от правительства Эстонии инструкций в отношении Ваших требований и поэтому оставляем за собой право после выяснения позиции нашего правительства вернуться к этим принципиальным вопросам и в случае необходимости считать этот проект недействительным. Предлагаемый проект следующий:

Вступительная часть. (Сельтер зачитывает её). Возражений не последовало.

Статья I. (Сельтер зачитал). Сталин заметил: Гораздо яснее, чем в предыдущем тексте, однако то дополнение, что обязательство помощи не может осуществляться автоматически, а возникает лишь по просьбе другой стороны, сюда не подходит, его надо бы убрать.

Сельтер: Это дополнение отредактировано нами по результатам предыдущих переговоров. Мы считаем крайне важным констатировать *expressis verbis*, что обязательство о помощи не является автоматическим, т. к., например, в случае нападения какой-либо великой державы, как отмечается в статье I, на Советский Союз, Эстония, если это окажется уместным, могла бы оставаться нейтральной.

Я не исключаю возможности, что нейтралитет Эстонии в этом случае мог бы быть даже очень полезен Советскому Союзу, уменьшая напряженность на Балтийском море, в Финском заливе и на путях к Ленинграду.

Сталин: Совершенно правильно. Нейтралитет Эстонии в этом

случае мог бы оказаться полезным Советскому Союзу. Все же было бы удобнее эту мысль выразить в другом месте пакта. После того, как по этому вопросу выступили Улуотс, Молотов, Рей, Пийп и Микоян, было решено исключить из текста статьи 1 это дополнение, включив в дополнительный протокол новую статью (3) аналогичного содержания, но в более развернутом виде.

Статья 2. (Сельтер зачитывает). Возражений нет.

Статья 3. (Сельтер зачитывает).

Сталин: Так не пройдет. Мы не можем согласиться с базами только на Сааремаа и Хийумаа. Нам нужен Таллинн.

Сельтер: Таллинн мы дать не можем. Невозможно было бы сохранить суверенные права государству, когда его столица превратилась бы в военную базу чужой страны.

Сталин: Было бы не так плохо — могли бы выделить в Таллинне известные районы.

Сельтер: Положение стало бы нетерпимым. Следует полагать, что у базы должна быть определенная военная целостность, которая не соответствовала бы государственным функциям, связанным со статусом нашей столицы. Выделение района было бы недостаточным, т. к. военный флот Советского Союза слишком велик для того, чтобы его можно было бы втиснуть в какой-либо район. Так или иначе, находясь постоянно в Таллинне, он нарушал бы необходимый для него, как столицы, облик независимости и самостоятельности государства. Мы не можем согласиться с местонахождением базы в Таллинне.

Рей, Улуотс и Пийп в своих выступлениях приводят доводы против чужой военно-морской базы в Таллинне. При этом Рей и Улуотс указывают на непригодность Таллинна, как большого торгового порта, для нужд военно-морской базы, в то время как Пийп указывает на возможность нарушения общественного порядка при передвижении в Таллинне советских моряков.

Сталин: Без Таллинна нельзя: Я не скрываю, что будут определенные трудности, но мы их преодолеем. На Сааремаа и Хийумаа нет ничего. Там все еще предстоит строить. Это потребует длительного времени. На материке нужна уже готовая гавань. Единственная — это у Вас в Таллинне.

Сельтер: Таллинн под базу мы Вам дать не можем. Когда в прошлый раз я был здесь, то г-н Молотов сказал, что Таллинн не обязательно нужен.

Рей: Ясно помню, как г-н Молотов сказал, что Таллинн как база не нужен.

Молотов: Я сказал, что, может быть, обойдемся без Таллинна, если найдем на материке другую подходящую гавань. Однако и тогда выразился достаточно твердо, что без морской базы на северном побережье материковой части Эстонии система безопасности Советского Союза в настоящих условиях немыслима. Тогда меня интересовали Пярну и Палдиски.

Сталин: Наши военные сказали мне, что Палдиски недостроены и для базы сейчас мало подходит, но может стать базой в будущем.

Улуотс и Пийп рассказывают об истории основания и строительства Палдиски и его нынешнем состоянии.

Сталин: Палдиски — это будущее. Нам нужен морской порт сейчас.

Сельтер: Палдиски, как и Таллинн, располагает всем тем, что необходимо. Таллинн, как морская гавань, ничем не отличается от Палдиски. Отдать Таллинн под базу мы ни в коем случае не можем. Это наша твердая позиция.

Сталин: Согласен с Вами. Однако с условием, что до тех пор, пока подготавливается Палдиски, мы сможем заходить в Таллинн для того, чтобы брать продукты, топливо и временно находиться на Таллиннском рейде и гавани у какого-либо выделенного нам причала. У Вас в Таллинне есть т. н. Новая гавань. Там найдется место. Это право может быть ограничено коротким сроком, но без этого нельзя. Это наше окончательное мнение.

Сельтер: Постараюсь уточнить нашу позицию к следующему совещанию.

Сталин: Дополним текст статьи 3 фразой, что земли под базы арендуются на льготных условиях.

Сельтер: Это излишне.

Сталин: И статья 2 содержит слова «по льготным ценам».

Сельтер: Можем и там опустить эти слова.

Сталин: Статья 2 уже принята. Поэтому и здесь это нужно. Если Вы так хотите, тогда включим слова: «по договорным ценам». Иначе сдерете шкуру с нас своей арендой.

Сельтер: Согласен. Цена должна быть сходная. Сомневаюсь при этом, чтобы Вы из-за размеров аренды не построили базы.

Сельтер зачитывает следующие статьи, которые не вызывают возражений и замечаний. Касаясь статьи, не разрешающей вступать в союзы, направленные против другой стороны, он заявляет, что под это не должны подпадать принятые до сих пор соглашения, особенно эстонско-латвийский договор о союзе, который, независимо от заключительного пакта, сохраняется.

Сталин и Молотов: Мы не против этого. Этот пакт не затрагивает эстонско-латвийского договора о союзе. Этот договор может остаться. Поскольку настоящий текст пакта говорит о будущих договорах, то отсутствует надобность особо оговаривать эстонско-латвийский договор.

Полемику вызвала статья 1 дополнительного протокола.

Сельтер: Мое правительство не дало согласия на ввод 25 000 Ваших солдат. Оно находит это слишком большим количеством. Я считаю, что даже на время нынешней войны вполне достаточно 5 000.

Сталин: 25 000 скорее мало, чем много. Мои военные упрекают

меня за то, что я уменьшил 35 000 до 25 000; однако я не разделяю их мнения. 35 000 было взято с потолка, в то время как 25 000 соответствует минимуму численности состава известных войсковых соединений и тем задачам, которые должны решать на базах.

Сельтер: Военным всегда будет не хватать войск, и 25 000 слишком много. Наша армия будет защищать базы, если это вообще потребуется. Считаю, что в этом нет необходимости — никто не тронет этих баз. Вы поступили бы неразумно, если бы ввели слишком много своих войск и тем самым снизили бы заинтересованность народа и армии Эстонии в защите страны. В этом случае Вы смогли бы выполнить свои задачи, т. к. лишь дружеское и доброжелательное участие эстонской армии в военных действиях могло бы обеспечить успех в обороне.

Сталин: Мы оцениваем очень высоко моральное состояние эстонских вооруженных сил и дух сотрудничества между двумя армиями, однако 25 000 — это минимальный состав самостоятельного войскового соединения. Кроме того, и в предложении говорится: до 25 000 человек.

Микоян: Дивизия — это 17—18 тысяч человек. Следует добавить различные специальные учреждения и части, необходимые для организации самостоятельного войскового соединения.

Сельтер: Следовательно — достаточно максимально 15 000 человек.

Сталин достаёт свой вчерашний текст и говорит, что этот текст должен подойти. В этом тексте можем опустить перечисление видов войсковых подразделений и внести те поправки, которые я отметил здесь карандашом.

Замечание: Основной мыслью Сталина было размещение советских войск на всей территории Эстонии, причем эти войска защищали бы внутренний порядок Эстонии и, таким образом, были бы оккупационной армией.

Сельтер: Основой сейчас является новый подготовленный нами текст.

Молотов: Да, Ваш текст лучше, и может стать основой.

Сталин: (После непродолжительного молчания). Не должно быть слишком мало войск — окружите и уничтожите.

Сельтер: Это оскорбительно. Мы заключаем союзный договор, а Вы говорите так, будто бы мы злейшие враги, которые все время должны опасаться нападения друг на друга.

Сталин: Я не намерен Вас оскорблять. Однако у каждой войсковой дислокации имеется разумный минимум, ниже которого идти нельзя. Мы не хотим причинять Вам излишних трудностей. Сами построим казармы, у нас имеются для этого подходящие простые проекты. Построим также за свой счет дороги, необходимые для сообщения. Не бойтесь, это число не слишком велико. Возможно, получится и меньше. Этот вопрос важен в принципе. Когда допускают на свою территорию один полк чужой армии,

то с точки зрения принципа уже не важно, если их окажется больше.

Сельтер: Конечно, нарушение принципа самое важное, но нельзя отрицать, что вопрос — один полк или 10 — тоже имеет свое значение. Я не могу встать на другую позицию. Хочу еще раз переговорить со своим правительством. Представьте себе, какие трудности возникнут при снабжении продовольствием, при расквартировании этих войск. Отсюда возникнут взаимные недовольства и неприятности.

Совещание заканчивается в 15 часов. Следующее совещание назначается на 21 час. При выходе из помещения, где проводилось совещание, мы встретили в комнате для ожидания министра иностранных дел Германии Риббентропа, который находился там вместе с Гаусом, Шуленбургом и другими. Сельтер пожал руки Риббентропу и Гаусу, Рей — Шуленбургу.

Вернувшись в миссию, делегация продолжила обмен мнениями.

Из инструкций правительства республики вытекало, что правительство считает заключение соглашения совершенно необходимым.

Делегация констатировала, что нет оснований для прекращения переговоров. Их надо довести до конца и подписать соглашение. Делегация также пришла к выводу, что не видит оснований для затягивания переговоров, т. к. вряд ли обстоятельства за это время улучшились бы. Отмечалось также, что несмотря на дружественный тон переговоров, советские представители проявляли упорство, а их высказывания содержали угрозу и предостережения об опасностях, которые ожидают Эстонию в случае отказа заключить пакт. Делегация пришла к выводу, что пожелания Советского Союза в части спорных вопросов очень тяжелые. Все же делегация, исходя из чувства ответственности перед государством и народом Эстонии, которую на нее возложила история, не могла действовать иначе, как продолжать переговоры, делать все что возможно для смягчения условий и в итоге заключить договор. Тем самым делегация выполнила бы наказ правительства и свой долг перед народом. В противном случае ему угрожали бы не только война и завоевание, но и частичное уничтожение.

Члены делегации сознавали, что они не могут идти на подобный риск и должны пожертвовать национальной гордостью и ничем не ограниченной независимостью, за которую боролись в прошлом. Сохранение народа — то наивысшее, что должно быть целью правительства. Будущего нет только у того народа, который или уничтожен, или сломлен. Сейчас еще рано говорить, кто — Гаха или Мосьцицкий¹ — будет оправдан историей. /.../

¹ Игнаци Мосьцицкий — президент Польши в 1926—1939 годах.

Учитывая всё это, делегация решила приступить к обсуждению спорных вопросов, решив единогласно следующее:

1. Настаивать на том, чтобы в Таллинне базы не создавать. Предложить вместо Таллинна Палдиски. Поскольку в первое время в Палдиски не будет необходимых условий, согласиться на заход советского флота в Таллинн для пополнения запасов продовольствия, топлива и временной стоянки. Это право должно быть ограничено коротким сроком.

2. Настаивать на сокращении количества вводимых войск и, если это не удастся — согласиться на 25 000.

3. Мнение в отношении Таллинна, указанное в статье 1, так же, как и размеры гарнизона, упомянутые в статье 2, включить в дополнительный протокол. Вписать также в него тезис, исключая автоматическое оказание помощи и право одного из участников договора сохранять свой нейтралитет при согласии другого.

Соответствующие тексты составляются или проверяются еще раз.

В тот же день в 21 час в Кремле начались переговоры с представителями Советского Союза. Участники те же, за исключением Сталина, который вначале отсутствовал.

Сельтер: Мы сделали поправки в тексте. Рекомендовали бы сначала зачитать текст.

Молотов: Согласны с предложением о таком порядке.

Сельтер: Зачитывает вступление.

Молотов: Согласен.

Сельтер: Зачитывает статью 1.

Молотов: Почему обязательство об оказании помощи вступает в силу лишь в том случае, когда нападающей стороной является «великая держава»? Это обязательство должно иметь силу и тогда, когда нападающей стороной является любое европейское государство.

Сельтер: На дневном заседании согласились с тем, что будет указана великая держава.

Молотов: Я не обратил внимания.

Сельтер: И Сталин был при этом.

Молотов: Агрессором может быть и не великая держава. Опустим слово «великая».

В этот момент вошел Сталин и подключился к переговорам.

Сельтер: С этим я не могу согласиться. Разве Советскому Союзу была бы нужна наша помощь, если бы на него напала, например, Швеция?

Молотов: Нет. Но она могла бы напасть на Вас.

Сельтер: Со Швецией мы справимся и сами. Ваша помощь нам для этого не нужна.

Молотов: Вот Вы какие! Сталин, поддержи меня. Каково твое мнение?

Сталин: Пусть останется «великая держава».

Сельтер: Зачитывает статьи 2 и 3.

Сталин: В статье 3 не назван Таллинн. Так не пойдет.

Сельтер: Таллинн под базу отдавать нельзя.

Сталин: Крайнее, с чем мы можем согласиться — это база в Палдиски, при этом пусть у нас останется право временно использовать Таллинн для стоянок и пополнения запасов.

Члены делегации, посоветовавшись, единогласно решили согласиться. При этом Сельтер сделал заявление, что делегацию принудили принять это предложение. В статью 3 включаются слова: «В район города Палдиски», поскольку советская сторона согласилась с тем, что временное использование Таллинна будет упомянуто в дополнительном протоколе.

Долгие споры вызвал еще параграф о введении договора в действие.

Молотов: Договор должен вступить в силу с момента подписания.

Сельтер: В соответствии с Конституцией Эстонии это невозможно: договор не может вступить в силу до его ратификации. Я не могу согласиться иначе.

Молотов: Как же Риббентроп смог? Что же, у Вас другая конституция, чем в других странах?

Сельтер: Я знаю определенно, что Конституция Эстонии не позволяет мне принять Вашу формулировку.

После продолжительных споров, в которых по многу раз выступили Сельтер, Молотов, Сталин, Улуотс, Рей и Микоян, советские представители уступили.

Сталин: Хорошо, договор вступает в силу через 3 дня.

Сельтер: Через 10 дней. 3 дня слишком короткий срок.

Сталин: Через 4 дня.

Сельтер: Меньше чем через 10 дней не успеть.

Сталин: Пусть будет через 5 дней.

Сельтер: Сегодня четверг. Завтра выеду домой. В субботу доложу результаты переговоров. В промежутке будет воскресенье. Воскресенье хочу провести с женой и сыном за пределами Таллинна, в Риге или Тарту. Сегодня вызвал их по телефону из Таллинна в Ригу, чтобы встретиться и по-семейному отдохнуть от Москвы. Думаю, что этого же хотят мои коллеги. Таким образом, в Таллинне осталось бы лишь два дня для того, чтобы парламентские органы могли собраться и ратифицировать договор. Этого мало.

Сталин: Сколько лет Вашему сыну?

Сельтер: Еще нет четырех.

Сталин: Для Вашей жены и сына добавим еще один день. Пусть будет тогда 6 дней.

Делегация Эстонии соглашается.

Текст договора в остальных частях споров не вызвал.

При обсуждении статьи 1 дополнительного протокола снова возник спор о численности вводимых войск.

Сельтер: Мы настаиваем на максимальной цифре в 10 000 человек.

Сталин и Молотов: Мы считаем максимальную численность в 25 000 человек безусловно необходимой для обеспечения безопасности Советского Союза. Мы решили обеспечить так или иначе безопасность Советского Союза. Эти меры включают также гарнизоны общей численностью до 25 000 человек. Не принуждайте нас к поиску других возможностей для безопасности своей страны. Не бойтесь наших гарнизонов. Заверяем Вас, что СССР не намерен касаться ни суверенитета Эстонии, ни её государственного и экономического устройства, ни её внутренней жизни и внешней политики. Мы не хотим действовать так, как Германия в Чехословакии. Следовательно, военные части Советского Союза будут избегать всего, что не соответствует этим обещаниям. Поддерживайте численность своей армии в нужных Вам размерах. Кроме того, меры, предусмотренные настоящей статьёй, — временные, т. е. действуют до тех пор, пока в Европе идет война.

Делегация прямо на месте провела совещание, на котором единогласно решила согласиться с цифрой 25 000 (максимально).

Сельтер: Хотя мы и остаемся при том мнении, что это количество слишком велико и нецелесообразно, мы готовы принять это предложение.

При обсуждении статьи 2 дополнительного протокола возникла полемика следующего содержания:

Сталин: Подготовленная редакция содержит мысль, что наши корабли могут заходить в Таллинн для «временной стоянки». Поскольку в начале статьи сказано, что «временно, до готовности Палдиски»... то нет необходимости ниже говорить о «временной стоянке». Это понятие, кроме того, внесло бы путаницу.

После длившейся некоторое время между Сельтером, Сталиным и Молотовым дискуссии, делегация, посоветовавшись, решила согласиться с тем, чтобы опустить слово «временная» из текста.

Сельтер: Согласны опустить слово «временная». Время, в течение которого Ваш флот мог бы заходить в Таллинн на основании этой статьи, следовало бы ограничить одним годом.

Сталин: Один год мало. 3 года.

В результате соглашаются на том, что этот срок был бы «не более 2 лет».

Другие части дополнительного протокола споров не вызвали.

По окончании переговоров Молотов передал тексты соглашения и дополнительного протокола для перепечатки.

Сталин обратился теперь к Сельтеру и продолжил: соглашение достигнуто. Могу Вам сказать, что правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом. С Вами могло бы получиться

как с Польшей. Польша была великой державой. Где теперь Польша? Где теперь Мосьцицкий, Рыдз-Смиглы¹ и Бек? Завещаю Вас откровенно, что Вы действовали хорошо и в интересах своего народа.

Сельтер: Мое правительство, лично я и мои товарищи придерживаемся того же мнения. У меня к Вам еще одно дело. В последние дни Ваши самолеты постоянно нарушают границы Эстонии, летают над нашей территорией. До сих пор мы по ним не стреляли. Все же я заявил протест Вашему посланнику и г-ну Молотову. Эти нарушения особенно неуместны сейчас, во время переговоров. Мы знаем, что у Вас самолетов больше, чем летало над Эстонией. Знаем о мощи Советского Союза. Для чего Вы демонстрируете свою силу?

Сталин: Это были молодые неопытные летчики. Но мы это устраним. Это больше не повторится.

Сталин и Молотов вслед за этим пригласили всех присутствующих отужинать.

Во время ужина по предложению Сталина и Молотова были подняты бокалы за здоровье президента Пятса, министра иностранных дел Сельтера и генерала Лайдонера. Сельтер предложил тост за здоровье Сталина, Молотова и Микояна.

Соглашение было подписано в 24 часа.

Встреча продолжалась до часа ночи.

К. Сельтер
(подпись)

ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 17, ед. хр. 9, л. 40—51.

115 ПАКТ О ВЗАИМОПОМОЩИ МЕЖДУ СССР И ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

28 сентября 1939 г.

Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Президент Эстонской Республики, с другой стороны,

в целях развития установленных мирным договором от 2 февраля 1920 года дружественных отношений, основанных на признании независимой государственности и невмешательства во внутренние дела другой Стороны;

признавая, что мирный договор от 2 февраля 1920 года и договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов от 4 мая 1932 года попрежнему являются прочной основой их взаимных отношений и обязательств;

убежденные, что интересам обеих Договаривающихся Сторон

¹ Эдвард Рыдз-Смиглы, — маршал Польши, в сентябре 1939 г. — главнокомандующий вооруженными силами.

соответствует определению точных условий обеспечения взаимной безопасности,

признали необходимым заключить между собою нижеследующий пакт о взаимопомощи и назначили для этой цели своими уполномоченными

Президиум Верховного Совета СССР:

В. М. Молотова, Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел,

Президент Эстонской Республики:

Карла Сельтера, Министра Иностранных Дел, каковые уполномоченные согласились о нижеследующем:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае возникновения прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы по отношению морских границ Договаривающихся Сторон в Балтийском море или сухопутных их границ через территорию Латвийской Республики, а равно и указанных в статье III баз.

Статья II

СССР обязывается оказывать Эстонской армии помощь на льготных условиях вооружением и прочими военными материалами.

Статья III

Эстонская Республика обеспечивает за Советским Союзом право иметь на эстонских островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский Порт) базы военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации на правах аренды по сходной цене. Точные места для баз и аэродромов отводятся и их границы определяются по взаимному соглашению.

В целях охраны морских баз и аэродромов СССР имеет право держать в участках, отведенных под базы и аэродромы, за свой счет строго ограниченное количество советских наземных и воздушных вооруженных сил, максимальная численность которых определяется особым соглашением.

Статья IV

Обе Договаривающиеся Стороны обязываются не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон.

Статья V

Проведение в жизнь настоящего пакта ни в какой мере не должно затрагивать суверенных прав Договаривающихся Сторон, в частности их экономической системы и государственного устройства.

Участки, отводимые под базы и аэродромы (ст. III), остаются территорией Эстонской Республики.

Статья VI

Настоящий пакт вступает в силу с обменом актов о ратификации. Обмен сих актов будет произведен в течение шести дней со дня подписания настоящего пакта в городе Таллинне.

Срок действия настоящего пакта десять лет, причем, если одна из Договаривающихся Сторон не признает необходимым денонсировать настоящий пакт за год до истечения срока, последний автоматически продолжает свое действие на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий пакт составлен в двух оригиналах, на русском и эстонском языках, в городе Москве, 28 сентября 1939 года.

28 сентября 1939 года.

В. Молотов.   К. Сельтер.

Известия, 1939, 29 сентября.

116 КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ПАКТУ О ВЗАИМОПОМОЩИ МЕЖ- ДУ СССР И ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

28 сентября 1939 г.

I

Условлено, что в целях предупреждения и пресечения попыток втянуть Договаривающиеся Стороны в происходящую ныне в Европе войну СССР имеет право, на время этой войны, держать на отведенных под аэродромы и базы участках (Ст. 3 Пакта) отдельными гарнизонами в общей сложности до двадцати пяти тысяч человек наземных и воздушных вооруженных сил.

II

Временно, до отстройки базы в городе Палдиски (Ст. 3 Пакта), однако, на срок не более 2-х лет со дня подписания настоящего Протокола, советские военные суда могут заходить в Таллинн-

ский порт для снабжения провиантом и топливом и для стоянки. Ближайший порядок пользования этим правом определяется особым соглашением.

III

Обусловленная в Ст. 1 Пакта помощь оказывается по изъявленному желанию другой стороны, причем с обоюдного согласия сторона, обязанная к оказанию помощи, может, в случае войны другой стороны с третьей державой, остаться нейтральной.

IV

Для наблюдения за проведением в жизнь настоящего Пакта и разрешения возникающих при этом вопросов, образуется Смешанная Комиссия на паритетных началах, которая выработает правила своего делопроизводства.

V

Настоящий Конфиденциальный Протокол является приложением к Пакту о взаимопомощи между СССР и Эстонией, заключенному 28 сентября 1939 года.

28 сентября 1939 года

В. Молотов   К. Сельтер

ЦГАОР ЭССР, ф. 989, оп. 1, ед. хр. 1797, л. 6—7.

117 СОГЛАШЕНИЕ О ТОРГОВОМ ОБОРОТЕ МЕЖДУ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

28 сентября 1939 г.

Желая содействовать укреплению и дальнейшему улучшению экономических отношений между Эстонией и СССР и в развитие постановлений Торгового Договора между Эстонией и СССР от 17 мая 1929 года Министр Иностранных Дел Эстонской Республики К. Сельтер и Народный Комиссар Внешней Торговли Союза ССР А. Микоян подписали нижеследующее Соглашение.

Статья 1-я

Договаривающиеся Стороны согласились значительно расширить товарооборот между ними. В соответствии с этим, экспорт Союза ССР в Эстонию за период действия настоящего Соглашения составит 18 миллионов эстонских крон и экспорт Эстонии в Союз ССР также 18 миллионов эстонских крон.

Кроме того, Советской Стороне предоставляется право дополнительного экспорта в Эстонию на сумму 3 миллиона эстонских крон в счет погашения пассивного сальдо, образовавшегося за период, предшествовавший заключению настоящего Соглашения.

Статья 2-я

Расходы обеих сторон по фрахтованию судов, плавающих под флагом Договаривающихся Сторон, по транзиту и перевалочно-складским операциям и ремонтно-судостроительным работам в Эстонии, а также расходы Торгового Представительства СССР в Эстонии и всех советских хозяйственных организаций в Эстонии включаются в торговый оборот. Советская Сторона имеет право дополнительного экспорта на сумму пассивного сальдо по всем упомянутым в настоящей статье расходам.

Статья 3-я

Если по истечении срока действия настоящего Соглашения обнаружится пассив по торговому обороту для одной из Договаривающихся Сторон, то эта Сторона имеет право выравнивать свой пассив в течение последующих 12-ти месяцев.

Статья 4-я

Стоимость вывоза из СССР в Эстонию будет определяться по ценам франко эстонская граница или сиф эстонские порты по данным эстонской государственной статистики. Под вывозом из Союза ССР в смысле настоящего Соглашения понимается ввоз в Эстонию товаров Торговым Представительством СССР и советскими хозяйственными организациями.

Стоимость ввоза в Союз ССР из Эстонии будет определяться по ценам франко советская граница или сиф советские порты по данным советской таможенной статистики.

Каждая Сторона имеет право вносить исправления в статистические данные другой Стороны на основе документального материала.

Статья 5-я

Настоящее Соглашение заменяет собой Соглашение о торговом обороте от 26 февраля 1938 года, вступает в действие с 1 октября 1939 года и останется в силе по 31 декабря 1940 года.

Совершено в Москве в 2-х экземплярах на русском языке, 28 сентября 1938 года.

Перевод на эстонский язык будет сделан в наиболее короткий срок и будет проведен Сторонами, после чего оба текста будут одинаково действующими.

К. Сельтер   А. Микоян

ЦГАОР ЭССР, ф. 989, оп. 1, ед. хр. 395, л. 5—7.

118 ПИСЬМО НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ СССР МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭСТОНИИ

28 сентября 1939 г.

Господин Министр,

Подтверждаю получение Вашего нижеследующего письма от 28 сентября 1939 г.

«Имею честь заявить от имени Эстонского Правительства о том, что оно в соответствии со статьями I и 16 Торгового договора между Эстонией и Союзом ССР от 17 мая 1929 г., а также Заключительного Протокола к указанным статьям названного договора, согласно на следующее:

1. Предоставить к 15 октября 1939 г. в распоряжение советских хозяйственных организаций, на правах аренды на льготных условиях, сроком на 5 лет, все склады с необходимым инвентарем и оборудованием, построенные в 1922—23 гг. советскими хозяйственными организациями и переданные в 1934 году Эстонскому Правительству по истечении срока аренды земельных участков. Срок аренды складов будет считаться продленным на следующие пять лет, если от советских хозяйственных организаций-арендаторов не поступит за полгода до истечения арендного срока заявления об отказе от продления аренды.
2. По заявлению Торгового Представительства СССР в Эстонии и советских хозяйственных организаций предоставлять в их распоряжение, на началах аренды или пользования, на льготных условиях, необходимое количество складов в Таллинне, Нарве, Изборске и в Пернове, расположенных при рельсовых путях и у причальных линий, поскольку такие склады существуют.
3. Предоставлять для пользования советским хозяйственным организациям в Таллиннском порту элеватор, холодильник, а также электрические краны, находящиеся при складах и элеваторе, причем все эти устройства должны находиться в состоянии, пригодном для нормальной эксплуатации.
4. Сдавать в аренду на льготных условиях советским хозяйственным организациям земельные участки на портовых территориях и разрешать на них постройку складов, элеваторов, холодильников и прочих относящихся к транспорту сооружений.
5. Разрешить советским хозяйственным организациям, по заявлениям Торгового Представительства СССР открывать свои отделения в Эстонии для обслуживания операций, упоминаемых в настоящем письме. Эстонское Правительство принимает на себя уплату налогов за эти отделения.
6. Разрешить в соответствии со статьей 1-го Торгового Договора от 17 мая 1929 г. въезд в Эстонию и пребывание в ней советских граждан, назначаемых в качестве служащих Торгового

Представительства СССР в Эстонии и отделений советских хозяйственных организаций, служащих для складов, для перевалочных работ и других транспортно-экспедиторских операций и служащих технического надзора по наблюдению за производством ремонтно-строительных работ по советским заказам.

7. Не препятствовать стоянке советских торговых судов, входящих в эстонские порты с целью ожидания открытия навигации в Ленинградском порту или в целях ожидания груза.

8. Оказывать содействие в размещении заказов на производство в Эстонии ремонтно-судостроительных работ в отношении судов Союза ССР в пределах тоннажа до 30.000 тонн — 8 судов — и сверх того 9 мелких судов.

9. В каждом отдельном случае согласовывать с Торговым Представительством СССР в Эстонии национальность и флаг судов, заходящих в советские порты с грузами, следующими в Эстонию, или грузами, следующими из Эстонии.

10. Перечисленные выше обязательства Правительства Эстонии будут сохранять силу в течение действия Торгового Договора от 17 мая 1929 года между Эстонской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик.

Одновременно с этим Эстонское правительство принимает к сведению следующие заявления Правительства Союза ССР:

«1. Идя навстречу пожеланиям Эстонской стороны, Правительство Союза ССР готово предоставить для эстонских товаров транзит через территорию Союза ССР по железнодорожным путям в направлении на Мурманск и на Черноморские порты, а также по Беломорско-Балтийскому каналу в направлении на Сороку.

2. В связи с этим, в целях содействия эстонскому транзиту Правительство Союза ССР готово дать поручение советской транспортно-экспедиционной конторе «Ленвнештранс» взять на себя все обслуживание транзита Эстонии через территорию Союза ССР, в том числе складирование, перевалочные работы и т. д., путем заключения соответствующих договоров между «Ленвнештранс» и эстонскими организациями и фирмами.

3. Правительство Союза ССР соглашается установить ставки железнодорожного тарифа для провоза товаров эстонского транзита через территорию Союза ССР на расстоянии до 400 километров, равные ставкам железнодорожного тарифа Эстонии, действующим согласно железнодорожной конвенции между СССР и Эстонией, введенной в действие 1-го января 1933 года.

При провозе транзитных эстонских товаров по территории Союза ССР на расстоянии свыше 400 километров, применяются ставки, установленные согласно 1-го абзаца настоящего пункта для расстояния 400 километров с пропорциональным увеличением их соответственно расстоянию транзитного провоза.

4. В отношении провоза транзитных товаров по Беломорско-

Балтийскому каналу, будет действовать внутренний тариф Союза ССР с переводом суммы ставок советского тарифа, исчисленной в рублях, в эстонские кроны по курсу Государственного Банка СССР, на день производства платежа за провоз. Если внутренний тариф Союза ССР на перевозки по Беломорско-Балтийскому каналу будет значительно повышен, то Советская Сторона готова, по заявлению Эстонской Стороны, вступить в переговоры о дальнейшем применении тарифа к эстонским товарам, перевозимым по названному каналу.

5. Правительство Союза ССР заявляет, что советские заказы в Эстонии на производство ремонтно-судостроительных работ будут выдаваться в течение всего срока действия постановлений настоящего письма, в размере, примерно, 15 тыс. тонн ежегодно.

6. Перечисленные выше обязательства Правительства Союза ССР будут сохранять силу в течение действия Торгового Договора от 17 мая 1929 г. между Союзом Советских Социалистических Республик и Эстонской Республикой».

С содержанием этого письма согласен.

Примите, г-н Министр, уверения в моем глубоком к Вам уважении.

(А. Микоян)

ЦГАОР ЭССР, ф. 989, оп. 1, ед. хр. 1797, л. 33—37.

ОТКЛИКИ НА ДОГОВОР О БАЗАХ. РАТИФИКАЦИЯ ПАКТА

Договор о ненападении, заключенный между Союзом ССР и Эстонской Республикой, оценивался официальными лицами и средствами массовой информации Эстонии в подчеркнуто спокойном и доброжелательном тоне по отношению к Советскому Союзу.

В печати информация о пакте была опубликована под броскими заголовками 29 сентября. Газеты с пониманием писали о нуждах обороны Советского Союза и значении Балтийского моря для экономики соседнего государства. В таком же тоне была выдержана речь президента Пятса по радио вечером 29 сентября. Главный редактор газеты «Пяэвалехт» Х. Таммер прямо связывал подписание указанного пакта с заключением пакта Молотова—Риббентропа 23 августа, подчеркивая огромное влияние последнего на всем пространстве от Балтийского до Черного моря.

Вопрос о ратификации пакта об оказании взаимной помощи обсуждался 2 октября на совместном заседании комиссий по делам обороны и иностранных дел Государственной думы и Государственного совета. Выступавшие акцентировали неизбежность заключения пакта и указывали на неизбежность его корректного выполнения. Представители оппозиционных кругов потребовали реорганизации правительства и принятия мер для снижения внутривластной напряженности.

Во время проходивших в Москве переговоров правительство Эстонии не сообщало о них ни эстонским миссиям за границей, ни иностранным средствам массовой информации. Это делалось для того, чтобы не провоцировать Москву и способствовать решению упомянутой проблемы в миролюбивом духе. По существу же все это было попыткой сделать лишь хорошую мину при плохой игре.

Зарубежные отклики на договор о базах в зависимости от политических соображений тех или иных кругов были весьма различны. В целом дипломатические круги и международная общественность констатировали, что в связи с пактом Эстония, по существу, потеряла свой государственный суверенитет.

29 сентября 1939 г.

/. . . / Мы пережили напряженный момент, так как наш восточный сосед после 20 лет спокойной жизни пришел к выводу о том, что его военно-морские базы, места дислокации военно-морских сил стали ему тесны, закрыты льдом, и поэтому ему нужен доступ к открытому морю.

На границах нашего государства имеются берега, — и это наше преимущество, — которые зимой свободны ото льда и замерзают очень редко. В результате этого мы являемся для нашего восточного соседа самым близко расположенным государством, у которого есть возможность предоставить ему такие места в пределах наших границ. И для этого велись переговоры.

Мы не скрываем того, что эти переговоры явились для нас неожиданностью, что у нас не было предварительных разъяснений. Эти переговоры косвенно совпали с заключением нашего торгового договора. Предложения, в том виде как они были сделаны — без обсуждений, рассмотрения перспектив будущего, — могли бы привести к заключению, что будто бы здесь имеется намерение каким-то образом урезать наши права на независимость.

Однако, вскоре, на основе взаимных разъяснений о намерениях, которые наше правительство в спокойном тоне представило и которые были поняты той стороной, выяснилось, что наш великий восточный сосед полностью уважает те договоры, которые он подписал с нами после Освободительной войны для подтверждения нашей независимости, что он уважает и вновь подтверждает все договоры, и не только о ненападении и мирном разрешении споров. Выяснилось также, что единственное его желание — это получить на нашей территории известные участки, где он мог бы расположить свои военно-воздушные и военно-морские базы и где для их обороны могли бы находиться определенные гарнизоны в размере, оговоренном специальным соглашением.

Заключенный договор не затрагивает наших суверенных прав, наше государство останется независимым, останется таким, каким оно было прежде. Мы лишь установили с нашим великим соседом определенные отношения, которые ему крайне необходимы, и за которые он из своего доброжелательства обещал нам в будущем предоставить как военную, так и экономическую помощь.

Я думаю, подобное решение в обстановке, которая сложилась сейчас в Европе, дает подтверждение тому, что руководители

обоих государств, положившие начало этому делу, и по желанию которых этот договор принял настоящий вид, намеревались показать, что есть возможность решать острые вопросы таким образом, чтобы не пролилось ни капли ничьей драгоценной крови.

В этих требованиях не было ничего исключительного и, учитывая нашу историю и географическое положение, было очевидно, что мы должны достичь договоренности с нашим великим восточным соседом.

Как морское государство, Эстония всегда была посредником между Востоком и Западом, и эта роль наложила особый отпечаток на всю нашу культурную и национальную самобытность. Переговоры, которые закончились подписанием договора, были в действительности переговорами, на которых прислушивались также к соображениям и предложениям другой стороны. У нас нет никаких оснований сомневаться, что наш партнер по договору будет выполнять его лояльно, т. к. этот договор является выдающимся экспериментом в налаживании мирного сотрудничества в решении узловых вопросов, стоящих перед нашими народами. /.../

Я убежден, что наш народ-труженик, на котором держится наше государство, выполнит все задачи, которые договор, заключенный нами, на него возлагает.

Эстонское государство так же устойчиво, как и прежде. Уверенно идет созидательная работа, стабильное строительство республиканского строя и если возникает необходимость предпринять что-либо в республике, то наш трезво мыслящий народ, в условиях нашего внутреннего строя, может осуществить это таким образом, что не будет оснований кому-либо тревожиться. Наше государство создается основательным народом, спокойно и терпеливо пережившим первые годы строительства нашего государства, создавшим новую экономику, всегда прилежно строившим и готовым принять на себя обязательство. Он и в дальнейшем поведет вперед наше государство. /.../

Пяэвалехт, 1939, 1 сентября.

120 СТАТЬЯ В «ПЯЭВАЛЕХТ» «НАВСТРЕЧУ СОВЕТСКОЙ РОССИИ».

29 сентября 1939 г.

Влияние подписанного 23 августа германо-советского договора о ненападении и консультациях начинает все больше проявляться в обстановке в Восточной Европе и в определенной степени — в Центральной Европе. На полях сражений в Польше возникло германо-русское военное братство. Граница Советской России

продвинулась за счет Польши на запад и у нее появились теперь новые соседи — Венгрия и Литва. Однако значение русско-германского пакта заключается не только в ликвидации или перераспределении польского наследства, но и в создании между двумя великими державами прочного сотрудничества в значительно более широких размерах, что должно привести обе страны к разрешению всех интересующих их вопросов.

Немецкие газеты отмечали в связи с обменом ратификационными грамотами германо-русского пакта то доверие, в духе которого оба государства сотрудничают и решают все возникающие вопросы быстро и без трений. Установление демаркационной линии в Польше явилось подтверждением этому. Германия и Советская Россия не разрешают больше чужим народам высказываться по вопросам восточного пространства. В этой реалистической мысли заключается все значение и влияние пакта 23 августа, который и в дальнейшем будет основой всех событий в Европе. Так писала «Фёлькишер Beobachter».

Западноевропейские государства понимают, что германо-русское сотрудничество, недоступность Балтийского моря для других великих держав оказывают огромное влияние на все государства, находящиеся между Балтийским и Черными морями. Стабилизация положения здесь практически зависит только от Германии и Советского Союза, по меньшей мере до полного окончания ведущейся сейчас войны. При этом необходимо иметь в виду, что Германия, связанная в Западной Европе войной с Англией и Францией, придает большое значение экономическому сотрудничеству с Советской Россией. Торговый обмен с Советской Россией, а также странами Скандинавии и Восточной Европы, особенно с СССР, должен нейтрализовать англо-французскую блокаду. /.../

Само собой разумеется, что если Советская Россия придает важное значение нашей неприкосновенности и безопасности, то она должна иметь в виду также и те возможности, которые дает эта позиция.

Усилия Советской России по строительству своего боевого флота не остались никем незамеченными. Однако военный флот Советской России находится в неблагоприятном положении с той точки зрения, что у него на Балтийском море почти полностью отсутствуют базы. Кронштадт, который стиснут в дальнем конце Финского залива, зимой полностью закрыт из-за льда. Опасность для России заключается и в том, что любые враждебные силы могут воспрепятствовать её выходу из Финского залива. Поэтому Советская Россия уделяла такое большое внимание вопросу сооружения укреплений на Аландских островах. Приходят на память энергичные выступления Советской России на сессии Лиги Наций, в результате чего работы по возведению укреплений на упомянутых островах были приостановлены.

Принимая во внимание с одной стороны настоятельную необходимость Советской России иметь базы для своего флота, а с другой — те доверительные отношения, которые существуют у нас с Советской Россией, правительство Эстонии приняло решение пойти навстречу пожеланию Советской России и предоставить ей базы на побережье Эстонии, заключив в этих целях договор о взаимной помощи. Самим собой разумеющимся предварительным условием этому является уважение со стороны Советской России нашей независимости. Подписанное соглашение не должно оказывать влияния на нашу внутреннюю и внешнюю политику.

При условии взаимной лояльности это должно быть осуществлено. Подобное сотрудничество — не единичный случай в международной жизни, более или менее схожие отношения имеются и у других государств.

Решение этой задачи требует от нас хладнокровия. Необходимость подобного решения вытекает из общего международного положения, обстановки в Восточной Европе и на Балтийском море и, конечно, ограничено во времени. Мы считаем, что более глубокое обоснование этого шага в настоящее время не является необходимым.

Х. Т/аммер/

Пяэвалехт, 1939, 29 сентября.

121 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА США В СССР ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ США

29 сентября 1939 г.

/.../ Вчера вечером было подписано советско-эстонское соглашение о взаимопомощи сроком на 10 лет. Представляется, что оно предусматривает объем военного протектората над Эстонией, в рамках которого Советскому Союзу будет разрешено иметь военно-морские и военно-воздушные базы на островах и побережье Эстонии. Частью соглашения является торговый договор, предусматривающий большое увеличение товарооборота между двумя странами и создание лучших возможностей для транзита советских товаров через эстонские порты.

Штейнгардт

FRUS. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933—1939. P. 944. Перевод с английского.

122 ТЕЛЕГРАММА ПОСЛАННИКА ГЕРМАНИИ В ТАЛЛИНЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

29 сентября 1939 г.

Заключение эстонско-советского военного соглашения, самый существенный пункт которого стал здесь известен вчера вечером, вызвало в правительственных кругах огромное облегчение [...].
Существование эстонской государственности, как полагали, находилось под серьезной угрозой. В правительственных кругах связывают происшедшее вчера неожиданное смягчение советских требований влиянием министра иностранных дел Германии на Молотова и Сталина. Это вызвало чувства глубокой благодарности к Германии, которое, в частности, нашло выражение в посещении заместителем министра¹ сегодня утром миссии с тем, чтобы высказать слова признательности. Из бесед с ним, а также другими выдающимися государственными и военными деятелями, выяснилось, что Эстония подписала договор о военном союзе единственно в результате сильного давления и во избежание грозящего уничтожения. Несмотря на вытекающую из этого односторонность связей с Советским Союзом, большой упор делается на поддержание хороших отношений (с Германией). Последнее рассматривается посвященными в этот вопрос — общественности не известно о требованиях Советского Союза, предъявленных позавчера — как единственная сила, которая спасла страну от домогательств Советского Союза и на которую можно опереться и в дальнейшем. В то же время отчасти опасаются предъявления русскими новых требований в том случае, если Германия окажется связанной на Западе или ослабнет. [...].

Печать сообщает о договоре под видными заголовками, комментируя его подписание таким образом, что невозможно было не пойти навстречу давним пожеланиям России вывести советский флот из единственной бухты; главным является сохранение полного суверенитета Эстонского государства.

Фровейн

ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 135—136. Перевод с немецкого.

¹ О. Эпик.

2 октября 1939 г.

Секретно

ПРОТОКОЛ № 30

Объединенное заседание комиссий по иностранным делам
и государственной обороне Государственной думы и
Государственного совета 2 октября 1939 года в 11 часов

Присутствуют: Члены Государственной думы М. Хансен,
А. Юрима (Ярвам.), В. Кадарик, А. Каринеэл, Я. Ньюман,
А. Пийп, О. Пукк, А. Андеркопп, О. Густавсон, Л. Йохансон,
Я. Тыниссон, О. Кёстер;

Члены Государственного совета: Ф. Акель, И. Лайдонер,
Я. Соотс, Й. Пухк, В. Пятс, Й. Орасмаа, А. Ойнас, Х. Лаури,
А. Маурер.

В заседании принимают участие: Председатель Государствен-
ной думы Ю. Улуотс, Председатель Государственного совета
М. Пунг, премьер-министр К. Ээнпалу, министр иностранных дел
К. Сельтер, министр социального обеспечения О. Каск, помощник
министра иностранных дел О. Эпик, директор политического от-
дела Министерства иностранных дел Н. Каасик, директор отдела
внешней торговли Министерства иностранных дел Г. Мери, пред-
ставитель правительства республики в Государственном собра-
нии Й. Клесмент.

Председательствует А. Юрима.

Протоколирует секретарь Государственной думы П. Малвет.

Повестка дня:

Обсуждение пакта о взаимной помощи между Эстонской Рес-
публикой и Союзом ССР.

По требованию министра иностранных дел проводится закры-
тое заседание.

I.

Вопрос об участии в заседании членов Государственной
думы А. Андеркоппа, О. Густавсона, Л. Йохансона, Я. Тыниссона,
О. Кёстера, А. Юрима (Тартум.) и членов Государственного
совета Й. Орасмаа, А. Ойнаса, Х. Лаури и А. Маурера.

По предложению Председателя Государственной думы
Ю. Улуотса принимается решение пригласить для участия в засе-
дании членов Государственной думы А. Андеркоппа, О. Густав-
сона, Л. Йохансона, Я. Тыниссона, О. Кёстера и А. Юрима (Тар-

тум.), а также членов Государственного совета И. Орасмаа, А. Ойнаса, Х. Лаури и А. Маурера.

По предложению председательствующего А. Юрима принимается повестка дня.

II.

Пакт о взаимопомощи между Эстонской Республикой и Союзом ССР. Обсуждение.

Министр иностранных дел К. Сельтер: В соответствии с поручением Президента Республики и данными им полномочиями мы подписали следующее соглашение. (Зачитывает текст соглашения).

К пакту прилагается также секретный протокол. (Зачитывает пояснительную записку правительства Республики).

Подписанием этого соглашения сделан далеко идущий шаг. Вопрос, который еще в далеком историческом прошлом приводил к раздорам, предполагается решить таким образом, чтобы предоставить использование Балтийского моря нескольким государствам и осуществить это мирным путем. Надеемся, что этот пакт позволит избежать нам любых конфликтов. Мы сознаем, что первыми подписываем подобный договор и надеемся, что тем самым будем способствовать всеобщему миру.

Излагаю краткое содержание договора о торговле, который мы также подписали в Москве. Это необходимо хотя бы для того, чтобы понять, что до подписания пакта о помощи было бы трудно заключать торговый договор. Зачитывает торговый договор. К нему относится также соглашение о транзите.

Договор нам выгоден. Надеюсь, что иностранные комиссии одобряют мою деятельность.

Я. Тыниссон: Всем ясно, что теперь происходит. В то время, как наши представители находились на переговорах в Москве, через нашу территорию летали военные самолеты чужой страны, и на это никто не реагировал. Было официальное сообщение о том, что правительство Эстонии заявило протест против нарушения нейтралитета. Происшедшее указывает на то, что здесь имеем дело *de facto* с чем-то иным, чем самостоятельное государство. Нам доказывают, что мы решаем международные вопросы Балтийского моря и при этом видим, как обращаются с нашим суверенитетом. Вызывает удивление информация нашего управления пропаганды — что народ благодарит президента за договор и шлет телеграммы. Этим как будто бы обеспечивается мирное развитие народа Эстонии. Были ли такие телеграммы — неизвестно, кажется, что этим дается понять, что посылать такие телеграммы нужно. В действительности же создают представление, будто бы мы — победители. У нас нет сейчас честности, хотя

и должна быть, чтобы признать, что наш суверенитет нарушен. Теперь мы должны принять договор и сделать так, чтобы не пострадала наша честь.

Когда обсуждался вопрос: заключить договор или нет, никто не возражал против этого — другого пути не было. Подчеркивали, что когда договор заключат, то тогда будем лояльно выполнять его. Доверие должно быть. Однако не следует добиваться выгод для своего правления таким путем. Мы не можем идти таким образом навстречу будущему. Как у нас ведутся дела, видно хотя бы из тех наших заявлений, что для нас существует один фронт — восточный, — на котором мы будем смело действовать. Подобные декларации не могли остаться тайной для нашего восточного соседа. Надеялись на помощь Германии и придерживались все время этого направления. Мы должны получить ясную перспективу будущего и должны правильно оценивать факты. Вольно или невольно мы должны координировать свою политику в соответствии с заключенным договором. Это мы должны делать честно, хитрости здесь неуместны, потому что это означало бы катастрофу. В этом и состоит сейчас вопрос, может ли народ пойти на это в сложившихся условиях. Если кто-то считает, что так можно, то я полагаю, что это большое заблуждение. В этот серьезный момент каждый должен говорить открыто о том, что у него наболело на сердце и что он считает правильным. Невозможно идти дальше, не устранив существующие препятствия. Нынешнее правительство Республики должно уйти для того, чтобы было создано новое, — правительство народного единства. Мы должны идти в будущее все вместе. Пусть придет правительство национального согласия, в котором все относятся друг к другу позитивно. Только в этом случае удастся спасти то, что еще можно спасти. Оккупация, если она будет, не ограничится восемью месяцами, а продлится гораздо дольше. Договор с Союзом ССР нужно выполнять честно и корректно. В будущее надо идти с открытыми глазами, тогда сможем сохранить то, что нам дорого. Если переживаемые сейчас нами мгновения не придадут нам зрелости, будет плохо. Мы должны понять то, что единодушная ратификация — это наш общий путь, это судьба нашего народа и государства.

Л. Йохансон: Нам не следует обманывать себя иллюзиями. Базы — это большие крепости, однако мы должны были их дать — тут ничего нельзя было поделать. Мы не в силах выступить пртив. Причина того, что от нас потребовали, в том, что мы — ближайшиe соседи. Однако наши благодарственные телеграммы — отрицательное явление. Подобные акции правительство не должно провоцировать, следует избегать толкования фактов в свою пользу. Мы не должны разрушать созданную нами независимость. Я недоволен нашим режимом. Исключение русского языка из школьной программы было большой ошибкой.

Нужно отказаться от нынешней внутренней политики. Следует повышать жизненный уровень населения, бедность не должна расти — это было бы гибелью для нас. Правительство в последнее время будто бы поразила слепота. Некоторые наши учреждения следовало бы реорганизовать, другие сократить. Социальные условия очень важны. С оценками надо быть очень осторожными. Те меры, которые применяли до сих пор, не дают результатов. Великая держава, которая введет сюда свои войска, несомненно окажет влияние на структуру нашего государства. Мы должны все сделать для того, чтобы объединить силы и сохранить нашу независимость.

Председатель Государственного совета М. Пунг: Уверен, что у наших граждан нет иллюзий в отношении договора. Всем ясно, что он принесет с собой. Это чувствуют и те, кто в настоящий момент не высказываются по этому поводу. Не хочу быть пророком, но я не считаю, что наш суверенитет останется незабываемым. Суверенитет малой страны никогда нельзя сравнивать с суверенитетом великой державы. Суверенитет дает возможность многое сделать для блага своего народа. Когда закончится большая война, с нами сделают то, что пожелают и никто не станет нас спрашивать. Подписание договора не нанесло ущерба нашему суверенитету. Однако сейчас не время говорить о том, что у кого наболело, т. к. мы здесь находимся для того, чтобы высказать свое отношение к договору. Внутреннюю политику следовало бы пересмотреть, но для этого нужно другое время. В вопросах внутренней жизни у нас должно быть единодушие. Нужно воздержаться от высказывания взаимных обид, чтобы не дать никому повода для вторжения в наши внутренние дела. Мы должны договориться между собой для проведения необходимых реформ, а не так, чтобы сначала все изменить, а потом пытаться договориться. Все еще далеко не потеряно.

Приступим теперь непосредственно к тому вопросу, ради которого мы собрались сейчас, — прочие дела урегулируем на другом заседании.

Председательствующий: Напоминаю — сегодняшнее собрание предназначено для обсуждения договора.

А. Пийп: Хотел бы сделать несколько замечаний в отношении договора с юридической точки зрения. Должен сказать, что формально мы с честью вышли из создавшегося положения. Этот договор между двумя государствами основывается на взаимности и равноправии. В нем подчеркивается наш мирный договор, суверенитет и оговорен срок его действия. На арендуемых территориях сохраняется наша юрисдикция. Подписанный договор не является каким-то новшеством — такие же базы были в Китае и Испании, а Египет ближе всего сейчас к тому же положению, что и у нас. В договор невозможно включить все — для этого имеется протокол. Не имеет существенного значения, где что зафиксиро-

вано. При заключении договора к делу подходили спокойно, как специалисты, взвешивали все. В Москве нам тоже дали возможность выступать и говорили с нами наравне, а не как с подчиненными. Было сказано, что не намерены устанавливать над нами протекторат. Все время царило доверие. Уверен, что в пределах возможного мы добились лучшего. Сталин сказал: вы поступили хорошо — посмотрите, где теперь Мосьщицкий. Переговоры не оставили впечатление, что это было начало конца. Они установили новые отношения согласия одной великой империи с малыми соседями. И мы должны начать новую эпоху для обеспечения будущего. Необходимо объединиться сверху донизу, делать все, чтобы поднять жизненный уровень народа. Также надо создать правовой порядок. Необходима ясность в том, что нас ожидает, если мы по ряду проблем не сделаем изменений. Однако сейчас продолжим обсуждение вопросов, связанных с договором.

Главнокомандующий вооруженными силами И. Лайдонер: Сегодня уже прибывает русская комиссия во главе с комендантом Ленинграда. Мною даны указания, чтобы переговоры велись доверительно и честно. В наших комиссиях также много специалистов из ряда министерств. Председателем комиссии является генерал Н. Резк. Мы должны понять, что России действительно необходим выход и с этим надо считаться. Поэтому мы должны наиболее полно учитывать их просьбы, т. к. никакому малому государству не пойдет на пользу конфликт с великой державой. Объявить мобилизацию мы не смогли и не можем делать этого сейчас — это означало бы войну. Нарушения наших воздушных границ чужими самолетами объясняются намерением выяснить, идет ли у нас мобилизация. Великая держава может позволить себе нечто большее. Если бы Россия хотела войны, то ей никто не мог бы этого запретить и тогда она поступала бы иначе. Наша же задача состоит в том, чтобы сохранить народ насколько это максимально возможно, проведя его через все трудности. Говорить о том, что мы не можем противостоять России, очень трудно, но я должен это сделать, чтобы сохранить свой народ. Ясно и то, что наш суверенитет не соответствует суверенитету великой державы — это мы уже видели в Женеве, где с нами тоже не очень считались.

Сейчас у нас нет оснований рисовать свое будущее в черных красках. И так нас оберегали и баловали в течение 20 лет. А мы ссорились между собой. Это необходимо прекратить, и я верю, что тогда мы преодолеем все трудности. Мы должны будем жить в более жестких условиях и это пойдет нам лишь на пользу. Надеемся, что будем в состоянии охранять наше государство для пользы народа и в соответствии с его интересами.

Премьер-министр К. Эппалу: Генерал Лайдонер высказал по существу уже все, что я намеревался сказать. Затрону лишь некоторые вопросы, нуждающиеся в разъяснении. Мы благодарны

делегации. Должен уточнить вопрос о посылке телеграмм — об этом не было распоряжения правительства. Прошу мне поверить, Однако посылку телеграмм мы запретить не можем. Я теперь должен разъяснить народу, что намереваемся выполнять договор честно — это очень существенно. Правительство намеревается перестроиться согласно требованиям обстановки. Нынешнее время ставит перед нами много трудных задач. Правительству обо всем известно и оно делает все возможное, чтобы преодолеть эти трудности.

А. Ойнас: Может ли министр иностранных дел ответить, как будут обстоять дела с использованием железных дорог?

О. Пукк: Как отнесется Германия к этому договору, были ли с ней переговоры по этому вопросу?

Помощник министра иностранных дел О. Эпик: Вопрос о железных дорогах находится на рассмотрении. Отношение Германии еще не известно.

А. Пийп: (Реплика по ходу совещания) Хочу сообщить, что в эстонско-русских переговорах не принимали участие немцы и, следовательно, у нас не было контактов с ними.

О. Густавсон: Необходимо принимать факты такими, каковы они есть. Если мы заключили договор, то мы, конечно, преигравшая сторона, хотя и добились максимально возможного. Теперь к договору мы все должны относиться с доверием, потому что иначе из этого ничего не получится. Каким бы договор ни был, мы должны теперь выполнять его — другого пути нет. Наши внутренние дела мы тоже должны решать, но будем это делать сами, без вмешательства партнера по договору. Однако, если сохранятся прежние жесткие условия, то договор провалится. Полицейского государства мы не примем, мы должны укреплять демократию. Надеюсь, что премьер-министр выполнит свое обещание, и тогда все будет в порядке.

Я. Тыниссон: Главнокомандующий и премьер-министр доказывали правильность шагов правительства за последние дни. Я говорил в отношении всего нашего режима, что он нуждается в переустройстве. Мы должны вести дела в нужном направлении. До сих пор нам все изображали так, как этого желало DNB. Нам старались доказать, что связи с западными демократиями не нужны, т. к. мы — нейтральное государство. Я говорил постоянно, что тем самым мы приближаемся к катастрофе. Эта проблема с договором не должна стать средством политического давления. Нам следует договориться по многим вопросам, а это время придет еще не скоро, т. к. все в первую очередь заботятся о себе. Для этого необходимо еще что-то сделать, причем быстро и правильно, иначе сядем на мель. Ратификация договора должна проходить с сознанием того, на каких условиях это делается. Нам следует подготовиться к выполнению договора. Ясно, что при этом могут возникнуть трудности и это также необходимо учитывать.

Надеюсь, что объединенное заседание комиссий по иностранным делам и обороны будет способствовать изменению внутренней политики.

Председатель Государственной думы Ю. Улуотс: На последнем заседании комиссий по иностранным делам и обороны я дал слово отдать все силы и умение служению своему народу и своей Родине. Считаю, что было бы правильно сказать теперь о том, на что я обратил внимание в Москве. Во время переговоров важное значение имеет личность партнера. При заключении договора с нами беседовали Сталин, Молотов и Микоян. Не было ни протоколирующих, ни других лиц. Должен отметить, что Сталин исключительно умный человек, так же как и Молотов и Микоян. Все это облегчало нашу задачу. Приступая к переговорам, мы исходили из того, что Россия нуждается в путях выхода. Россия также должна пользоваться поддержкой соседей, и об этом она сама должна позаботиться. По-моему, мы реально оцениваем значительные интересы России на Балтийском море. Сразу, в начале переговоров, подчеркнули способность наших руководителей реалистически оценивать события. Об этом свидетельствует наше прибытие сюда для заключения договора. Просили учесть и наши пожелания. Мы сумели создать для заключения договора благоприятную атмосферу. Я отношусь с искренним уважением к нашим партнерам по переговорам. Мне представляется, что Россия хорошо понимала нас. Мнение Сталина о заключенном договоре имеет, несомненно, большое и определяющее значение. Он входил в наше положение, приводил мотивировки и, если мы что-нибудь предлагали, то учитывал и это.

Этот договор уже анализировался и с юридической точки зрения. Он предусматривает военное сотрудничество. В связи с этим мы должны выделить России определенные территории, чтобы предоставить ее флоту свободу действий. Договор фактически вступает в силу лишь в случае агрессии великой державы. Все определено в пункте 1 договора, другие пункты связаны с его осуществлением.

Во время переговоров Россия все время подчеркивала, что внутренние дела нашего государства — это наше дело. Договор будет выполняться нами исключительно добросовестно и в духе доброжелательства. Россия, по моему мнению, будет выполнять договор честно. Сталин подчеркивал: видите, — большевики держат слово. Я, конечно, сомневаюсь, чтобы Сталин хотел связать свое имя с договором, который они не намерены выполнять. Наши партнеры, по моему впечатлению, также не испытывают сомнений в отношении нас. Теперь от этого зависит будущее наших взаимоотношений. Если будем соблюдать договор, то они могут стать хорошими, иначе нам грозит опасность. Отклонений быть не должно. Мы обязаны честно выполнять все записанное в договоре. Нам нужна беспримерная дисциплина, т. к. в будущем перед

нами встанет большая и тяжелая задача. Мы полны надежд решить ее. Я уверен, что наше руководство располагает достаточным моральным духом для этого и будет в состоянии помочь нам выполнять большую международную задачу. Мы должны отказаться от многого, что нам дорого. На весах судьбы — существование народа. Пусть же судьба будет нам помощницей. Должен заметить — делегации было нелегко.

Я надеюсь, всем ясно, что это значит для нашего народа. Мы сделали все, что могли. Мы старались послужить нашей Отчизне по мере наших сил — пусть Бог будет к нам милостив.

Премьер-министр К. Ээнпалу: Должен ответить члену Государственной думы Густавсону, что старое правительство не может уйти раньше, чем новое будет сформировано. Мы такой демократии, как многие себе это представляют, позволить не можем. Нельзя допускать, чтобы партии управляли. Должен сказать, что наши взаимоотношения с рабочими и национальными меньшинствами никогда не были настолько хорошими, как сейчас. Неверно утверждение, якобы правительство проводило политику, дружественную Германии. Правительство проводило реальную политику — поддерживало со всеми хорошие отношения.

И. Пухк: Надеемся на создание таких предпосылок, которые помогут получать во всех отношениях положительные результаты от нашей экономической политики и соглашения с Россией. Нам необходимо договориться также по вопросам внутренней политики и другим проблемам, чтобы при этом не было раздоров.

Председатель Государственной думы Ю. Улуотс: Выступления в отношении настоящего пакта касались до сих пор его содержания. Теперь же мы должны придти к решению — какими должны быть наши дальнейшие шаги. Нужно определить позицию — сообразать ли пленум или договор ратифицирует президент.

Предпочтительнее было бы созвать пленум, если бы было немного больше времени. В этом случае министр иностранных дел мог бы выступить с разъяснением, и все получили бы информацию о договоре. Представляется, что это трудно выполнимо, т. к. президент должен принять соответствующее решение. Прошу высказывать свое мнение по этому вопросу.

Представитель правительства Республики И. Клесмент: Ратификация договора осуществляется в зависимости от его категории. К первой категории относятся те договоры, которые утверждает парламент, ко второй — договоры, не подлежащие утверждению в парламенте. В третью категорию входят договоры, которые могут быть ратифицированы парламентом или, исходя из государственных интересов, президентом, после рассмотрения договоров в соответствующих комиссиях. Настоящий договор относится к последней категории.

А. Ойнас: Касаясь этого вопроса, считаю более приемлемым утверждение в парламенте, где могли бы выступить с разъясне-

ниями министр иностранных дел и другие руководители. Было бы уместно и обсуждение этого вопроса. Народ хорошо подготовился к ратификации.

Во внутреннюю политику следовало бы внести изменения. По мнению премьер-министра, это было бы повторением уже имевшего место положения. Возвращаться к старому нет необходимости. Обстановка сейчас позволяет прийти к соглашению. Наш народ сейчас должен чувствовать себя еще более сплоченным, чем во время становления независимости.

Л. Иохансон: Препятствия преодолимы. Все же можно было бы собрать парламент.

Я. Тыниссон: Договор настолько важный, что его следует утвердить в парламенте.

Премьер-министр К. Энпалу: По-моему было бы бесполезно обсуждать этот вопрос. Правительство внесло договор на комиссию, чтобы выяснить ее мнение.

Председатель Государственной думы Ю. Улуотс: Предлагаю сделать 10-минутный перерыв.

Принимается решение объявить перерыв на 10 минут.

Председательствующий: Собрание продолжается. Вношу на ваше рассмотрение следующий проект резолюции:

«Объединенное заседание комиссий по иностранным делам и обороны Государственной думы и Государственного совета, заслушав доклад правительства Республики о подписанном в Москве 28 сентября 1939 года договоре о взаимопомощи между Эстонской Республикой и Союзом ССР, постановляет признать необходимым ратификацию вышеупомянутого международного договора».

Предложение принимается единогласно.

Председатель Государственной думы Ю. Улуотс: Хочу еще заметить, что в соответствующей информации должно быть упомянуто, что договор обсуждался в надлежащих органах парламента.

Председательствующий: Повестка дня исчерпана. Закрываю заседание. Собрание заканчивается в 16.42.

П. Малвет

Секретарь

А. Юрима

Председатель собрания.

2 октября 1939 г.

Основная мысль эстонско-советского договора о взаимопомощи от 28 сентября стратегическая: в Палдиски, на Хийумаа и Сааремаа создаются военно-морские и военно-воздушные базы Советского Союза, опираясь на которые можно оказать сопротивление агрессии уже в центральной части Балтийского моря.

Тем самым договор внесет большое изменение в военно-политическом отношении. До сих пор «dominium maris Baltici», т. е. господство на Балтийском море почти неограниченно принадлежало Германии, которая могла с помощью Кильского канала сосредотачивать здесь весь свой военный флот и направлять его сравнительно беспрепятственно в любую часть Балтийского моря.

Договор Эстонии с Советским Союзом не означает в военно-политическом отношении ничего иного, как разделение «dominium maris Baltici». Тем самым линия границы, которая проведена Молотовым и Риббентропом через Польшу продлевается на волны Балтийского моря. Видимо, «Essener Nationalzeitung» права, что подобное разграничение, которое сочетается со стратегическим отходом Германии, потребовало ее согласия.

Наряду с этим военный флот Германии может сохранять свое превосходство на Балтийском море — это зависит от его относительных размеров. Однако в районе наших островов, которые Германия во время мировой войны называла «Гибралтаром Балтийского моря», рядом с ней становится, опираясь на новые базы, другая морская сила, которая прикрывает Финский залив и оказывает сильное влияние на центральную часть Балтийского моря и Ботнический залив.

Это стратегическая гарантия, которую Эстония дает Советскому Союзу. Политическим содержанием гарантии является договор об обязательствах по оказанию взаимной помощи. Существуют морские базы, как например, Гибралтар, которые в силу особенностей своего обособленного положения могут сами вести круговую оборону. Обычные морские базы в условиях войны нуждаются в защите наземными силами, в случае нападения со стороны суши. В условиях Эстонии добавляется еще и то, что вторжение вражеской армии в нашу страну означало бы вступление в войну против Советского Союза. По этому поводу Советский Союз уже во время летних переговоров с западными государствами в 1939 году заявил, что он будет вынужден в этих условиях сразу взяться за оружие. Нарушение территории Эстонии для него повод к войне — *casus belli*.

Отсюда вытекает обязательство об оказании взаимной помощи

в том случае, когда какая-либо европейская великая держава напала бы на морские границы Эстонии или Советского Союза, или базы Союза в Эстонии, или границы Эстонии или Советского Союза через территорию Латвии.

Обязательство об оказании помощи ограничено двояко:

1. Агрессором является европейская великая держава;
2. Нападение на Эстонию или Советский Союз осуществляется через морские границы или через Латвию. Обязательства Эстонии возникают лишь в случае войны в ее ближайшем окружении. Война на других границах Советского Союза Эстонию не затрагивает.

Морские базы являются гарантией Эстонии интересам Советского Союза. Его ответной гарантией является обязательство, что осуществление договора ни в чем не должно затрагивать суверенных прав его участников и особенно их экономической системы и государственной структуры. Это — гарантия Советского Союза по отношению к Эстонии. Другой подобной гарантией является подтверждение мирного договора 1920 года и договора от 1932 года о ненападении и мирном разрешении споров между Эстонией и Советским Союзом. В основе этой системы соглашений лежат принципы государственной неприкосновенности и невмешательства во внутренние дела друг друга. Все это находит выражение в том, что Советский Союз хочет от нас стратегических гарантий лишь в виде морских баз и ничего другого. Вряд ли другое малое государство, подобное Эстонии, могло бы предоставить великой державе такую возможность участия в большой европейской политике.

Л/ааман/

Рахвалехт, 1939, 2 октября.

125 ОТРЫВОК ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ГЕНЕРАЛА И. ЛАЙДОНЕРА

1 января 1940 года.

/.../ Приходят на память те времена, когда вслед за подписанием нашего мирного договора осторожные политики говорили, что не только Эстония, но и другие малые государства могут быть вполне уверены в своей судьбе лишь до тех пор, пока не возникнет новая война. Разумеется, это было сказано осторожными и опытными политическими деятелями вполне серьезно и они не намного ошиблись. Как известно, одно новое государство, а именно Чехословакия, исчезло еще до начала большой войны. Другое новое, сравнительно большое государство — Польша — исчезло сразу после начала войны. И мы, в известной мере, находимся

под угрозой, и мы могли бы попасть первыми под удар, правда не Германии, а нашего восточного соседа.

Мы, военные, — реалисты. Нам известно, и об этом говорят сейчас деятели Советского Союза, что они в течение 20 лет были вынуждены заключать с другими государствами невыгодные договоры. Они были поставлены перед необходимостью уступать везде в силу крайне тяжелого внутреннего положения. У них шла гражданская война, и они подвергались давлению извне. Те договоры, которые они заключали, были им невыгодны. Теперь внезапно положение в Европе изменилось, великие европейские державы воюют между собой не на жизнь, а на смерть. Такой благоприятной политической обстановки, в какой оказался Советский Союз, у него не было тысячи лет. Поэтому естественно его желание улучшить свое внешнеполитическое положение, на что он был не способен 20 лет назад. В связи с этим на соседей и на нас было оказано определенное давление. И я об этом говорю откровенно — такое давление было. Но в то же время мы должны признать совершенно искренне — Советский Союз предоставил нам свободу выбора — вступать ли в военный конфликт или подписать договор о сотрудничестве и взаимной помощи. Таким образом, у нас была альтернатива. В то время я считал и сейчас придерживаюсь того же мнения — Советский Союз предпочитал последнее, а именно договор. Почему именно мы первыми попали под удар? Следует учитывать географическое положение Советского Союза, ему необходим выход к Балтийскому морю. Оказывалось давление с целью укрепления своих позиций, а первыми мы стали в результате близкого расположения к Ленинграду. Были ли мы действительно первыми? Договоры с Эстонией, Латвией и Литвой были подписаны с разницей во времени всего в несколько дней. Поэтому все эти события поразили все Прибалтийские государства практически в одно время. /.../

Необходимо признать, что вступив в конфликт с Советским Союзом, мы остались бы в полном одиночестве, т. к. после катастрофы с Польшей весь мир охватила тревога и страх, были забыты все обещания и моральные обязательства.

Мы избрали этот путь договоренности о взаимной помощи и сотрудничестве с Советским Союзом и я убежден в мудрости нашего поступка. Что мы этим достигли? Мы избежали первого удара со стороны великой державы, благодаря чему не оказались в положении Польши. /.../

От пакта Молотова — Риббентропа до догово-
ра о базах. Документы и материалы / Сост.
Х. Арумяз, Р. Хелме и др. — Таллинн: Перио-
дика, 1990. — 215 с., ил., 16 с. ил.
ISBN 5—7979—0205—2

ISBN 5—7979—0258—3

Сборник содержит документы, материалы, связанные с историей заключения пакта Молотова—Риббентропа, а также с обстоятельствами, способствовавшими заключению договора между Советским Союзом и Эстонской Республикой. Многие материалы публикуются впервые.

63.3(2)721

Арьякас К., Арумяз Т., Арумяз Х., Хелме Р. От пакта Моло-
това-Риббентропа до договора о базах. Документы и мате-
риалы. На русском языке. Художник-оформитель Х. Пузанов.
Таллинн, изд-во «Периодика». Редактор А. Губергриц. Худо-
жественный редактор П. Реа. Технический редактор Т. Вент.
Корректор Т. Зинина.

ИБ № 2087.

Сдано в набор 5. 12. 89. Подписано в печать 22. 05. 90. Формат
60×90/16. Бумага № 1. Печать высокая. Печ. л. 13,5+1,0. Усл. кр.-
отт. 15,38. Уч.-изд. л. 14,59. Тираж 9000. Заказ 2601. Цена 1 руб.
80 коп. Книгоиздательская группа при издательстве «Перио-
дика», 200101, Таллинн, Пикк, 2. Типография «Юхисэду», 200901,
Пикк, 40.

Материалы, представленные на страницах настоящего издания, являются документальным отражением истории создания пакта Молотова—Риббентропа, а также обстоятельств заключения договора между СССР и Эстонской Республикой о взаимной помощи.

Важнейшая проблематика с точки зрения истории Эстонии освещается как при помощи архивных документов, так и опубликованных ранее материалов. В книге использованы подлинные материалы государственных учреждений Эстонской Республики, внешнеполитические документы СССР, Германии, Великобритании, США и Италии, а также статьи из газет и отрывки из воспоминаний.

Большая часть материалов публикуется в Советском Союзе впервые.

Подписи И. Сталина и И. фон Риббентрона на карте, фиксирующей границы СССР и Германии. 28 сентября 1939 года.